

Александр Бард, Ян Зодерквист
Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма

«Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма»: Стокгольмская школа экономики; СПб.; 2005
ISBN 5-315-00015-X

Аннотация

Нетократия — единственный в своем роде труд, смело разрушающий границы академических наук, сводя в единое целое философию, социологию, историю, экономику, бизнес и теорию управления. Это воистину первая книга, столь глубоко исследующая революционные проявления продолжающихся перемен в сфере информационных технологий — в экономике, политике, культуре и средствах массовой коммуникации.

Интерактивность становится основным признаком коммуникаций, всё вокруг меняется, и эта книга дает объяснение, как и почему это происходит.

Александр Бард и Ян Зодерквист
НЕТОКРАТИЯ
Новая правящая элита и жизнь после капитализма

ОБ АВТОРАХ

Александр Бард. Родился в 1961 году. Живет в Стокгольме. Писатель, ведущий телевизионных шоу, советник Шведского | правительства, участник проекта SpeakersNet (www.speakersnet.se) — виртуального аналога уголка ораторов в Гайд-Парке, выступает с лекциями в SSE. Также широко известен как музыкальный продюсер, композитор и художник,

автор более 80 песен, в свое время входивших в Top 40 (скандинавский Billboard). Основатель крупнейшей шведской звукозаписывающей компании Stockholm Records. Являясь одним из настоящих первопроходцев Интернета, курирует девять международных сетей, включая Philosophy (крупнейший мировой форум философов и футурологов) и Z (глобальная сеть борцов против диктаторского режима в Иране).

Ян Зодерквист. Родился в 1961 году. Живет в Стокгольме. Бакалавр в области литературы (Университет Стокгольма). Писатель, редактор, телевизионный и радиопродюсер. Ведет авторскую колонку в *Finanstidningen* (шведский аналог *Financial Times*) и раздел кинематографической критики в ежедневной шведской газете *Svenska Dagbladet*. Пять лет был редактором ведущего шведского литературного журнала *Alltom Bockeg* и четыре года — редактором ведущего шведского политического журнала *Moderna Tider*. Также работал редактором на Шведском телевидении и в журнале *Computer Sweden*. Один из основателей журнала *Dolly*, посвященного вопросам 'новой экономики' и 'новой биологии'. Как и Александр Бард, является участником проекта *SpeakersNet*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга появилась на свет как следствие нашего глубокого разочарования. Мы были не в состоянии более выносить невежество и инфантильность публичных дебатов конца XX века о будущем, которое нас ожидает. Все, что до сих пор было сказано и написано, либо насквозь проникнуто какой-либо идеологией, либо не содержит в основании ни малейшей попытки исторического анализа тех причин, вследствие которых технологический прорыв в области информационных технологий может на самом деле драматически изменить наше общество. Ни отъявленные оптимисты, ни закоренелые пессимисты оказались пока что не способны продемонстрировать серьезность подхода к проблеме. И те, и другие правы по наиболее банальным вопросам, но ошибаются во всем, что действительно является существенным. При этом мы сами живем и работаем в Швеции, в стране, которая всегда приводится как пример раннего и весьма удачного приспособления к новым технологиям и процессу глобализации. Но если даже в такой стране мы постоянно выслушиваем столько чепухи, то как же приходится всем остальным? Как мы писали в предисловии к шведскому изданию, настал тот самый момент, когда кто-то, наконец, должен взять на себя труд нарисовать ясную картину происходящего, причем как раз по наиболее сложным и важным аспектам, возникающим в связи с тем, что новые формы информационных технологий побеждают практически на всех фронтах. Что произойдет с государством? Какова судьба политиков и демократии? Какие изменения претерпят рынок труда и система образования? Как изменится потребительское поведение? Как ход событий повлияет на искусство, философию и средства массовой информации? Как изменится классовая структура, и по какому поводу будут происходить классовые баталии? Какие социальные группы одержат победу или проиграют в новых условиях? Как будут функционировать электронные системы коммуникации? Как власть будет перераспределена в рамках вновь образующейся иерархии? Каковы стратегические интересы новой элиты, и чем будет характеризоваться новый низший класс? Какие науки будут задавать тон? Какие социальные проблемы будут наиболее насущны, и каковы будут Доступные решения? Как изменится человек и его представление о мире, и какие последствия это будет иметь? И так далее.

Для ответа на все эти вопросы прежде всего необходимо определить основные понятия. Читатель должен представлять себе, что такое информационные технологии и как они работают. Что такое человек, с биологической и социальной точек зрения. Что такое власть, и почему она становится доступной и возможной? Наши размышления простираются на обширные пространства и пересекают множество границ. Эксперты в узких областях, безусловно, обнаружат для себя множество спорных деталей, но нас интересует более широкий подход, который возможен только в том случае, если вы способны делать захватывающие дух обобщения. Эта книга от начала и до конца написана в духе нетократии, нарождающегося общественного строя, сущность которого здесь, собственно, и описывается.

Оригинальная шведская версия этой книги была опубликована в сентябре 2000 года, и реакции на нее зачастую были противоположными, от несдержанного, чрезмерного восторга до ужаса и отвращения. Книга сразу же оказалась на первом месте списка шведских бестселлеров и продержалась там до конца года. Чем больше нас читали, тем более ожесточенными становились дебаты. Действительно, как мы можем быть настолько уверены в том-то и том-то? Что мы имели в виду, говоря, что капитализм и демократия неумолимо движутся к смерти? Напротив, не происходит ли на наших глазах переход капитализма на новую качественную ступень развития, и не приведет ли это к ренессансу демократии. Сегодня, когда мы пишем это предисловие к русскому изданию, после тех событий прошло чуть менее трех лет, но так много всего успело произойти за это время. Массовая гибель интернет-компаний нанесла удар по фондовым рынкам во всем мире. Сотни и сотни миллионов долларов попросту растворились в результате одного из самых драматичных потрясений в современной экономической истории. И теперь мы убедились, что развитие событий полностью подтвердило нашу правоту.

Для каждого, кто внимательно прочитал эту книгу, стало теперь очевидно, что наш анализ, решительно отвергаемый столь многими, оказался верен по большинству ключевых положений. Существование Сети — это факт, с которым нельзя не считаться. Сеть изменяет практически все в нашей жизни. И крушение интернет-компаний показательно как раз в том смысле, что нынешние капиталисты просто не понимают основ новой экономики и социального устройства, появлению которых мы обязаны Сети. В результате очевидно, что представители нынешнего класса капиталистов не смогут удержаться на вершине власти, как только влияние новых факторов станет повсеместным. Новый правящий класс — НЕТократия — вышел на арену. В связи с тем, что капиталистический способ производства больше не будет являться доминирующим, необходимо ожидать появления и развития нового низшего класса. Вместо ранее существовавшего пролетариата нарождается новый 'потребительский' класс — консьюметариат. На наш взгляд, господство интерактивности в качестве главного атрибута информационного обмена приведет к полной смене самих основ установившегося порядка, или, говоря научным языком, к изменению парадигмы существования, что в свою очередь приведет к изменению механизмов распределения власти в обществе и переходу ее от одного правящего класса к новому, точно так же, как в свое время власть перешла от аристократии, правящего класса феодализма, к новому хозяину тогдашнего мира, буржуазии, появившейся вследствие установления индустриального способа производства.

Безусловно, самым значительным событием, произошедшим с момента выхода шведской версии, стали атаки террористов на Всемирный Торговый Центр и Пентагон 11 сентября 2001 года, а равно и последствия этих атак, сказавшиеся на политической и культурной жизни и фондовых рынках, да и практически на всех сторонах жизни. Последствия, одним из которых является недавняя война в Ираке, которая знаменует собой начало новой геополитической эры.

Если оставить в стороне масштабы нанесенного в результате атак ущерба и серьезность последствий, то сам факт такого рода агрессии, не имеющей никакой политической цели, не должен был бы стать сюрпризом для тех, кто внимательно прочитал нашу книгу. Печально, но то, что произошло 11 сентября, является лишь звеном в цепи закономерных событий, которые нам удалось предсказать в 10 и 11 главах. Придется свыкнуться с мыслью, что в информационном обществе даже сравнительно небольшая по размерам сеть, исповедующая принципы аттенционализма, может поставить на колени сильнейшее в военном и финансовом отношении государство мира.

Не исключено, что в будущем 11 сентября 2001 года станет памятной датой, исторической вехой, символом того, что информационное общество пришло на смену капитализму в качестве доминирующей парадигмы. Или, по крайней мере, символом того, что это так или иначе произойдет. Окончательное падение авторитета ООН, которое мы все имели возможность наблюдать в качестве прелюдии к войне в Ираке, подтверждает еще один тезис этой книги, а именно, тезис о продолжающемся падении авторитета суверенного национального государства. Эту тему, а также вопрос о необходимости создания новой глобальной платформы для реализации политической власти, мы более глубоко исследуем в новой книге, *The Global Empire*, которая, мы надеемся, также вскоре появится на российском рынке.

Наш мир отныне будет строиться вокруг понятия, которое мы бы определили как

'обособленную целостность' или 'тождественность'. Те группы людей, которые так или иначе начинают ощущать, что глобализация работает против них, и потому все более склоняются к мысли, что их традиции, да и жизнь в целом становятся лишенными смысла, будут все более интенсивно прибегать ко всем возможным в век интерактивных коммуникаций способам, направленным на то, чтобы и их голос тоже был услышан. Грандиозный террористический акт в этом смысле, возможно, — самое эффективное средство. Абсолютно бесполезно, на наш взгляд, пытаться обнаружить стоящую за этим терактом идеологию или сколько-нибудь логическую последовательность действий. Вспомним, что те, кто атаковал ВТЦ, на самом деле были хорошо образованы и прекрасно осведомлены о том, как жить в Сети. Эти ребята даже свои билеты забронировали он-лайн. Они обладали необходимыми финансовыми возможностями, но что еще более важно, навыками построения эффективных сетевых коммуникаций, необходимых для реализации их планов. И дело вовсе не в том, есть у вас выход в интернет или нет, это даже не вопрос бедности или богатства. Это вопрос о том, кто приобретает или теряет власть в результате трансформации социоэкологической системы. Трансформации, движущей силой которой в конечном итоге является развитие технологий.

Такое проявление агрессии — реальность, сколь бы невероятным оно нам не представлялось. Как ни странно, вопреки широко распространенному заблуждению, в результате всех изменений общество в целом становится значительно менее прозрачным. Все труднее занять устойчивую позицию в ситуации, когда новые тенденции вступают в столкновение с еще более разрушительными контртенденциями. Едва ли будущий мир будет слишком уж комфортным для существования.

Еще одним вопросом, вызывающим множество дискуссий, является предрекаемый нами скорый конец демократии. Нас немедленно обвинили в цинизме и в дефиците приверженности демократическим идеалам, когда мы осмелились заявить, что кризис демократии будет иметь смертельный исход, и Сеть выступит скорее в роли старухи с косой, чем рыцаря в блестящих доспехах. И опять развитие событий подтверждает наши предположения. Графики, показывающие процент голосующих на выборах и участия в политических акциях, неуклонно идут вниз. По наблюдениям прессы, количество жителей Британии, проголосовавших по телефону за участников последнего тура теле-шоу 'Последний герой', оказалось значительно больше количества тех, кого привлекло голосование на выборах в Европарламент. И никакие красивые лозунги не спасут положение. Те времена, когда демократия действительно служила адекватным средством принятия эффективных политических решений, минули и не возвратятся, как бы нам этого ни хотелось.

Все сказанное не означает, что мы принимаем на себя роль капитулянтов или фаталистов, как заявляли некоторые критики. Разумеется, в любых условиях можно найти способ в той или иной степени воздействовать на ход общественного развития, но только основываясь на более или менее адекватной модели такого развития. Благие намерения бессильны сами по себе. Возможности оказывать влияние на ход событий смогут появиться, только если мы окажемся способными создать достаточно детальную и при этом непредвзятую модель того, каковы объективные исторические предпосылки и внутренняя природа явлений, набирающих силу.

Ряд авторов, как например Мануэль Кастельс в своем многотомном труде 'Эра информации', уже предпринимали попытки определить очертания новой парадигмы, но почти все они в своих размышлениях оказались так или иначе неспособными выйти за рамки логики, присущей как раз старой парадигме, и потому ничего существенного к пониманию картины будущего мира не добавили. В то самое время как Кастельс приводит огромные массивы статистических данных и пытается интерпретировать эти цифры в рамках традиционных гуманистических воззрений и утративших связь с реальностью политических доктрин, мы стараемся строить свои рассуждения сточки зрения наблюдателя, находящегося в центре революционных изменений, как смерч пронсящих по миру. Мы никоим образом не исповедуем никакой политической программы и не относимся ни к 'левым', ни к 'правым'. Мы не выступаем ни 'за', ни 'против' тех или иных перемен, мы просто хотим попытаться понять их и объяснить, ответить на вопросы 'как?' и 'почему?'. Потому что ясность понимания лучше, чем самообман.

Глобальные вопросы. Теперь и русскоязычные читатели получили возможность

ознакомиться с нашим анализом и присоединиться к дискуссии (хотя и по-английски) на сайте www.eternalism.org. Обсуждение продолжается, число участников растет, а значит, наше разочарование уже не столь велико, как прежде.

*Александр Бард, Ян Зодерквист
Стокгольм, апрель 2003*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Сначала ничего не было, потом было слово, после появилась письменность, затем изобрели книгопечатание, и сейчас наступает кульминационный способ общения — Сеть.

За письмо держались феодалы, в книгу верят капиталисты, а Сеть принадлежит нетократам. Александр Бард и Ян Зодерквист проведут для читателя увлекательную экскурсию на машине времени по прошлому и немного по будущему.

Настоящий буржуй и капиталист получает удовольствие от развлечений, которые можно продать всем. Настоящий нетократ получает удовольствие от развлечений, недоступных широкой публике.

Ешь ананасы, рябчиков жуй. Наступает нетократия.

Нетократу не нужны деньги, они уже не в моде. Уже сегодня на них нельзя купить любви. А место в Сети вообще ни на что нельзя обменять, В Сеть пускают тех, кто нашел тайный лаз. Сеть интерактивна, это заряжает нетократов энергией. Оставшийся за бортом низший класс потребителей, консумериат, считает, что интерактивность — это программа Word, чаты в интернете и возможность позвонить в «горячую линию» новостной программы.

В нетократическом обществе всегда включена дезинформационная дымовая завеса. Консумериат погружен в туман бесконечного количества информации, в котором невозможно разглядеть знание. Разумеется, знание доступно только нетократам: это их валюта, их топливо, их адреналин. Нетократы — новая правящая элита, они управляют консумериатом.

Эта книга написана в лучших нетократических традициях — она использует слабые стороны старого строя и скрывает правду. С одной стороны, эта книга издана при капитализме, отпечатана в типографии и продана за деньги, которые нетократу, казалось бы, не нужны. С другой стороны, авторы тщательно маскируют знания в потоке информации. Портрет нетократа, такого члена масонской ложи, обнаружившего на своем загородном участке золотой метеорит, прямо противоположен истинному облику.

Настоящий нетократ — эпикуреец-эгоист. Умение работать в Сети — общественной или электронной — ему нужно только для того, чтобы контролировать утечку знания. А иногда нетократы развлекаются изданием книг о самих себе.

Артеми́й Лебедев
<http://www.artlebedev.ru>

ГЛАВА I. ТЕХНОЛОГИИ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ИСТОРИИ

Известна история о японском солдате, обнаруженном несколько десятилетий спустя после окончания II мировой войны в непроходимых азиатских джунглях, где все эти годы он продолжал свою маленькую войну. По стечению обстоятельств его оставили там, в полном одиночестве. Возможно, ему было приказано оставаться на этом удаленном рубеже до дальнейших указаний, и поэтому он продолжал исполнять свой долг с поразительной преданностью Родине, либо он был просто слишком напуган для возвращения в более заселенные места. Но шло время, и никто не сказал ему, что объявили мир. Поэтому II мировая продолжала бушевать в его воображении.

Не стоит смеяться над этим солдатом. Видимо, он был неправ, но точно так же и мы постоянно заблуждаемся. Он был недостаточно информирован, но разве не то же самое происходит и с нами? Все в той или иной степени являются заложниками противоречивых

представлений о том, что происходит за пределами того маленького, близкого мирка, о котором только и можно верно судить. Это не мешает формировать суждения о явлениях, порой настолько сложных, что для их понимания разум является, мягко говоря, ограниченным. Большая часть наших знаний не более чем представление о том, что мы знаем. Действия других людей понятны только в той степени, в какой мы действительно знаем, что они думают или знают. Это не всегда осознается. Несоответствие большинства знаний реальному положению вещей означает, что мы вечно продираемся сквозь дебри непонимания, а это дорого обходится.

Подобно японскому солдату, мы воспринимаем мир умозрительно. Мы вынуждены создавать у себя в голове многослойный фильтр, потому что мир слишком огромен и сложен, чтобы позволить себе бесконечно впитывать знание о нем без ущерба для здоровья. По этой причине мы живем в выдуманном мире, построенном на основе множества упрощенных моделей того, как этот мир выглядит или должен выглядеть. Эти вымыслы призваны заполнить те бездонные пропасти, что пролегают между немногими островками доступного знания. Внутри мира личных фантазий мы думаем и чувствуем, но именно вовне, в коллективной реальности у наших действий есть последствия. Чем сложнее ситуация, тем больше догадок мы вынуждены строить, и тем больше доля вымысла в нашем восприятии реальности.

Зависимость от собственных фантазий имеет порой драматические последствия не только для нас лично, но и для общества в целом. Подобно японскому солдату, мы вслепую пробираемся через темный лес. Реагируем на сигналы, которые едва понимаем и последствия которых видим только отчасти. Важнейшие политические решения порой базируются на весьма шатком основании и имеют последствия, далекие от планируемых. Мы придаем большое значение результатам выражения общественного мнения, например, в форме всеобщих выборов, которое лишь служит проявлением минимального знания о предмете. Так, журналист Уолтер Липман среди других обсуждал эту проблему в двух своих умных и глубоких книгах. Все увеличивающийся дефицит в понимании общей картины происходящего во многом объясняет, почему, например, современные избиратели гораздо лучше разбираются в махинациях с кредитными карточками или злоупотреблении алкоголем отдельных политиков, чем в важных политических вопросах. Символизм помогает, когда реальные проблемы воспринимаются как чересчур сложные. Весь деловой мир постоянно занимается тем, что меняет прогнозы и корректирует решения задним числом, тщательно скрывая, что предыдущие прогнозы и решения были построены на основе скорее вымышленных, нежели реальных концепций, являясь результатом хронического недостатка достоверной информации.

Становиться информированным значит пытаться синхронизировать свою голову и мир. Есть хороший повод для этого — взаимодействовать с окружающим миром легче, когда правильно представляешь механизмы его функционирования. Изучавший психологию фондовых Рынков имеет больше шансов на успех на этих рынках; хорошо знакомый с побудительными мотивами людей имеет больше шансов на успех во взаимоотношениях с ними, и так далее. Каждая ваша ошибка лишь показывает, что мы не были проинформированы так хорошо, как думали или надеялись. Несоответствие между нашим восприятием реальности и восприятием других людей, а равно и между нашими собственными фантазиями и самой реальностью слишком велико. Люди учатся на своих ошибках: принимают их в расчет, и двигаясь вперед, соответствующим образом корректируют свое поведение. Другими словами, используют информацию.

Фантазии могут быть более или менее правдоподобными, более или менее применимыми. Они принимают самые разные формы, от галлюцинаций до научных теорий, и постоянно подвергаются проверке. Наша культура базируется на комбинации фантазий, кажущихся наиболее правдивыми на данный момент, и фантазий, которые уже подтвердились. Темой несоответствия между нашими фантазиями и реальностью постоянно занимается литература. Дон Кихот и Отелло, Раскольников и Эмма Бовари — жертвы своего вопиющего невежества. Все они, так или иначе, включая японского солдата — братья по несчастью. В попытке изучить и получить представление об окружающем мире следует научиться различать стереотипы — те упрощенные модели, которые обычно используются. Не потому что они отражают наш опыт, а потому что они апеллируют к нашим личным интересам — анализу фактов и прогнозам — необходимым моделям реальности, делающим её понятной, даже если результаты не

устраивают или не соответствуют нашим заветным мечтам.

Наши мысли зависят от доступа к информации. История японского солдата иллюстрирует это: лишенный доступа к новостям из внешнего мира, он несколько десятилетий был обречен вести свою воображаемую войну. Это справедливо и для целых народов и даже цивилизаций. Мысли и действия — производное наличной информации. Не отсутствие материалов не позволило викингам использовать водные лыжи, а римлянам заснять свои оргии на видео, а отсутствие необходимой информации. В сущности, информация создает цивилизации. Это значит, что развитие технологий не только изменяет предпосылки для тех или иных действий, но, изменяя способы обмена и перераспределения информации, приводит к переоценке всех ранее существовавших представлений о мире. Закономерным следствием технологической революции становится появление новой исторической парадигмы.

Появление языка стало одной из таких революций. Наши ближайшие родственники — приматы — это высокоразвитые животные с потрясающими способностями к обучению. Но мы не в состоянии научить их говорить. С физиологической точки зрения, их верхние дыхательные пути не приспособлены к тому, чтобы функционировать в качестве голосового аппарата. Однако приматы не способны использовать и язык изображений. Шимпанзе едва могут научиться различать символы для общения на уровне маленького ребенка: они могут показать, чего они хотят, и кто это должен сделать, но не в состоянии обмениваться опытом и рассуждать о смысле жизни. У них отсутствует способность обмениваться мыслями при помощи лингвистических символов, что до предела снижает возможности обмена информацией. Отделение людей от приматов произошло примерно 5 миллионов лет назад, но и после этого потребовалось очень много времени для появления языка. Поначалу у людей были проблемы с неприспособленностью голосового аппарата, а эволюция, как известно, медленный процесс. Назвать точную дату появления разговорного языка трудно. Современные исследования свидетельствуют, что это произошло около 150-200 тысяч лет назад, то есть тогда, когда и развитие мозга, и изменения в анатомии стали достаточными для появления артикулированной речи.

Язык отличает нас от других животных. Для создания технологий требуется абстрактное мышление, которое в свою очередь возможно только при наличии системы лингвистических символов. Язык предоставил возможность социального развития, что привело к созданию устойчивых коллективов и открыло мир взаимоотношений с другими людьми. С развитием коммуникаций общественная жизнь принимала все более сложные формы. Язык обеспечил способность инновационного мышления вкупе с бесконечными выразительными и творческими возможностями. Это также привело к распространению информации среди всех членов общины. Важнейшие сведения общества собирателей и охотников — какие растения съедобны, какие съедобны только после обработки, какие следы каким животным принадлежат и так далее — можно стало передавать членам относительно большой группы людей, а равно и другим поколениям. Люди стали учиться на чужих ошибках и повторять успешный опыт других, развивая коллективный опыт. Человеческая раса произвела на свет память, что способствовало развитию знания, но только до определенного предела. Устная речь не дает, по крайней мере, без использования диктофона, возможности надежного хранения большого объема информации.

Математик Дуглас Робертсон подсчитал количество информации, доступное для группы людей (например одного племени) с развитой разговорной речью при отсутствии письменности. За основу расчетов он взял 'Илиаду', размер которой составляет примерно 5 млн бит, то есть то количество информации, которое может храниться в голове одного человека. Если обозначить за X количество информации, которое способен запомнить один человек, то X можно приравнять к объему информации размеров от 1 до 2 'Илиад', другими словами, между 5 и 10 млн бит. (Бит, как известно, это результат выбора из двух альтернатив, например, белое или черное, единица и ноль и т. п.) Если мы теперь умножим X на среднюю численность доисторического племени (от 50 до 1000 особей), то получим максимальный объем информации, доступный обществу, не имеющему письменности. Следует учитывать, что какая-то информация может дублироваться. Существенный объем занимает информация, одинаково важная для каждого члена племени, например, как охотиться или ловить рыбу, и

потому одинаково хранящаяся каждым членом племени. Из-за этого суммарный объем памяти для хранения информации снижается. Подобные расчеты, конечно, надо воспринимать с известной долей скептицизма, но, по крайней мере, расчеты, произведенные Робертсоном, замечательно иллюстрируют, какое значение имело появление письменности за 4 тысячи лет до Рождества Христова, и к какой силы информационному взрыву это должно было привести.

Все четыре так называемые колыбели цивилизации — Месопотамия, Египет, Индия и Китай — образовались и развивались примерно в одно и то же время. Что объединяло их друг с другом (а равно и отличало от других государств, которые также занимались торговлей и металлургией), так это письменность. В Месопотамии для письма использовали глиняные таблички, и древняя книга состояла из нескольких табличек, хранящихся в кожаной сумке. Самые значимые тексты, например законы, обычно наносили на большие открытые поверхности, чтобы они были достоянием всех. Таким образом, основополагающие ценности общества, идеи и нормы, из разряда древнего и мистического знания, доступного лишь шаманам и передаваемого из уст в уста, трансформировались в ограниченное число декретов, предназначенных для чтения практически каждого члена общества. Прежде довольно примитивные и закрытые для внешнего мира народы становились все более развитыми и открытыми для контактов с окружающим миром. Одновременно знание дает власть. Ранние формы письменности изначально были инструментами власти. Еще шумерские цари и священнослужители использовали письменность для фиксации размеров налогов (обычно выражавшихся в количестве овец) для разных категорий подданных. Кроме того, письменность использовалась в целях пропаганды, постоянно напоминая людям, кто ими правит, и какие блистательные победы были одержаны правителем на благо своего народа.

Однако никогда не считалось, что письменность должна стать доступной обычному человеку. Исходная цель первых опытов с письменным языком состояла, по словам французского антрополога Клода Леви-Стросса, в том, чтобы 'способствовать дальнейшему порабощению других людей'. Но революции живут собственной жизнью, не поддающейся никакому долговому контролю, и именно так обстоит дело с информационной революцией. Все то, что ранее считалось недоступным ввиду своей пространственной или временной отдаленности, с изобретением письма стало легко достижимым и познаваемым. Рост объема доступной информации приобрел взрывной характер, и все благодаря гениальному изобретению визуального кода для коммуникаций. Интеллектуальная жизнь стала весьма насыщенной. Имея на руках хорошо сконструированный, при этом фонетический, а не слоговый, алфавит (то есть такой, в котором буквы обозначали отдельные звуки, а не слова или понятия), древние греки создали философию и другие базовые науки, ставшие, в свою очередь, 'грамматикой' мысли. Замена уха на глаз в качестве основного средства лингвистического восприятия произвела радикальный переворот в нашем понимании мира. Письменный язык был настоящим чудом. Вполне логично, что египетский бог Тот, который дал людям дар письма, одновременно считался богом волшебства. Письмо и чтение изменили мир и знание о нем. Создание и существование империй стало возможным только с развитием письменности. Теперь можно стало передавать информацию, например приказы, на действительно большие расстояния, что, в свою очередь, привело к исчезновению го родов-государств. Интересно, что спад производства папируса в годы правления последних римских императоров многими историками считается важнейшей причиной упадка Римской империи. Даже письменная информация имеет пределы.

Изобретение Иоганном Гутенбергом печатного станка в середине пятнадцатого столетия положило начало следующей эпохальной информационной революции. Печатный станок послужил важнейшим условием развития того, что стало современной наукой, со всеми связанными с этим великими открытиями и техническими усовершенствованиями, приведшими к индустриализации. Печатные книги служили источником открытий астронома Николая Коперника. Не будь машинной печати, его манускрипт был бы обречен собирать пыль в монастырской библиотеке. К счастью, именно благодаря печатной машине его труд 'De Revolutionibus', содержащий тезис о вращении Земли вокруг Солнца, с громадной скоростью распространился в мире, в котором с тех пор ничто уже не могло остаться прежним.

Как говорится, процесс пошел, и ничто уже не могло его остановить. Печатный станок

предоставил одаренным и предприимчивым людям доступ к необходимой информации в таких масштабах, о которых раньше и мечтать не приходилось, что, конечно, послужило серьезным фактором научного вдохновения. Христофор Колумб, как известно, был внимательным читателем рассказов о похождениях Марко Поло. Множество научно-технической литературы начало циркулировать по Европе, и эта информационная волна ускорила развитие, прежде всего новых подходов и нового мышления в области информационного менеджмента, и вымостила дорогу постепенному развитию наук. После некоторого инкубационного периода, связанного с появлением печатного прессы, появилось много изобретений, важнейшими из которых, серьезно изменившими наши взгляды на себя и на окружающий мир, стали, конечно, часы, порох, компас и телескоп.

Великолепной иллюстрацией власти развитого информационного менеджмента стала историческая встреча между образованной Европой и неграмотной Америкой, представленная физиологом Джаредом Даймондом. В 1532 году возле города Кахамарка на Перуанском нагорье Франциско Писарро всего со 168 солдатами взял в плен царя инков Атахуальпу, имевшего под своим командованием 80000 человек. Факт становится понятным, только если принять во внимание, что лидер инков ничего не знал о своих непрошенных гостях, в то время как испанцы были прекрасно осведомлены о своем противнике. Атахуальпа и представить себе не мог, что эти пришельцы вознамерились завоевать целую часть света, и что многие великие индейские цивилизации Центральной Америки уже пали к их ногам. Атахуальпа находился целиком во власти устной информационной ограниченности.

Атахуальпа поначалу не воспринимал пришельцев всерьез, поэтому, когда его воины впервые в своей жизни увидели всадников на лошадях, они впали в панику. Сам Писарро, возможно, и не умел читать, но он был современником культуры письма и чтения и потому имел доступ к обширной информации о других цивилизациях. Он также был осведомлен о каждом этапе испанской экспансии и потому использовал в основе своей кампании тактику Эрнандо Кортеса, победившего царя ацтеков Монтесуму. Об успехе Писарро вскоре узнали в Европе. В 1534 году вышла в свет книга, описывавшая события при Кахамарке, написанная одним из его соратников, впоследствии переведенная на несколько языков и ставшая бестселлером того времени. Спрос на информацию был громаден, а преимущества владения ею очевидны.

Сегодняшние электронные средства связи — часть величайшей из всех информационных революций. Довольно долго считалось, что Равным предназначением компьютера является 'думать', то есть продуцировать искусственный разум, значительно превосходящий наш собственный. Многие объявили об этом как о свершившемся факте в тот момент, когда суперкомпьютер по имени Big Blue обыграл в шахматы тогдашнего чемпиона мира Гарри Каспарова. Но сегодня выясняется, что компьютерная технология пошла по несколько иному пути и стала в первую очередь служить целям развития коммуникации посредством компьютерных сетей. Конечно, все более мощные и быстрые компьютеры позволяют осуществить ранее невозможные вследствие сложности и временных затрат математические операции. И это неопределимая помощь математикам и другим ученым. Наше коллективное знание возрастает экспоненциально. Но именно глобальная компьютерная сеть является самым интересным аспектом развития компьютерных технологий. Новые преобладающие коммуникационные технологии означают зарождение нового мира.

Интернет — это что-то совершенно новое. Средство, благодаря которому практически любой человек после относительно небольших инвестиций в оборудование и при помощи нескольких простых действий может стать одновременно и создателем, и потребителем текста, образов и звуков. Трудно себе представить что-либо более могущественное. В Сети мы все и авторы, и издатели, и продюсеры. Наша свобода самовыражения колоссальна, а аудитория необозримо велика. Простым нажатием кнопки любая информация становится немедленно доступной. Масштабы развития этого средства коммуникации не имеют себе равных.

Начало интернету было положено еще в 1960-е, когда разные организации военной промышленности США приняли решение о создании компьютерных сетей, чтобы децентрализовать важную информацию оборонного значения посредством соединенных между собой, но при этом значительно удаленных друг от друга терминалов. Целью было снизить

негативные последствия ядерной войны с Советским Союзом.

После того, как подобные сети прекрасно зарекомендовали себя в исследовательских проектах, многие американские и европейские университеты создали единую сеть. Именно использованием сетей в научных проектах объясняется тот факт, что принцип 'всемирной паутины', позднее ставший основой построения интернета, в его внешнем виде был разработан не в США, а в Швейцарии, учеными европейского института исследований в области физики элементарных частиц.

Однако только в конце 1980-х в результате прорыва в области технологий персональных компьютеров и средств связи между ними (модемов) интернет перестал быть инструментом исключительно военных и научных кругов и перешел в общественное пользование. Но даже в начале 1990-х о существовании интернета знали немногие. Только в декабре 1995 года глава Microsoft Билл Гейтс наконец объявил, что его компания намерена серьезно изменить приоритеты в пользу развития сетевых коммуникаций. С тех пор распространение интернета стало феноменальным. Приводить число компьютеров, подключенных к Сети, даже не имеет смысла, поскольку это число растет сумасшедшими темпами. То число, которое могло быть более или менее точным на момент написания, будет безнадежно устаревшим на момент прочтения.

Существуют разные реакции на подобное развитие событий. Критики утверждают, что все эти разговоры по поводу революции в области информационных технологий и 'новой экономики' абсурдны, или, по крайней мере, весьма преувеличены. В подтверждение скептики частенько приводят тот факт, что на фондовых рынках акции многих компаний, связанных с информационных бизнесом, рухнули, а оставшиеся терпят убытки и не имеют долгосрочных перспектив. Единственные, кто реально смог заработать на компьютерах и связанных с ними технологиях, так это консультанты всех мастей и собственно производители компьютеров и программного обеспечения к ним, а потребители так и не извлекли значимой выгоды. Ничего, даже отдаленно напоминающего экспоненциальный рост, в экономике в целом зафиксировано не было.

С точки зрения скептиков, мир, по сути, остался таким же, как прежде. Мы по-прежнему производим молотки и гвозди, а банки продолжают исправно принимать и ссужать деньги. Изменились, может быть, некоторые офисные процедуры, но значение этого слишком преувеличено. Большинство людей вместо диктофонов и секретарей ныне используют персональные компьютеры для написания деловых писем, но вопрос в том, улучшилось ли вообще положение дел. Электронная коммерция не более чем обычный бизнес, даже если мы используем супермодные устройства. По мнению скептиков, все это дань моде: прикольно быть первым, применившим ту или иную новинку, не важно, какие реальные выгоды это принесло. Все равно, какие технологии мы используем для связи, главное — содержание информации. Старые проверенные истины останутся таковыми и в будущем.

Придерживающиеся противоположной точки зрения пребывают в экстазе. Каждый, кто видел свечение монитора, утверждает, что все автоматически изменится к лучшему. Интернет — это решение всех наших проблем. Экономика расцветет и будет приносить выгоду всем и каждому, этнические и культурные конфликты исчезнут, поскольку им не будет места во всемирном 'цифровом' сообществе. Ставшая доступной информация сделает более осмысленным наши гражданские обязанности и оживит демократию. Именно в цифровых сетях мы обретем то общественное согласие, которого нам так недостает, и гармония воцарится повсюду. Развлечения станут более интерактивными и более 'развлекающими', чем когда бы то ни было, благодаря неисчерпаемым возможностям этой новой технологии.

И скептики, и энтузиасты ошибаются. Ни крайний скептицизм, ни слепая вера не являются плодотворной стратегией в нынешний период все ускоряющихся изменений. Обе эти точки зрения демонстрируют нежелание мыслить критически и неспособность понимать. Это не аналитические исследования, не прогнозы, а просто предубеждения. Новые революционные технологии, несомненно, приведут к изменению самих основ жизни общества, культуры и экономики. Но это не решит всех наших проблем. Было бы наивно надеяться на это. Развитие означает, что мы радикальным образом решаем одни проблемы, одновременно сталкиваясь с массой других. Мы можем жить дольше и быть более здоровыми и свободными людьми и

осуществить большее из задуманного. Но фундаментальный конфликт между классами и группами людей не собирается исчезать, принимая все более замысловатые и малопонятные формы.

Изменения такого рода не происходит в одно мгновение. Скептики, радостно указывающие на то, что большая часть мировой экономики по-прежнему связана скорее с производством физических объектов: самолетов, холодильников и садовой мебели, чем с услугами Сети, проявляют нетерпение или просто не в состоянии оценить глубину изменений. Во многих аспектах мы все еще находимся только в предварительной фазе революции. Конечно, вряд ли холодильники исчезнут, но в новой социоэкологической системе обычные предметы получают новые функции и приобретут иное значение. Рекламные кампании по продвижению холодильников, к примеру, не будут более акцентировать внимание на их способности предохранять молоко от порчи, поскольку мы будем считать это естественной функцией холодильника, но обращать наше внимание на возможности холодильника 'разумно' взаимодействовать с другими объектами в Сети.

Всегда должно пройти время, чтобы изменения по-настоящему вошли в жизнь. Революционность любой технологии становится явной по завершении инкубационного периода. Последствия изобретения печатного станка стали со всей силой очевидны лишь 300 лет спустя, когда это привело к драматической перетряске основ социального устройства и к появлению новой парадигмы; капитализма. Потребовалось время, чтобы грамотность распространилась до такой степени, чтобы печатная продукция стала оказывать воздействие на большие группы людей. Только в XVIII столетии, в эпоху Просвещения, изменилось общественное сознание, обмен информацией стал оживленным, а технические нововведения достаточно значимыми для того, чтобы превратиться в символы наступающей индустриализации.

В XVII веке грамотность быстро распространялась по Северной Европе, но еще более заметным рост грамотности стал столетие спустя, прежде всего в результате расцвета протестантизма и перевода Библии на несколько языков. Так создались предпосылки для нового стиля общественной жизни, который складывался благодаря газетам совершенно нового направления. Такие издания, как *The Spectator* ("Наблюдатель") в Англии, ориентировались, и одновременно помогли его становлению, на образованный и космополитичный средний класс. Целью этих газет было информировать читателя о новейших веяниях и побуждать к дискуссиям. Во Франции понятие 'салон' возникло, когда аристократы и представители среднего класса стали общаться и обсуждать злободневные проблемы. Скоро это стало популярно и распространилось по всей Европе.

Но даже если грамотность и развитие информационных технологий заложили фундамент для общественных изменений, они не могут объяснить их полностью. Множество факторов должны были совпасть для того, чтобы эпохальные изменения все же произошли. Французский социолог Жак Эллиуль, исследовавший внутреннюю природу технологий и их влияние на нашу жизнь и окружающую среду, указал на ряд ключевых моментов. Первый и, возможно, наиболее очевидный момент состоит в том, что должно быть достаточно необходимых технологий и средств производства, что подразумевает довольно длительный исторический процесс. Любое нововведение коренится в прошлом. Более того, открытие — это понятие комплексное: целая серия более мелких открытий самого разного рода сливается вместе, образуя мощную комбинацию, эффект которой сильнее, чем сумма эффектов ее частей. Между 1000 и 1750 годами было совершено колоссальное количество открытий, каждое из которых было замечательным само по себе, но при этом не связанным с другими. И только после 1750 года все эти изобретения вдруг начали работать в одном направлении и привели к масштабной индустриализации.

Другой важной предпосылкой, согласно Эллиулю, является рост населения. Увеличение численности населения подразумевает рост потребностей, которые не могут быть удовлетворены без роста производства. Необходимость — мать изобретения. Кроме того, рост населения создает условия для развития исследований технического и экономического развития, частично в форме увеличения объема рынка, а частично — путем расширения 'человеческой' базы для экспериментов с разными типами продуктов. Третья предпосылка для

изменения парадигмы состоит в том, что должны быть соблюдены два специфических и частично вступающих в противоречие друг с другом условия, однако переходящие один в другой. Во-первых, нужна стабильная база для научных исследований, которые совершенно необходимы для технологического рывка, но при этом не приносят прибыль в обозримом будущем. Во-вторых, должны существовать возможности для широкомасштабного и быстрого изменения правления таких исследований, готовность к стимуляции и восприятию новых идей. Четвертая предпосылка смены парадигмы касается самого социального климата и является, по мнению Эллюля, видимо, самой важной. Смена парадигмы не может произойти без ослабления влияния на общество идеологических и религиозных табу и без освобождения общественного сознания от любого рода детерминизма, осязаемой подспудно предопределенности. Так, для развития индустриализма критичным оказалось то, что целый перечень традиционных представлений о том, что является 'естественным', а что нет, был пересмотрен, и ни природа, ни социальная иерархия не воспринимались более как нечто священное и незыблемое.

Представления о природе человека и его месте в мире претерпели коренные изменения. Индивидуальность была поставлена во главу угла, а обсуждение свобод и прав человека серьезно подорвало концепцию групп и классов. Внезапно появились невиданные ранее возможности для общественного развития и повышения уровня жизни. Освобождение личности и повышение эффективности производства слились в едином порыве. Возник эффект исторического резонанса, когда разные факторы стали значительно усиливать влияние друг друга на развитие событий, ускоряясь по спирали. Средние классы были вознаграждены за свое стремление адаптироваться к изменениям и извлечь из них максимум. Так средний класс стал доминирующим при капитализме.

Суть промышленной революции состояла в том, что машины многократно усилили физические возможности человека. Цифровая революция означает, что до невероятных пределов будут расширены возможности человеческого мозга посредством его интеграции в электронные сети коммуникаций. Но мы еще не подошли к этому моменту: необходимые предпосылки пока не созданы. Возможно, технологии развиваются с захватывающей дух скоростью, но люди — существа медлительные. И вновь нам мешают всевозможные религиозные и идеологические табу. И вновь мы на пороге необходимого творческого разрушения системы прежних представлений. Процесс находится вне нашего контроля. История учит, что каждая принципиально новая технология, хорошо это или плохо, реализуется непредсказуемым образом и мало зависит от того, что предрекали ее создатели. Как выразился теоретик коммуникаций Нил Постман, 'технология играет сама за себя'.

Возьмем, к примеру, часы. С виду невинный и вполне нейтральный предмет, но в действительности маленькая адская машинка, отсчитывающая секунды и минуты, которая с момента своего изобретения полностью перевернула наше восприятие времени. Когда монахи-бенедиктинцы на рубеже XII и XIII веков создали первые прототипы часов, их предназначением было внести стабильность и ясность в монастырский уклад, особенно относительно предписываемых семи часов ежедневной молитвы. Механика часов привнесла точность в богоугодное дело. Но сами часы не собирались этим ограничиваться. Скоро они вышли далеко за стены монастырей. Конечно, часы вносили порядок в монашеские молитвы, но, помимо этого, они стали важнейшим инструментом, способным синхронизировать и контролировать ежедневную жизнь простых людей. Именно благодаря часам стало возможным организовать регулярное производство в течение распisanного по часам рабочего дня. Другими словами, часы стали одним из краеугольных камней капитализма. Хотя их изобретение было посвящено Христу, они зажили своей собственной жизнью и стали одним из самых преданных слуг маммоны.

Буквально то же произошло и с печатным прессом. Благочестивый католик Гутенберг едва ли мог вообразить, что его изобретение будет использовано для нанесения смертельного удара по папской власти и продвижения ереси протестантизма посредством доступности Слова Божьего для любого, что в свою очередь позволяло каждому по-своему интерпретировать Библию. Когда доступ к информации получили все, естественным, хотя и непредвиденным, следствием стало то, что многие незыблемые истины того времени были подвергнуты сомнению. С 1700 года рационализм развивался одновременно с увеличением числа

образованных людей, и именно печатное слово произвело всю необходимую для этого работу. Целью было освобождение человечества от всякого рода суеверий, в первую очередь религии и монархии. Ибо, как сказал французский мыслитель эпохи Просвещения Дени Дидро, "человек не будет свободен до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего священника". Пока информация была исключительной редкостью, принадлежавшей нескольким избранным, нельзя было и представить, что подобные идеи вообще могут получить широкое распространение. Однако после инкубационного периода сроком в 200 лет распространение идей приобрело массовые масштабы. Технология сделала свое дело, и все изменилось. Когда начали проявляться истинные последствия изобретения печатного станка, была уже невозможна, как выразился Постман, 'старая Европа плюс маленькое симпатичное изменение'. Появилась совершенно новая Европа, которая думала и действовала по-новому. Прогресс стал очевиден, исторический процесс стал проясняться, здравый смысл и науки, предполагалось, совсем скоро выведут людей из мрака невежества и приведут к повышению уровня жизни. Родился новый взгляд людей на мир и на самих себя.

Новая преобладающая информационная технология изменяет все, в том числе и язык. Отчасти из-за того, что необходима новая терминология (новые названия для новых игрушек), и что самое интересное и непонятное, так это то, что старые слова приобретают новые значения. С изменением языка изменяется и образ мышления. Новая технология дает новые определения базовым понятиям, таким как знание и истина. Перепрограммируются представления о том, что является важным и неважным, возможным и невозможным, и, самое главное, о том, что такое реальность. Реальность принимает новые выражения. Именно это имеет в виду Постман, когда говорит, что общество претерпевает 'экологические' изменения. Технология встряхивает наш разум, как детский калейдоскоп, и появляется новый неожиданный мир идей и возможностей. Мы вступаем в новую культурную и экономическую эру. Дух времени определяет наши мысли, буквально. Ведь эра (парадигма) — это просто набор представлений и ценностей, которые объединяют людей в определенное общество. К примеру, если все вокруг убеждены, что мир плоский, то бессмысленно пытаться проложить морской путь вокруг Земли. Когда Коперник заявил, что Земля вращается вокруг Солнца, большинство людей думали, что он просто спятил. И неудивительно. Но смеяться над критиками Коперника сейчас означало бы не понимать, как работает парадигма. На самом деле, нельзя с уверенностью утверждать, что критики Коперника были неправы, поскольку они-то, говоря 'Земля', имели в виду как раз неподвижную точку пространства. Слова тогда еще имели прежние значения, сдвиг парадигмы не наступил, и люди все еще думали в привычной и общепринятой манере.

Тоже самое произошло и при переходе от физики Ньютона к физике Эйнштейна. Многие отвергали общую теорию относительности из простого соображения, что Эйнштейн предполагал, что понятие 'пространство' означает что-то, что можно 'изогнуть', а прежние представления о пространстве описывали его как постоянное и однородное. И это было существенным расхождением. Если бы пространство не обладало этими качествами, то Ньютонская физика просто перестала бы функционировать. А поскольку она все же функционировала и достаточно успешно в течение долгого времени, от нее не так-то просто было отказаться. Возникла ситуация, при которой две парадигмы конкурировали друг с другом.

Но человек не принимает двух противоположных точек зрения одновременно. Либо одна, либо другая. Земля не может одновременно двигаться и стоять на месте. Пространство не может быть одновременно плоским и искривленным. Поэтому переход каждого человека от одной парадигмы к другой всегда моментальный и полный. Как для того японского солдата, покинувшего джунгли и внезапно обнаружившего, что он многие годы жил в иллюзии; и мир, а не война на повестке дня, а Япония является флагманом азиатского экономического чуда. Мы имеем в виду качественный скачок, а не количественный. Переход от одной парадигмы к другой состоит не в том, чтобы добавить вновь открывшиеся факты к уже известным, а в том, что новые либо уже известные факты, высвеченные в новом свете, полностью изменяют нашу картину мира. Как только мы осознаем, что прежний взгляд на мир устарел и больше не может объяснить то или иное непонятное явление, и его нельзя отрицать или игнорировать, вот тогда и необходимо избавиться от огромного количества ненужных знаний. Это одна из неизбежных

жертв при сдвиге парадигмы.

Между прочим, это острая ситуация для того, кто пытается ориентироваться в мире, создаваемом (как снаружи, так и мировоззренчески) электронными сетями. Проблема теперь уже не в отсутствии информации, а в ее переизбытке. То, что кажется свежей информацией и новыми идеями, может на поверку оказаться вчерашними новостями, или того хуже — полным бредом, восприятие переработка которого — пустая трата времени и сил, дорога в тупик. Прежние рецепты успеха быстро устаревают. Человеку свойственно пользоваться стратегиями, доказавшими свою успешность в прошлом, и расставаться с ними тем труднее. Сумевший построить успешный бизнес или сделавший свою жизнь более-менее комфортной, редко признает необходимость отказаться от старого и начать все с нуля.

Именно в этом истинная новизна происходящего сейчас. Главное в прежней парадигме было то, что после некоторого более или менее длительного периода потрясений она обеспечивала нас твердой почвой под ногами. Мы знали, что какие бы ни были колебания, рано или поздно все успокоится. Придется привыкнуть, что роскошь стабильности более недоступна, и единственно постоянная вещь — сами изменения. Все течет. Социальная и экономическая стабильность, ранее бывшая нормой жизни, теперь станут редкостью и признаком стагнации. Недостаточно просто думать или думать по-другому. Теперь придется постоянно переосмысливать идеи и отбрасывать их. Творческое разрушение не знает отдыха.

В кулуарах философии науки, где, собственно, и зародилась концепция парадигмы, теперь любят говорить об аномалиях и кризисах нашего времени. Аномалии — это явления, которые нельзя предвидеть и трудно подогнать под существующую парадигму. Сегодня аномалии повсюду: в обществе, в культурной жизни и в экономике. Предпосылки, лежащие в основе политики, изменяются с поражающей скоростью. Идеологические расклады недавнего прошлого не имеют ничего общего с сегодняшним днем. Целые отрасли и великие империи средств массовой информации разрушаются на наших глазах. Наша работа переживает драматичный революционный период, эффективно разрушаются прежние представления о пожизненном трудоустройстве, автоматическом продвижении по служебной лестнице и иерархической организации. Сегодня юноши в странных одеждах, у которых еще и молоко-то на губах не обсохло, умудряются зарабатывать и проматывать громадные состояния, занимаясь бизнесом, о котором акционеры не имеют ни малейшего представления.

Когда появляется большое число аномалий, есть два варианта возможных действий. Первый, попытаться втиснуть новый феномен в старую систему понятий. Именно так люди всегда поступали с научными аномалиями: латали и штопали старые теории, как это, например, происходило в свое время с Птолемеевой системой астрономии с Землей в центре и всеми остальными небесными телами, вращающимися вокруг нее. Некоторое время такой подход выручает, пока постепенно не становится ясно, что все предположения прежней теории больше не подтверждаются. И тогда мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью другого подхода: признать, что старая система изжила себя, даже если в данный момент ее еще нечем заменить. Это ввергает нас в кризис, важность которого в том, что он сигнализирует о необходимости нового мышления. Именно в этой точке мы находимся сейчас — в самом разгаре кризиса, зародившегося в недрах старой капиталистической парадигмы и показавшего ее бесполезность, и будем здесь до тех пор, пока новая система не завоеует достаточное число сторонников, чтобы функционировать как общепринятая модель. Множество людей все еще пытаются латать дыры старой системы: увы, налицо недостаток нового мышления. Мрачный скептицизм по поводу того, является ли новая парадигма действительно новой, а равно и слепая вера в нее (предполагающая, что все само утрясется) не могут рассматриваться в качестве нового мышления.

Писать о будущем невероятно сложно, потому что его еще нет. Лучшее, что мы можем сделать, это попробовать догадаться. Каждый, кому понятно, какую роль доминирующие информационные технологии играли в ходе исторического процесса, и кто понимает внутреннюю динамику функционирования цифровых сетей, имеет наилучшие шансы для понимания ключевых аспектов текущей революции. Для начала мы хотели бы сделать два заявления. Первое, новая социальная, культурная и экономическая парадигма приобретает реальные очертания. Главной движущей силой этого процесса является продолжающаяся

революция в области информационного менеджмента дигитализация и удивительно быстрое развитие электронных сетей. Немедленным следствием этого являются радикальные изменения в интеллектуальной среде обитания, что вынуждает нас серьезно корректировать свое поведение. Второе, новая парадигма будет напоминать по своим свойствам скорее жидкость, чем твердую структуру. Появятся не просто новые социальные нормы, само представление о норме станет иным.

Японский солдат, затерянный в джунглях, конечно, был плохо информирован и вел свою личную мировую войну по большей части у себя в голове, но можно считать, что он был заложником непреодолимых обстоятельств. Мы же вряд ли можем винить кого-либо, кроме самих себя, если из-за собственной лени или глупости не сможем выстроить хотя бы относительно ясную картину происходящего вокруг и не сможем сделать из этой картины соответствующих выводов. Единственное, что мы можем сказать наверняка: Земля достанется не тому, кто отличается смирением.

ГЛАВА II. ФЕОДАЛИЗМ, КАПИТАЛИЗМ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Что правда, то правда — смирение редко приводит к успеху. Во все времена власть и слава доставались тем, кто был трудолюбив и настойчив, кто был восприимчив к переменам, заботился об интересах своих собственных и своего непосредственного окружения, и на ком лежала благодать: историческое развитие двигалось в его направлении. Каждая новая эпоха производит на свет своих победителей и своих проигравших. Изменения условий развития и представлений о социальном статусе происходят в пользу вновь возникающих классов за счет всех остальных. Чтобы как следует разобраться в социальных последствиях нынешнего перехода от капитализма к информационному обществу, наверное, было бы полезно обратиться к обстоятельствам предыдущего сдвига от феодализма к капитализму и сравнить механизм перераспределения власти тогда с тем, что происходит сейчас. Мы обнаружим такое количество параллелей на самых разных уровнях, что не останется ничего другого, как признать, что происходящее сегодня есть не что иное, как подлинное изменение парадигмы примерно такого же масштаба.

Для иллюстрации повторяющихся механизмов исторического развития можно использовать картографию, а именно мобилистическую диаграмму (см. Рис. 2.1).

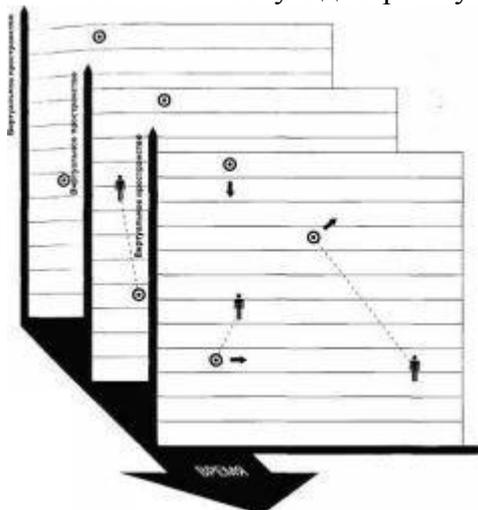

Рисунок 2.1. Диаграмма мобилистической силы

Вдохновляясь идеями философов XIX века Фридриха Ницше и Чарльза Дарвина, а равно и их последователей веком позже, Жюль Делёз и Мишель Фуко, в качестве отправной точки для рассуждений будем считать, что бытие есть непрерывный конфликт множества разнонаправленных сил, которые, находясь в постоянной оппозиции, взаимно влияют и тем самым определяют друг друга. При этом важны не столько сами эти силы, сколько

напряжение, возникающее в результате их взаимодействия, и то, каким образом их влияние на другие силы поддерживается или устраняется, а также вечная как Вселенная, их борьба. Взаимодействие, конфронтация и коммуникация — вот ключевые понятия этой концепции.

В рамках мобилистической диаграммы можно дополнить двухмерную модель экзистенциального конфликта Ницше-Дарвина третьим измерением, включив в рассмотрение ось времени, что позволит в любой момент обозначить причину конфликта. Речь идет о некоей 'предполагаемой' точке, которую можно идентифицировать с той степенью погрешности, с которой мы осознаем, что сами, как наблюдатели, находимся в постоянном движении (поскольку даже в роли наблюдателей мы представляем такую же силу, как и все прочие силы в пространстве и времени). Это конфликт по поводу власти. Чем ближе к указанной точке находятся взаимодействующие и/или противодействующие силы, тем больше власти стоит на кону.

'Центральная' точка диаграммы — не только предмет конфликта, но и некая главная ценность общества в данный момент, определяющая черта парадигмы. Мы можем назвать эту ценность 'религией' эпохи, или, точнее, аксиомой времени. Другими словами, основной концепцией данной эпохи о структуре бытия, такой взгляд на мир, который повсеместно принят и потому социально функционален. Наличие такой гипотезы дает возможность ориентироваться в мире и понимать, что в нем происходит. Поскольку заинтересованные стороны, в особенности, правящие классы, всегда затрачивают огромные ресурсы на то, чтобы придать этой гипотезе вид 'вечной истины', хотя она является только предположением, которое становится весьма существенным. Когда же выясняется, что 'вечная' истина не является таковой, кажется, что земля уходит из-под ног и мы оказываемся в безвоздушном пространстве. Расхожая фраза 'я знаю немного, но есть одно, что я знаю наверняка' — удачный пример нашего восприятия действительности. Мы готовы признать, что наше знание ограничено, но считаем необходимым хоть что-то знать наверняка, чтобы ориентироваться в жизни.

В рамках мобилистической диаграммы власть — это некий подвижный феномен без внутренней ценности (нейтральное понятие). Власть мигрирует, захватывается и отдается во всех направлениях. Любая идентичность возникает только относительно других. Все определения должны постоянно перепроверяться при изменении обстоятельств. Что это такое? Какая сила действует на самом деле? Можно ли рассматривать каждую из них в отдельности, невзирая на то, что они постоянно перетекают одна в другую? Как посторонние наблюдатели мы видим только лихорадочную борьбу за власть, контроль над другими за право утверждать и владеть, и все это сопровождается вопросами 'какой ценой?' и 'за чей счет?'.

Отношения между силами, их взаимодействие — суть вопроса. Господин не может существовать независимо от раба, так же, как и раб не может существовать отдельно от господина. Каждый зависит от другого. Покорность раба делает господина господином, и оба вовлечены в вечную борьбу за признание, которое, по мнению Г. В. Ф. Гегеля, другого великого философа XIX века, является двигателем всего исторического процесса. По Гегелю, именно желание получить признание других людей служило причиной борьбы за власть еще в ранних социальных группах, ставших основой последующего деления человечества на классы. Эта борьба продолжает неистовствовать, поддерживая общество в состоянии постоянного движения, пока разные группы людей полагают, что их признание недостаточно, и, соответственно, уверены, что заслуживают более высокого общественного статуса.

Изменение духа времени наступает тогда, когда то, что считалось незыблемым, смещается и претерпевает качественное переопределение. Не будет преувеличением сравнить такой сдвиг с социальным землетрясением. Все факторы на арене борьбы подвергаются фундаментальным изменениям в силу того, что их источник, константа, благодаря которой они существуют, внезапно пришла в движение. Последствия таковы, что действующие лица этой драмы более не Уверены в том, что они хоть что-то знают наверняка. Все в движении. Часть актеров застывают в своих прежних исторических ролях там, где еще недавно находился центр. Новые актеры выходят на сцену и немедленно развязывают новую битву вокруг новой ценности — точки, которую сместила 'вечная истина' нового времени. Когда буря стихает, прежние герои вынуждены находить для себя другие, менее впечатляющие роли.

Внезапное смещение центра бытия, разумеется, сопровождается сильнейшим

сопротивлением со стороны тех, чьи позиции подвергаются угрозе. Едва только люди, да и целые классы вдруг осознают, что некая постоянная, на основе которой были построены их жизни, и которая до сих пор представляла собой фундамент их идентичности, пришла в движение, они обычно реагируют в форме полного отрицания: Этого не может быть! Через некоторое время, когда произошедшие изменения уже нельзя отрицать, реакция людей выражается либо в уходе от действительности, либо в агрессивной оппозиции переменам: Это не должно было произойти! Все это усугубляется тем, что прежние властные структуры, на которые до сих пор возлагались большие надежды, тоже имеют смутное представление о происходящем. Наглядным примером может служить разрушительная борьба, переживаемая Западным миром со времени перехода от феодализма к капитализму относительно понятия Бога и его неизбежной смерти. С каждым разрушенным учеными ментальным барьером в нашем мировоззрении, с каждой преодоленной границей понимания стараниями своей многочисленной, хотя и постепенно уменьшающейся паствы Бог тут же отодвигался еще на один шаг в Неизведанное. Живший поначалу за небесным сводом, Он был 'передвинут' за пределы Солнечной системы, потом за пределы звезд, пока наконец не был водружен над временем и пространством вообще. Несмотря на все усилия, Ему удалось выжить. Аксиомы, связанные с устаревшими парадигмами, зачастую весьма упорно цепляются за жизнь, в особенности среди маргинальных групп.

Многие люди просто не понимают, что идея Бога возникла в иной, отличной от сегодняшней, парадигме, с целью, специфичной именно для того времени: для создания преимуществ одним группам людей за счет других. В феодальном обществе Бог, в мобилистических терминах, был предполагаемой константой бытия, чье существование было непреложной истиной. Всякие попытки слегка поколебать поверхность этой константы карались смертью. При переходе к капитализму прочная структура, поддерживающая понятие Бога, разрушилась. А когда главная ценность начала сдвигаться с места, все прочие основы существования, ранее казавшиеся незыблемыми, последовали за ней. Величие Бога стало относительным, и оказалось возможным ставить под сомнение даже само его существование. Христианский мир впал в пучину сомнений по поводу своей легитимности из которой он так и не выбрался. То, что мы сегодня называем призраками и демонами, когда-то имело реальное влияние на жизни людей. И это не вопрос теологического спора или очевидной слабости доказательств существования Бога, это вопрос власти. Власть монархий и Церкви покоилась на существовании чего-то, названного Богом. Предполагалось, что Бог будет константой и ни при каких условиях не может быть поставлен под сомнение. Если бы сомнения по этому поводу могли возникнуть, вся структура власти оказалась бы под угрозой.

Как результат упорного отрицания любых сдвигов центральной ценности бытия и нежелания подчиниться требованиям религии атеизм получил статус новой аксиомы и стал эффективным инструментом противодействия буржуазии при захвате власти. Это проиллюстрировано одним из самых блестящих общественных экспериментов капиталистической парадигмы: коммунистическим проектом. Коммунизм стал перевернутой формой христианства, выражением древней мечты о рае на Земле, весьма типичной для своего времени. Коммунистическая вера была следствием идеи общественного совершенствования посредством человеческого, а не божественного вмешательства. Инструментом должен был выступить новый тип государства; утопической целью проекта был новый человек, исключительно рациональный. В итоге эта мечта нанесла серьезный урон целым народам и континентам и потребовала от 85 до 100 миллионов жизней (по понятным причинам здесь трудно быть более точным), принесенных в жертву в мирное время для успеха этого благого начинания.

До сих пор есть защитники коммунистического проекта, потому что это вопрос религиозной веры, иррациональность которой выглядит мертвой зоной в пространстве логических построений. Сила этой веры была точнейшим отражением её первоначальной оппонирующей силы организованной религии, которая в России, Китае и Латинской Америке до последнего боролась за свою власть. Вполне возможно, что если бы последний русский царь вдруг публично признался в своем атеизме, он мог нейтрализовать часть обаяния коммунизма и тем самым предотвратить Октябрьскую революцию. Демон предполагаемой константы бытия

настолько силен, что даже его антидот (и, следовательно, его эквивалент в следующей парадигме) наследует его поистине магическое влияние на ход наших мыслей.

При переходе от капитализма к информационному обществу мы можем провести целый ряд параллелей с теми сдвигами, которые произошли при переходе от феодализма к капитализму. Предполагаемой константой бытия при капитализме, его основной характеристикой был гуманистический, или человеческий, проект. Интересно, что гуманизм в своей наиболее выраженной форме — форме индивидуализма — оказался, в конце концов, едва ли не единственным средством спасения, на которое уповают гуманисты и иже с ними, в море, полном останков наиболее блестящих проектов эпохи, подобных коммунизму, и затонувших бесславно один за другим.

Вот почему идеологи капитализма эры его заката так уверенно заявляют в своих манифестах о незыблемой вере в индивидуальность. Находясь под внешним давлением, капитализм по сути возвращается к своим истокам и пытается найти пристанище в своих философских корнях, например, в работах доиндустриальных философов Рене Декарта и Фрэнсиса Бэкона. Мы — свидетели отчаянных попыток перезапустить проект, пусть даже в совершенно 'разобранном' состоянии, на этот раз в форме гипериндивидуализма. Его апологеты воображают, что не кричи они об этом на каждом углу, им едва ли удастся снова вдохнуть жизнь в остывающий труп. Имя этому идеологическому чудовищу Франкенштейна — либертарианизм.

Подобно протестантизму на заре эпохи Просвещения, когда словно в результате вспышки сверхновой, воплотилась одержимость устаревающими 'вечными ценностями', мы сейчас наблюдаем вспышки сверхновых при переходе от капитализма к информационному обществу. Гиперэгоизм, гиперкапитализм и гиперационализм — все это сверхновые сегодняшнего времени. Гуманистический проект — развитие индивидуума параллельно с развитием государства и капитала, вместе со всеми их многочисленными отпрысками — разными академическими, художественными, научными и коммерческими проектами — составляет аксиому капитализма. Эти ценности считались вечной гарантией стабильности, но теперь и они пришли в движение. Великая битва только началась, и похороны гуманизма, как в свое время похороны Бога, способны затянуться надолго, сопровождаясь болезненными конвульсиями. Стоит только представить колоссальное количество ресурсов, инвестированных в данное предприятие, чтобы понять всю глубину разворачивающейся общественной драмы. Этого не может быть! Этого не должно быть! Тем не менее, коллапс неизбежен, поскольку этот проект с самого начала был неразрывно связан с парадигмой существования, практически себя изжившей.

Конечно, сейчас трудно указать на суть новой 'вечной ценности' и определить те силы, которые станут бороться за власть. Провести анализ, будучи участником происходящего, — заведомо обречь себя на домыслы. Пока предполагаемая константа бытия находится в движении (а этот процесс, видимо, будет долгим), все расчеты будут содержать ошибку, превосходящую значение любой из переменных, как если бы метеоролог сегодня попытался предсказать погоду на несколько лет вперед. Что, впрочем, не означает, что анализ в таких условиях становится бессмысленным. Наоборот, тщательное изучение существующей структуры распределения власти наиболее полезно как раз тогда, когда нарождается новая классовая структура. Это едва ли не единственный момент, когда очевидец может принять активное участие в событиях, происходящих в связи со сменой 'вечных ценностей'. Такой анализ имеет шанс стать важной частью общего процесса, а равно и одним из факторов, влияющих на него. Еще до того, как вновь утверждаемая константа бытия займет устойчивое положение, вокруг нее начинает формироваться по крайней мере одна сила — новый доминирующий класс. Вопрос в том, насколько вообще достоверны рассуждения об этом. Даже если константа бытия пришла в движение, означает ли это, что появление нового доминирующего класса неизбежно? Можно ли ожидать, что прежний способен осознать смену парадигмы, вокруг которой он формировался, и, как следствие, направить свои действия так, чтобы занять пространство вокруг новой константы? Таким образом, прежний доминирующий класс останется таковым новой парадигмы, пусть и в новом обличье. Но по ряду причин это может не произойти. Люди, в основном, весьма консервативные создания. Психологический

термин 'когнитивный диссонанс' означает, что люди склонны держаться старых убеждений, даже если они противоречат вновь открывшимся фактам. Все дело в том, что наши старые добрые представления о жизни дают возможность чувствовать себя психологически комфортно; мы влюблены в них. Но это приводит к состоянию умственной косности и неповоротливости: мы готовы прикладывать больше усилий для сохранения status quo в наших головах, чем для обучения новому. Узнавая что-то новое, мы вынуждены так или иначе менять свою жизнь, хотя иногда совсем немного. По этой причине наша способность передвигаться по исторической карте практически минимальна.

Из анализа мобилистической диаграммы следует: мир вокруг в целом движется значительно быстрее, чем мы сами. Наше движение в этих обстоятельствах является вынужденным, реакцией на движение общественных сил и информацию, которая меняет мир вокруг. Неудовлетворенность многообразных желаний — правильной будет сказать, идея такой неудовлетворенности, желание желаний — заставляет нас быть рабами потребления. Нетерпимость и узколобость данного общества вынуждает нас мигрировать. Общество, сама система находится в постоянном движении, а отдельные люди и группы людей, помимо своей воли брошенные в водоворот общественных изменений, вынуждены сдавать свои прежние комфортные позиции в угоду этим изменениям.

Поскольку мы являемся единственными очевидцами истории, всегда есть соблазн преувеличить человеческое влияние и считать себя способными на свободное волеизъявление, будучи, так сказать, творцами истории. Но это все не более чем роскошная иллюзия. Возможности действовать независимо строго ограничены. Действия, более или менее заметные в истории, правильнее трактовать как реактивные, а не активные по своему характеру. Очарование коммунистической идеей или другими великими утопиями таилось также и в необходимости приспособливаться к постоянным переменам. Привлекательность утопий состоит в их обещании отдыха и покоя, в сильном и всеобъемлющем желании остановить хотя бы на время движение, навязанное извне. Но остановить свое собственное движение значит сделать то же и относительно истории — процесса по преимуществу. Конец истории стал бы не чем иным, как концом всех общественных процессов, означая нашу собственную кончину.

История раз за разом подтверждает эту истину. Каждая попытка реализовать утопию — коммунизм наиболее яркий тому пример — и остановить движение истории, неминуемо приводила к гибели такого утопического общества. Смерть есть, по сути, единственная альтернатива турбулентности. Будда осознал это еще 2500 лет тому назад. Нам приходится выбирать между нирваной, состоянием перманентного покоя, и принятием того, что все вокруг нас находится в постоянном движении и изменении, что приводит к необходимости постоянно приспособливаться. И тот факт, что наши возможности маневра минимальны, с философской точки зрения, делает нас заложниками исторического процесса. Русский царь не мог на деле исповедовать атеизм, поскольку иначе он был бы вынужден усомниться в легитимности собственного статуса. Он не мог отрицать Бога, ибо на идее богопомощания строилась вся его власть. Поэтому все произошло так, как произошло.

При смене общественного строя (парадигмы) все столь драматично, что прежний доминирующий класс оказывается неспособным. Удерживать контроль над новыми 'вечными ценностями'. В то же время новый доминирующий класс развивается в той точке исторической карты, где благодаря стечению обстоятельств оказалась конкретная группа людей. Переход к новой парадигме — процесс Длительный, поэтому там, где ранее была сфокусирована прежняя, в Учение длительного времени продолжает ощущаться остаточное напряжение, существенное, хотя и уменьшающееся. Это побуждает прежний доминирующий класс цепляться за устаревшие ценности. Даже в самом конце процесса еще находятся последние сомневающиеся: Этого не может быть! Этого не должно быть! Конечно, зачем меняться, если до поры до времени можно этого избежать!

Естественно, при смене парадигмы прежние ценности не устаревают в мгновение ока. Даже когда, к примеру, центральная ценность общества при переходе от феодализма к капитализму сместилась от землевладения к владению капиталом, это еще не означало, что владение землей немедленно перестало иметь значение. Но природа такого владения изменилась. Земля стала товаром. Теперь уже новый доминирующий класс — буржуазия —

определял сущность землевладения, придавая ему денежное выражение. Буржуазия скупала и переустраивала феодальные поместья для целей частного загородного отдыха и развлечений, ясно давая понять, что она стала властителем не только над нарождающимся пролетариатом, но и над прежним доминирующим классом — аристократией. Буржуазия теперь устанавливала правила игры.

До сих пор феодальные поместья никогда не выступали предметом купли-продажи. Их ценность заключалась в геральдических символах, либо определялась близостью к резиденции короля. В новой парадигме эти же самые поместья оценивались по совершенно другим принципам — принципам открытого рынка. Каждое получило ценник. Их ценность стала определяться по целому набору параметров, как то: размеру и качеству лесных и пахотных угодий, а равно и пожеланию покупателей ассоциировать себя с прежними владельцами посредством приобретения их традиционных символов для подчеркивания статуса покупки. Потребовалось не так уж много времени, чтобы старые добрые феодальные символы власти в какой-то момент обратились не более чем в милые и забавные безделушки, ценность которых была по большей части ностальгической. Буржуазия сполна получила свое с атрибутов и пережитков аристократии: монархии, двора, наследственных титулов и придворного этикета. Смещение парадигмы потрясло с них весь метафизический флёр, а буржуазия продемонстрировала, что все теперь имеет свою цену, покупая и продавая звания и титулы, просто за деньги или путем женитьбы. Аристократии ничего больше не оставалось как проглотить обиду, расслабиться и получить удовольствие — ведь нужно же было как-то зарабатывать деньги!

Острейшая нужда в деньгах со стороны аристократии и буржуазное стремление к роскоши сплошь и рядом соединялись в беспрецедентных по беспринципности коммерческих сделках — постоянная тема литературы XIX века. Наиболее циничным, чтоб не сказать глумливым, летописцем таких трансакции был Бальзак, который и сам приставлял 'де', чтобы подчеркнуть аристократическое происхождение своей фамилии. Величие символов сохранилось, но функция их изменилась, превратившись из придворного платья для официальных церемоний в модный наряд. То же самое можно наблюдать сегодня, когда петократия, новый гегемон информационной эры, бесцеремонно оперирует святынями буржуазии: неприкосновенностью личности, выборной демократией, социальной ответственностью, системой права, банковской системой, фондовыми рынками и т. д.

Ирония истории в том, что, будучи одержима идеей массового производства (печатный пресс предопределил такое развитие индустрии и, следовательно, стал важнейшим изобретением капиталистической революции), буржуазия подорвала рынок аристократических символов, наводнив рынок их дешевыми имитациями. Артефакт, который ранее был неповторим, уникален, теперь стал просто оригиналом, конечно, более ценным, чем его копии, но утратил ауру своей привлекательности, поскольку любой желающий мог иметь его точный дубликат. И их ценность как символов статуса неминуема упала.

Поскольку буржуазия стала устанавливать правила игры и определять порядок цифр на ценниках, аристократия оказалась на обочине капиталистической экономики. До тех пор, пока ей было чем торговать, она продолжала худо-бедно влачить своё существование на лоне природы, все более отдаляясь от круговорота событий и центра власти. Их поместья теперь были почти ничто по сравнению с банками; фамильные титулы и гербы уступили место величию финансовых империй и научных званий; двор и шутов заменили парламент и политические журналисты. Сцена захвачена другими актерами. Многие новые роли немногим отличались от прежних, но диалоги были переписаны, да и сам ход пьесы претерпел модернизацию.

Центральные ценности прежней и новой парадигм настолько радикально различаются, что любой претендент на ведущую роль в этой новой драме должен будет выучить совершенно другую культуру и целый новый набор принципов. Зачастую прежнему 'низшему' классу легче приспособиться к культурным требованиям, навязанным доминирующим классом новой эры, нежели прежнему господствующему классу. В момент смены декораций выясняется, что бывшему низшему классу в сущности нечего терять и нечего защищать от изменений, поэтому он легче заучивает новые трюки и не очень противится собственной трансформации.

Продолжая развивать тезис о непрерывном историческом процессе, можно сказать, что те, кто уже находится в движении, легче разгоняются, чем те, кто стоит на месте. Требуется время, чтобы осознать, что старые рецепты успеха не работают, и процесс осознания весьма нелегок, ведь Этого не может быть! Этого не должно быть! Сегодняшние примеры свидетельствуют о том, что недавним иммигрантам зачастую легче приспособиться к космополитизму новой эпохи и ее культурному разнообразию, чем их сверстникам из коренного населения гомогенного буржуазного общества.

Представители нового доминирующего класса не прикладывали особых усилий к тому, чтобы оказаться близ новой предполагаемой константы бытия. Им просто повезло оказаться 'в нужном месте в нужное время'. Как и в природе, которая тоже находится в постоянном изменении, эволюция общества происходит по довольно спорному сценарию: определенные мутации имеют больше преимуществ в данных обстоятельствах. Выживает не тот, кто сильнее, этот, кто лучше приспосабливается. И понятие 'лучшей приспособленности' изменяется со сменой условий окружающей среды. В соответствии с принципом интеллектуальной неповоротливости, новый доминирующий класс образуется из личностей и групп, которые просто волей случая оказались вблизи от той точки, где приостановилась новая константа бытия и возникла новая вечная истина.

Итак, буржуазия стала новым господствующим классом капиталистического общества. И откуда взялись бы новые капиталистические предприниматели, если бы не города, где они оказались? Также они выросли под влиянием протестантизма, отличающегося сильной трудовой этикой. Буржуазия не жаждала власти и не захватывала ее — она упала ей в руки. Буржуазии дали власть! Если мы более пристально взглянем на новый господствующий класс, мы еще раз убедимся, что те, кто уже был в пути, оказались в более выгодном положении по сравнению с теми, кто оставался на месте. Буржуазия в основном была сформирована из выходцев из крестьянства -низшего из низших слоев прежней структуры власти, а не из наследников аристократических титулов и поместий.

В социологии существует понятие 'мем', эквивалентное генам в биологии, что означает идею или взаимосвязанную систему идей, и сравнение происхождения и распространения генов и мемов показывает схожие тенденции. Также, как в биологии действует теория Дарвина, в социологии есть меметический дарвинизм. Изучая генетический дарвинизм, мы можем провести интересные параллели, демонстрирующие, как работает дарвинизм меметический. История биологии есть непрекращающаяся, жестокая борьба за выживание и воспроизводство в многообразии случайным образом возникающих биологических видов в постоянно изменяющейся среде. Случайность определяет, какие виды выживут за счет других; внешние обстоятельства 'отбирают' тех, кто лучше приспособлен к текущим условиям, все прочие отсеиваются. Многообразные виды конкурируют за ограниченные ресурсы в различных комбинациях и против друг друга.

Природа никогда не отдыхает, и поэтому критерии того, какие мутации наиболее удачны для выживания, постоянно меняются. Вмешательство человека в природу также изменяет условия борьбы, создавая для одних видов более благоприятные условия, препятствуя другим. Знаменитый пример — бабочки, цвет которых в течение XIX века в промышленных районах Англии значительно потемнел. В результате загрязнения среды более темные бабочки лучше прятались от хищников, поскольку садиться им приходилось на темные поверхности. Березовая кора также потемнела, поэтому более темные бабочки размножались более успешно, в результате чего, спустя несколько поколений, существенно изменился внешний вид целого биологического вида.

Подобный уровень совпадений характерен и для меметического дарвинизма в социологии. В густых джунглях сложной и часто противоречивой информации, окружающей нас, мемы, которые выживают и распространяются в конкретной среде, в конечном итоге становятся сильнее и сильнее, а мемы, которые не могут обрести почву под ногами, постепенно слабеют и отсеиваются. Но различие между силой и слабостью в данном случае не всегда видимо заранее, по крайней мере, если вы не рассматриваете только сами мемы, без учета информационных технологий и их развития. Работа футурологов в сущности состоит в том, чтобы нарисовать 'карту' экологической системы, в которой сражаются мемы, и используя её за основу,

прогнозировать шансы разных мемов на выживание.

Ценности и культурный багаж каждого индивидуума или группы людей состоит из некоего количества мемов. Выяснить, какой из них окажется сильным или слабым, сточки зрения дарвинизма, в условиях сдвига парадигмы можно только в ретроспективе. Подобно тому, как отдельные гены не влияют на изменения природы в ходе генетической революции, так и мемы не обладают способностью оказывать влияние на социальные силы, движимые сменой парадигмы. Носители мемов и генов в обоих случаях могут только надеяться на удачу. Что касается основных теоретических положений, то между генетическим и социальным дарвинизмом практически нет различий.

Для понимания процессов меметики стоит снова воспользоваться картографическим методом, в качестве переменных социальных сил будут представлены люди и мемы. Представим бытие в виде трехмерного пространства, где настоящее — плоскость с двумя осями. Оси: виртуальное и физическое пространство, в котором располагаются люди и мемы. Третье измерение — время, которым для упрощения пока пренебрежем. Мысленно остановив время, мы получим двухмерную диаграмму, которая позволяет исследовать текущие внутренние связи конкретного общества (рис. 2.2). Фиксируем одну из двух переменных, людей или мемы, что даст возможность изучить характер взаимоотношений между ними.

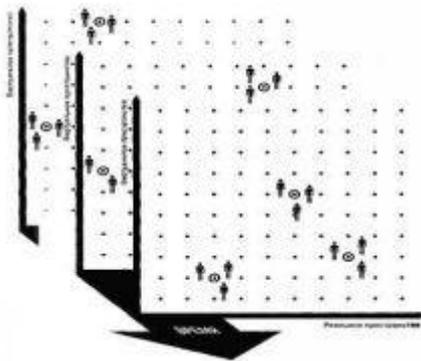

Рисунок 2.2. Диаграмма мобилистической идентичности

Фиксируем положение мемов, равномерно распределив их в поле диаграммы. Исследовав характер концентрации людей, обнаружим, что члены конкретного общества, как правило, привлечены ограниченным количеством мемов, образуя вокруг них кластеры тех или иных размеров. Социальная тождественность этих людей базируется на их приверженности определенным кластерам. Члены одного и того же кластера — это 'мы', члены остальных кластеров — 'другие'.

Важно помнить, что действующие лица, представленные на модели, не в состоянии свободно выбирать свое отношение к тем или иным кластерам. Их позиция на диаграмме относительно физического и виртуального пространств отражает фактическое положение, а не их амбиции или стремления.

В каждый фиксированный момент времени самый крупный кластер на диаграмме образуется вокруг мема, который является стержнем парадигмы, того, что ранее было названо предполагаемой константой бытия. При феодализме такой кластер — монарший двор, а институт монархии — его мем. Другой сильный феодальный кластер — церковь образуется вокруг мема религии. При капитализме торговля — наиболее влиятельный кластер, имеющий в качестве мемов банки и фондовые рынки. Еще один влиятельный кластер капитализма представлен аппаратом государственной власти, формирующейся вокруг мема выборной демократии, а также академической сферой вокруг мема науки. В информационном обществе наиболее важным мемом будет то, что можно представить как узел в рыбацкой сети, некий портал власти (подобно интернет-порталу), связующее звено во всеобъемлющей сети. Вокруг этого звена сформируется важнейший кластер информационной парадигмы — Нетократическая сеть.

Добавив третье измерение (время), получим голограмму. Первое, что произойдет, это

быстрый оборот мемов: массовое их возникновение и такое же массовое исчезновение. При этом мемы, окруженные наибольшим числом людей, выживают с большей вероятностью. Люди в данном случае голосуют ногами. Так, из всех религиозных мемов, которые боролись за выживание в Древнем Риме, только два и уцелело: христианство и иудаизм. Все прочие пали жертвами забвения, что в историческом смысле можно назвать созидательным разрушением.

Однако тот факт, что какие-то мемы являются привлекательными сегодня, еще не означает, что они смогут сохраняться в первозданном виде на протяжении столетий. Напротив, они все время вынуждены модифицироваться, так что речь идет о непрерывном прорастании новых мемов из старых. Большинство мемов умирает и исчезает, освобождая пространство для новых. Одновременно те мемы, которые выживают, вынуждены постоянно адаптироваться и воссоздавать себя заново, чтобы выжить. Чем ближе мем находится к какому-либо важному кластеру, или чем более полно этот мем соответствует потребностям и желаниям кластера, тем выше его (мема) шансы на выживание в этой бесконечной борьбе. Возьмем хотя бы один пример: Билл Гейтс, самый богатый человек на Земле, родился в Сиэтле, городе, который и физически, и виртуально, и исторически расположен в достаточной близости от быстрорастущих промышленных районов Калифорнии. Будь Билл Гейтс крестьянкой на Мадагаскаре XVI века, никто бы и не услышал никогда о меме Майкрософта, что в свою очередь существенно видоизменило бы ту историческую плоскость, в которой мы находимся сегодня.

Время от времени история демонстрирует примеры того, что люди слишком неповоротливы и консервативны для того, чтобы быстро и в значительном объеме воспользоваться преимуществами, предоставляемыми сменой парадигмы. Одного только знания о том, что константа бытия пришла в движение, и что это движение затронет другие важные мемы и кластеры, недостаточно для осуществления броска в правильном направлении. Тот факт, что мадагаскарский крестьянин знает о Силиконовой Долине, еще не дает повода надеяться, что он способен основать на своем острове интернет-компанию. На индивидуальном же уровне, приходится признать, что совпадение, случайность, судьба, если угодно, является решающим фактором.

В момент, когда капитализм совершал прорыв, аристократия занималась своими поместьями вдали от банков и городских рынков. Аристократы были вскормлены на отвращении к торговле и финансам. Старый господствующий класс был целиком занят защитой своих фамильных прав наследования титулов и земли, невзирая на то, что ценность геральдических символов в обществе быстро снижалась. Но нобли все так же были увлечены полировкой своих регалий и сочинением легенд о великом, давно ушедшем прошлом. В итоге они упустили свой шанс взойти на корабль. С развитием пиетизма (набожность, благочестие), европейские христиане стали поощряться к коммерческой и ссудной деятельности, что ранее было прерогативой еврейской протобуржуазии. А аристократия не воспользовалась своим шансом (да и едва ли имела его) в борьбе за власть в капиталистическом обществе, в отличие от буржуазии, оказавшейся в нужное время в нужном месте (мутации с корнями в крестьянском классе), прекрасно, сточки зрения меметического дарвинизма, приспособленной, чтобы стать господствующим классом при капитализме.

Значимым и весьма любопытным феноменом любого сдвига парадигмы становится заключение секретного пакта, несвященного союза, между старыми и новыми хозяевами. Как только переход власти *de facto* становится неоспоримым, ее передача *de jure* проходит мирно и тихо — к вящей пользе обеих сторон. Такой секретный пакт заключается с целью защитить и общие, и различающиеся интересы участников договора. Случается, что его заключение сопровождается продолжительными и утомительными псевдоконфликтами по ничему уже не значащим поводам, а лишь с намерением утаить от посторонних глаз само существование и цели такого договора.

Важнейшей функцией этого секретного союза является сохранение участниками монополии на общественное пространство во время смены парадигмы. В интересах обеих сторон создать максимально возможное замешательство, максимальную суматоху, так, чтобы передача власти произошла как можно незаметней, без какого-либо участия поработанных классов или внутренней оппозиции. Классический пример — браки XIX века между сыновьями

аристократов с их наследственными титулами и дочерью буржуа, с наследуемыми капиталами. Искусственно созданный конфликт призван был закамуфлировать существование самого сговора. Как ни парадоксально, чем меньше конспирации, тем лучше!

Примерно так же был прикрыт насущный вопрос европейских и азиатских монархий 'быть или не быть'. Аристократии было позволено сохранить, пусть в урезанном виде, королевские семьи и даже субсидируемые теперь государством оперные театры в обмен на помощь в осуществлении и пропаганде различных проектов капиталистической государственной машины. Аристократия была рада и согласна довольствоваться ролью 'обезоруженного угнетателя'. Ей позволили опекал музеи и другие подобные заведения, в которых сама история была теперь слегка отретуширована, чтобы новая социальная структура могла выглядеть как можно более естественно. Когда все фамильные ценности были распроданы, и аристократия не могла больше заниматься самофинансированием, а дочери буржуа стали все больше предпочитать титулованной бедности аристократов женихов своего круга, ноблей оставили в своих поместьях с условием, что они будут открыты для публичного обозрения по выходным как музеи. Они и превратились в дотируемые государством музеи — живописные окрестности для воскресных прогулок буржуазной семьи. Аристократическое прошлое преподносилось как очаровательная, но трагическая театральная декорация, на фоне которой капиталистическое общество представало во всем своем совершенном устройстве.

Умело обуздав и аристократию, и церковь, буржуа могли теперь взяться за переписывание истории, чтобы представить дело так, будто они сами и созданное ими государство существовали вечно. Общественные конструкции новой парадигмы представлялись как вечные и естественные истины. Индивидуум стал Богом, наука — проповедью, национальная принадлежность — раем, а капитал — священным орудием власти. Таковы были средства защиты монополии буржуазии на власть, историю, язык, да и на саму мысль. Вечные истины не могли, не должны были, да и не нуждались ни в какой перепроверке. За всем этим символизмом остается скрытой от глаз важная роль того самого сговора относительно построения властных структур новой парадигмы. Оказавшись, в результате, в непосредственной близости от новой константы бытия, новый правящий класс сумел максимально воспользоваться своими преимуществами. Произошло накопление колоссальных богатств, сгенерированных новыми 'вечными истинами', и все с благословения прежних хозяев. Новый господствующий класс достиг этого, создав монополию на общественное пространство, а затем использовал его для отрицания самого факта существования нового низшего класса, а впоследствии и для отказа признать за этим классом любые возможные права на участие в принятии решений.

В предыдущие столетия, как только стало ясно, что право на землю можно защищать с помощью законов и монополии дворянства на власть (фундаментальная основа феодализма), аристократия немедленно приобрела контроль над всеми землями. Ни один, даже самый удаленный клочок земли, не оставался неохраняемым, поскольку в противном случае мог стать поводом для претензий крестьян на землю. Примерно в том же духе буржуазия, с полного одобрения аристократии, все первые декады индустриальной эпохи занималась безудержным грабежом своих стран и их колоний в поисках сырья и рабочей силы, заставляя людей работать на фабриках, как рабов, принося огромную прибыль. Нет оснований верить в то, что новый господствующий класс информационного общества, нетократия, будет вести себя иначе, чем ее предшественники. Постепенно задвигаемая на второй план буржуазия станет добровольным помощником в этой очередной серии исторической драмы, на этот раз — под руководством нетократии, которая, как прежде буржуазия, станет отрицать само существование какого-либо низшего класса новой парадигмы.

Также, как аристократия способствовала созданию самых важных легальных предпосылок для экспансии капитализма — государственной защиты частной собственности, так и все более маргинальная буржуазия будет использовать свой контроль над парламентской системой и полицию для легитимизации и защиты важнейших компонентов в конструкции нетократической власти: патентов и авторских прав. Принципиальные условия для успеха нетократии — это, по иронии судьбы, прямой подарок со стороны прежних владельцев мира. Мораль новой эры построена вокруг передачи этой эстафетной палочки. Как аристократия и буржуазия законодательно взлелеяли в свое время неприкосновенность частной собственности,

так теперь буржуазия и нетократия объединяют свои усилия для провозглашения авторских прав в качестве средства спасения цивилизации. При этом огромное число 'научных открытий' совершается единственно с целью доказать их благотворное влияние на человечество в целом. В рамках такой стратегии становится очевидным, что любая форма власти, не защищенная авторским правом, будет, по определению, считаться аморальной, а с точки зрения юридической монополии буржуазии, будет интерпретироваться еще и как нелегальная.

Но, рано или поздно, секретный сговор старого и нового правящих классов будет подвергнут мобилистическому анализу, согласно которому любая сила может быть определена только через противопоставление противоположной ей силе. Поэтому нельзя говорить о существовании доминирующего класса, не предполагая нового 'низшего' класса. Правящий класс, разумеется, использует все доступные средства для установления тотального контроля над 'вечной истиной' бытия. Но поскольку эта константа бытия существует, только будучи признана и новым классом, противостоящим правящему, то возможен конфликт относительно ценности этой константы. Правящий класс желает владеть константой и контролировать ее. А 'порабощенный' класс формируется из тех, чья деятельность (в форме производства или потребления) или чья случайная позиция на исторической карте как раз и придает предполагаемой константе бытия, этой 'вечной истине', её значение. Когда 'низший' класс в полной мере осознает себя, организуется и предъявит требования к существующему порядку, монополии доминирующего класса на общественное пространство наступит конец. Отношения типа господин/раб станут напряженными и неустойчивыми. Возникнет новый конфликт, наполненный бесконечными испытаниями взаимной силы, в котором перемирие — лишь прелюдия к новой вспышке активности. Из этого-то конфликта, этой межклассовой борьбы за власть общество и история и получают в конечном итоге энергию своего движения.

Когда аристократия передала эстафету реальной власти в руки буржуазии, формально это выглядело как продолжительный переход от абсолютной монархии к парламентской системе прямых выборов. При этом никогда не происходит непосредственной исторической встречи 'низших' классов двух парадигм, прежней и новой. Отчасти потому, что из прежнего порабощенного класса формируется новый господствующий, отчасти потому, что у них нет точек соприкосновения, так как они никоим образом не вступают в конфликт друг с другом! Всё указывает на схожесть этих явлений и при переходе от капитализма к информационному обществу. Этот новый низший класс, пока практически невидимый, будет еще длительное время оставаться нераспознанной силой, даже для себя самого. В обществе, которое просто перегружено информацией, налицо красноречивый дефицит информации по данному предмету. Но это, скорее, вопрос контроля идеологии.

ГЛАВА III. ПЛЮРАРХИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: СМЕРТЬ ЭТАТИЗМА И КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ

В соответствии с классическими марксистскими воззрениями на историю, верхи правят, контролируя средства производства. Власть есть владение и руководство производственным процессом. Важнейшей функцией культуры, с марксистской точки зрения, является оправдание существующей власти, представляемой как 'естественная'. Главным занятием в феодальном обществе было производство и распределение сельскохозяйственной продукции. Власть была неотделима от контроля над землей и её дарами, а правящий класс феодальной эпохи, аристократия, непрерывно поддерживал контроль над землей и придавал этому контролю легитимность. Культура использовалась как инструмент для удержания крестьян в подчинении. Существующий порядок вещей, принципы социальной иерархии и неограниченные права аристократии распоряжаться земельными угодьями представлялись как 'естественные' и вечные. Такой взгляд на мир был безальтернативным.

Аристократы (для осуществления неограниченной власти на средства производства) имели мандат божественного происхождения, производное религии, приспособленной для этих цели: защиту права на земельную собственность. В феодальной Европе эту роль играло христианство. Цветные церковные витражи повествовали о поучительных историях, в которых

послушание господину воздавалось сторицей, а стремление к независимости сурово наказывалось. Религия, словно губка, всасывала, растворяла и подавляла любые формы общественного сопротивления или неординарного мышления — буквально на всех уровнях общественной жизни. Привлекая наиболее ярых противников системы из подчиненного класса и соблазняя их престижной карьерой в организации, церковь обеспечивала мягкий буфер между классами.

Интеллектуальная деятельность при феодализме, в основном, была сосредоточена в монастырях, монахи и монахини с литературными способностями вели бесконечные дискуссии по неразрешимым теологическим проблемам, а также занимались переписыванием библейских текстов от руки, которые затем пылились в аристократических библиотеках. И все это с целью нейтрализовать не в меру пытливые умы, направляя их в русло поддержания существующего строя. Стоило только какому-нибудь монаху выказать особенное стремление к власти и славе ради собственного величия, как живописный кардинальский наряд уже был наготове, чтобы умиротворить его. Потенциальные лидеры социального протеста с раннего возраста были облачены в рясы и сутаны, усиливая, таким образом, безжалостное подавление низшего класса.

Всё это были права, освящённые самим Богом, а под ним выстраивалась вся святая иерархия. Наместником Бога на земле был монарх, чья религиозная и мирская власть формализовалась в законах, которые он сам и сочинял, и провозглашал. Со своей стороны, монарх гарантировал аристократии сохранение её привилегий, фактически передоверяя ей монополию на применение силы при любой попытке восстания против существующей власти. В обмен на монополию применения силы, которая была достаточной гарантией контроля над средствами производства, аристократы присягали на верность короне и служили офицерами в армии, когда их монарх конфликтовал с другими монархами и начинал войну.

Феодальное общество держалось на этом альянсе монархии и аристократии, скрепленном церковью и защищаемом армией. Всё это обеспечивало желаемую социальную стабильность. Поддержание status quo было основным и общим интересом монарха и аристократии. Любая угроза существующему строю подавлялась в зародыше. В результате получилась почти герметичная конструкция, где просто не существовало альтернативных вариантов создания центров власти, которые могли бы нападать или даже подвергать сомнению правящую структуру. Следовательно, система не содержала угроз внутри себя, и только революционные изменения базовых технологических условий феодализма могли привести к заметным переменам и потрясениям в этой иерархии, которые, в свою очередь, неизбежно привели бы к появлению совершенно нового общественного устройства. Но чтобы это произошло, была необходима подлинная смена парадигмы.

Главенствующее положение религии при феодализме не являлось следствием заинтересованности общества в проблемах мироздания, а было результатом интенсивного идеологического творчества аристократии с целью утвердить свои неограниченные права на землевладение. Религиозный посыл повсеместно был один и тот же: каждый клочок земли был на неограниченный срок передан во владение конкретной семье, чье неотъемлемое право (и обязанность) состояла в том, чтобы передавать эту землю по наследству из поколения в поколение. Консервативное учение церкви, вводимые монархом законы и монополия аристократов на применение силы действовали согласованно, лишая крестьян эффективных способов противодействия или сопротивления существующим порядкам. Земля и право её наследования — всё, что было необходимо аристократии для полного счастья. То, что именно имущество, а не капитал или знания, передавались по наследству, было главной опорой правящего класса. Имущество и фамильные титулы были неразрывно связаны; они наследовались 'пакетом' и вместе образовывали наиболее важный символ феодализма — фамильный герб, наделенный исключительно высоким общественным статусом.

Вопрос о существовании Бога — достояние скорее современности. Однако правящие классы всегда воспринимали невидимость Бога как проблему. Его отсутствие на земле создавало некий вакуум, который просто должен был заполнить Его наместник, который и решал бы текущие вопросы. Всегда существовала потребность в верховном арбитре, чей совет помогал бы выпутываться из сложных ситуаций морального или экзистенциального толка. Поэтому есть ли Бог на самом деле или нет, не так уж важно, пока есть кто-то, кто может его

замещать здесь, на месте. Самое главное для аристократии, чтобы этот 'кто-то' был правильного происхождения и служил ее интересам. Так появились короли. Им приписывались божественные качества, начиная еще с египетских фараонов, которые, как известно, потому были вынуждены жениться на собственных сестрах. Положение монарха не может и не должно подвергаться сомнению, поскольку, как и право наследования, это один из краеугольных камней религиозного учения. В этом смысле, монархи и аристократы вели весьма сбалансированное существование в атмосфере юридического и церковного террора. Никакие отклонения не допускались; ни одна из сторон не имела возможности поколебать привилегии другой без немедленного возникновения встречной угрозы ее собственным интересам.

Сбалансированный террор служил целям подавления открытой конфронтации, но одновременно провоцировал непрекращающуюся холодную войну. Пока казалось, что внешние угрозы под контролем, существовал постоянный, тлеющий конфликт между монархом и аристократией. Монарх делал все возможное, чтобы разделить на части многоголовую аристократию и держать ее в узде, при этом понимая, что чрезмерное ослабление ноблей опасно для него самого, ибо создаст условия для крестьянских волнений. Со своей стороны, аристократия стремилась к укреплению внутреннего единства, чтобы контролировать, насколько возможно, монарха, ресурсы которого были относительно слабы. Хотя совокупная власть аристократии была огромна, по части влияния на монарха она имела ограничения. Пришлось смириться с тем, что она не может возводить на трон и смещать королей по своему усмотрению, поскольку такие действия подорвали бы веру в божественное происхождение их собственного права наследования земель и ослабили бы позиции самой аристократии. Поэтому пришлось признать, что наследование трона, как и наследование земель, было санкционировано Богом, что, в свою очередь, укрепляло позицию монарха в конфликте с аристократией. Это объясняет постепенное увеличение мощи европейских монархий, начиная с позднего средневековья, в их противостоянии с аристократией, вследствие чего наследование трона стало напоминать времена египетских фараонов или императоров Великой Римской Империи.

Главное требование к мировоззренческой системе, которая вышла победившей в дарвинистской войне мемов за религиозную власть при феодализме: в ее основе должна стоять иерархия авторитарной власти. Это означало, что монарх мог возвышаться над аристократией, а та — над классом крестьян. Бог стоял над Церковью, а Церковь возвышалась над паствой. Неограниченная законодательная, исполнительная и судебная власть монарха была средством для удержания аристократии в повиновении. Если бы его загнали в угол, единственное, что ему нужно было бы сделать, — это отобрать у аристократии монополию на применение силы, дав крестьянам законное право носить оружие. В случае открытого столкновения это давало крестьянству шанс низложить аристократию, и в качестве награды получить от короля аристократические привилегии, включая наследственное землевладение. Таковы были политические реалии феодализма. Можно заметить, что едва дворцовые перевороты и крестьянские восстания сходили на нет, история всегда воспроизводила ту же самую иерархию, с монархом во главе аристократии, аристократией во главе крестьян — но все это до тех только пор, пока 'вечные ценности' общества были связаны с сельскохозяйственным производством. Права крестьян сводились к мелочам в несущественных и периферийных областях жизни, которые аристократию попросту не интересовали. И при капитализме доведенные до крайней нищеты массы народа довольствовались лишь малыми крохами тех прав и благ, которые не были востребованы правящим классом.

Как аристократия нуждалась в монархе на вершине иерархии власти в качестве представителя Бога на земле, так и буржуазия, правящий класс капитализма, нуждалась в некоем представителе человека, этого Бога капиталистической эры. На вершине капиталистической иерархии таким носителем абсолютной ответственности за процветание и благоденствие человека (в роли правопреемника Бога) выступило государство. Подобно тому, как идея Бога почилла и была заменена идеей человека, личности, так и идея монархии скончалась или же была низведена до чисто декоративной функции, а её место заняло государство.

Не меньше, чем аристократия в своё время, буржуазия понимала необходимость заполнения пустоты, вызванной отсутствием физического воплощения Бога. Этот новый Бог, Человек с большой буквы, тоже не имел осязаемой формы, будучи больше абстракцией,

представлением идеи, призраком — вот почему было жизненно важно найти более или менее достойного его представителя, на которого можно было бы возложить ответственность за соблюдение интересов нового правящего класса. Таким представителем в итоге стало государство, в широком смысле, и парламент, в частном выражении. Воистину, это был глас народа. Масштабный исторический дворцовый переворот выразился в замене монарха (то есть личности-законодателя, представляющего вымышленный коллектив) на парламент (коллектив-законодатель, представляющий вымышленную личность). Капитализм вытеснил и подчинил феодализм, смена парадигмы стала свершившимся фактом.

Христианство было религией, которая больше других подходила аристократии в качестве инструмента управления и потому победила на заре феодализма в меметической войне с другими системами ценностей. Аналогично при переходе от феодализма к капитализму в войне множества идеологических мутаций того времени постепенно выкристаллизовался свой победитель. Новая парадигма требовала нового мифа, и в ее распоряжении был гуманизм, готовый заменить одну вымышленную фигуру на другую (Бога на человека). Гуманизм оказался наилучшим образом приспособлен к новым обстоятельствам и стал для буржуазии превосходным инструментом в деле удержания в подчинении нового класса — рабочих.

Как прежде христианство, гуманизм был верой, представлявшей себя как 'истину новой эпохи'. После того, как позиции Бога были существенно поколеблены, человек занял главенствующее положение на вершине иерархии ценностей. Язык, способность вида *homo sapiens* думать и выражать свои мысли словесно, теперь волшебным образом доступная в массовых публикациях, был отправной точкой для новой вымышленной структуры, в которой человек был вознесен на вершину цивилизации и встал надо всеми земными тварями. Но *homo sapiens* не был человеком по рождению (потому что это означало бы, что гуманизм — очень слабый инструмент власти), а должен был становиться таковым после долгого процесса образования и формирования личности, требующего колоссальных усилий. Из соображений безопасности предполагалось, что проект будет длиться на протяжении всей жизни. Государство было назначено куратором проекта, а рынок — универсальным мерилем успеха.

Этим объясняется создание больниц, тюрем и образовательных учреждений, а также различных политических и академических институтов. Их задачей было формировать идеал человека и корректировать нежелательные отклонения от идеального 'естественного' состояния. Капитализм продемонстрировал изумительные способности к инновациям: появлялись все новые и новые заболевания, виды преступлений и другие отклонения от нормы, каждое из которых естественно требовало вмешательства и устранения. Система была практична настолько, что каждая новая болезнь немедленно создавала новый рынок для людей в белых халатах и других экспертов, наделяя их растущей властью. Идеальным гражданином был тот, кто находил в себе достаточно сил, чтобы постоянно стремиться к достижению всё более размытого идеала человека, тот, кто был одержим идеей жизни правильно, в соответствии с советами экспертов. Все это нацелено на создание максимально эффективного в течение рабочих часов производителя и в свободное от работы время -ненасытного потребителя; гражданина, который каждую минуту своего бодрствования занимается тем, что без усталости крутит колеса капитализма.

Наиболее способные и независимо мыслящие представители низшего класса при феодализме обезвреживались путем вовлечения их в бесконечные теологические споры в стенах монастырей, так же и наиболее одаренные дети рабочих получали возможность сесть за школьные скамьи, после чего их будущее целиком и полностью ограничивалось рамками социальных наук. Проект достиг кульминации в XX столетии с появлением новомодной идеи 'самореализации', что привело гуманизм к его последней стадии, при которой каждый гражданин должен был стать собственным всевидящим полисменом-моралистом. Здесь верховная идеология капитализма достигла своей высшей точки. Это объясняет, почему буржуазия с таким неистовым рвением защищала священный гуманизм от всех нападков, реальных и вымышленных, и почему он был поднят до уровня вечной аксиомы, религии. Практически каждая политическая партия, от республиканской в США до коммунистической в Восточной Германии, определила себя как гуманистическую. Все та же старая история: создать идеологию, которая узаконит власть, чтобы она выглядела 'естественно'. Это просто вопрос

положения буржуазии в качестве правящего класса капиталистического общества и того, как она связана с гуманизмом, в качестве верховной идеологии. В этом свете, капиталистическое общество выглядит не как демократия в ее реальном смысле, а скорее как диктатура гуманизма.

Буржуазия, как любая правящая элита, стремилась к социальной стабильности — неограниченной власти и общественному климату, который пресекает появление какого-либо альтернативного центра власти. Как аристократия стремилась сохранять существующий порядок вещей, новый правящий класс старался создать закрытую социальную систему, и как феодализму удавалось сглаживать всевозможные внутренние противоречия, невероятные напряжения внутри капиталистического общества никогда не представляли серьезной опасности для правящей элиты. Только когда фундаментальные технологические предпосылки претерпели радикальные изменения, система была серьезно затронута. Настал момент очередного сдвига парадигмы.

Поскольку капиталистическая система не могла функционировать, совершенно не замечая рабочих масс, поддержание легитимности государственного устройства возлагалось на парламент, призванный представлять и выражать волю народа. Эта франшиза была необходима, чтобы избежать революции. Идея о том, что именно парламент выражает истинную волю народа, была возведена в ранг неоспоримой аксиомы. Во взаимоотношениях между угнетателями и угнетенными был установлен баланс; чтобы укрепить свою власть, буржуазия постаралась создать взаимную зависимость между собой и пролетариатом.

С момента, когда государство заняло своё место среди других участников капиталистического рынка, его существование целиком и полностью зависело от налогов, собираемых с труда и капитала, парламент оказался в подчинении у капиталистической системы и был не в состоянии оспаривать ее фундаментальные принципы, не подвергая риску собственную деятельность. Сотрудничество оплачивалось деньгами и привилегиями. Только истинные защитники государства имели шанс пробиться в парламент, потому что любой другой вариант был невозможен по определению. Те, кого выбрали, могли называть себя левыми или правыми, но это было относительно неважно, поскольку парламентские дебаты никогда не затрагивали фундаментальную политическую идею буржуазии: этатизм. Правительства могли менять свою политическую окраску в зависимости от времени года, но хватка, с которой правящая элита держалась за власть, не ослабевала.

Политические идеологии, характерные для буржуазного парламентаризма, представляют собой лишь разные нюансы одной и той же верховной идеологии — этатизма, выражающего фундаментальную веру в проект 'Человек', различаясь в трактовке исторической роли государства в реализации этого проекта. Чтобы реализовывать свои властные полномочия тихо и мирно, в интересах этатизма было важно создавать впечатление, что все мыслимые политические силы находятся под крышей парламентаризма. Это то же, что делал правящий класс при феодализме: привлекал потенциальных нарушителей порядка предложением выгодных позиций поближе к кормушке. Чтобы симулировать избыток идей и подлинные разногласия, любые, даже самые незначительные риторические различия в партийных программах раздувались до невозможности. А дело в том, чтобы создавать как можно больше шума, чтобы сохранять неизменной монополию этатистов на общественную арену.

Как и любой другой коллектив, парламент базируется на общности интересов его членов, хотя в то же время старается скрывать этот важный факт. Сильное государство клеймит все, не являющееся этатизмом или восхвалением сильного государства, как экстремизм, потому что это часть игры. При этом наличие противоречий в самом лагере государственников необходимо, чтобы скрыть тот факт, что все эти группировки внутри властных структур на самом деле сотрудничают между собой для предотвращения появления реальной оппозиции. Все они — консерваторы, либералы и социалисты, с их тоталитарными или демократическими убеждениями — являются приверженцами одной и той же базовой идеи — сильное государство необходимо для выживания хорошего, 'естественного' общества. В течение многих лет политические партии успешно маневрируют с целью контроля общественного мнения. Но с рождением в 1970-е информационного общества ситуация коренным образом изменилась.

Наиболее характерным признаком перехода от капитализма к информационному обществу является общая медиализация. До прорыва интерактивных методов коммуникации в

начале 1990-х средства массовой информации имели структуру, характерную для позднего капитализма. Главные СМИ той эпохи, радио и телевидение, в США в олигополии частного бизнеса, в Европе в форме государственной телевизионной монополии, были идеальными инструментами буржуазных институтов, предназначенных для передачи сообщений народу в такой форме, которая не предусматривала их обсуждения. Но с плюрализацией средств массовой информации — в основном, в результате роста рекламной индустрии, обращавшейся к большому числу специализированных рыночных сегментов — СМИ постепенно освободились от необходимости играть в соответствии с пропагандой этатизма. Средства массовой информации зажили своей собственной жизнью, формируя основание для новой властной структуры, и стали все больше приобретать характеристики парадигмы информационного общества и его правящего класса — нетократии.

По мере ускорения медиализации и усиления влияния СМИ представители растущей индустрии медиа и развлечений стали все больше нападать на те политические группы, которые, по их мнению, препятствовали независимости СМИ и увеличению их власти. И поскольку масс-медиа стремились в первую очередь избавиться от давления политиков, избранных народом в соответствии с принципом парламентаризма, то они и сделали этих самых политиков главной мишенью своей атаки. Стратегия СМИ в борьбе с государством базировалась на выдумке, что в действительности доверие электората к своим избранным было весьма незначительным. Центральным звеном этого общественного мифа служит идея о том, что в эпоху позднего капитализма общество расценивает выбранных политиков как группу коррумпированных дельцов, устраивающих свое благополучие за счет избирателей и налогоплательщиков, сознательно пренебрегающих своими обязанностями, для исполнения которых они, собственно, были выбраны. У каждого народа своя версия этого мифа, но в любой стране политики воспринимаются как люди, которые надругаются над самыми святыми ценностями данной культуры. Посему американские политики — это как правило неверные мужья, в то время, как их европейские собратья в основном уличаются в махинациях с кредитными карточками, подтасовке результатов голосования и уклонении от уплаты налогов. Так что, если верить средствам массовой информации, у граждан всего мира нет ни малейших оснований доверять политикам.

Проблема в том, что такая стратегия масс-медиа есть не более чем исполняющееся пророчество. Постоянно твердя об этом предполагаемом презрении к политикам, СМИ произвели на свет медиа-феномен, который, самим фактом своего существования, подогревает спрос на шокирующие репортажи. Конкретное содержание всех этих репортажей ограничивается фактом, что участие в выборах в западных демократиях (начиная с 1960-х годов) постепенно падало. Презрение к политикам оказалось возведено в ранг непреложной истины, аксиомы общественного сознания. Политик или медиа-представитель, которые осмеливаются утверждать обратное, рассматриваются как еретики, которые должны быть обезврежены, коль скоро они препятствуют всё возрастающим амбициям масс-медиа. Нетрудно заметить, что общественное мнение и законы в равной степени сконструированы и сформированы средствами массовой информации. Политики стали производителями, избиратели — потребителями, а сами СМИ присвоили себе роль кураторов политической арены, и, таким образом, осуществляют тотальный контроль над политическими процессами в информационном обществе, в полном соответствии с принципами нетократии.

Все, что имеет отношение к политике, теперь проходит на условиях СМИ. Прежние носители стандартов выборной демократии нынче совершенно беспомощны и только и могут, что играть по правилам, которые устанавливают для них их новые властители. Политическое событие, которое не привлекает внимание СМИ, не является таковым по определению. Это в буквальном смысле означает, что всякий политик теперь не более чем участник постановки, сценарий которой написан в коридорах медиа-империй, при этом недоверие и презрение к политикам есть основная идея этого аттракциона. То, что никто не подвергает этого сомнению, еще не означает, что это на самом деле так. Просто такая 'правда' является нынче популярной и полезной в тех кругах, чьи интересы она обслуживает, — нетократических СМИ, захвативших командные высоты общественной жизни.

Предположим, что презрение к политикам, в его общепринятой форме, действительно,

существует. Оно должно исчезать, или, по крайней мере, значительно уменьшаться каждый раз, когда предположительно коррумпированный политик уличен, подвергнут порицанию и заменен на другого. Это будет просто вопрос выбора правильного кандидата на правильную позицию. Но этого не происходит. Ведь число людей, приходящих к урнам для голосования, не зависит от того, предстоит ли им выбирать среди новых, незапятнанных скандалами кандидатов, или среди все тех же до боли знакомых и надоевших персонажей. Таким образом, это предполагаемое презрение не направлено на какого-то конкретного политика, так что презрение к политикам не может быть причиной всё уменьшающегося числа избирателей. Видимо, объяснение в чем-то другом. Можно предположить, что презрение к политикам — не более чем миф, а люди, которые создали и поддерживают этот миф, возможно, заинтересованы в том, чтобы он выжил и казался 'естественным'. Это приводит нас к значительно более интересному вопросу, нежели уровень презрения избирателей по отношению к политикам, и это вопрос о том, как этот миф появился и чьим интересам служит его распространение?

Все дело во власти. Если сравнить уровень активности избирателей на выборах в различные властные структуры, станет очевидной определенная закономерность. Существует прямая зависимость между уровнем власти и активностью избирателей: чем больший объем власти на кону или, другими словами, чем большее количество полномочий ассоциируется с конкретной позицией или органом, тем сильнее интерес избирателей. Это означает, что кризис демократии не связан непосредственно с общей потерей доверия к деятельности политиков как таковой, скорее он сопровождается все большей озабоченностью по поводу их растущей беспомощности. Молчаливый протест все большего числа граждан, не отрывающихся от дивана, чтобы голосовать, вызван не злоупотреблениями властью, а неспособностью её применять.

Этот факт, к сожалению, не особенно 'сексуален' и не укладывается в законы жанра медиа-драматургии; он не обеспечит громких заголовков и не предоставит аргументы для популистских словопрений и взаимного обливания грязью. И — более того — он не служит интересам средств массовой информации. Так что, вместо этого, на нас обрушивается непрекращающийся поток пропаганды, рассказывающей о праведном гневе народных масс в отношении коррумпированных властей, что приводит только к еще большему ослаблению позиций политиков, что в свою очередь заканчивается очередным раундом публичной порки. Этот процесс развивается по схеме порочного круга, неизбежной кульминацией которого станет гибель института выборной демократии, полнейшая беспомощность политиков и реальная диктатура средств массовой информации. К тому же процесс усиливается наличием обратной связи. С помощью опросов общественного мнения, вопросы для которых, очевидно, сформулированы СМИ так, чтобы это отвечало в первую очередь их собственным интересам, население узнает о том, что оно думает, и думать о чем является 'естественным'. Затем СМИ демонстрируют, как 'гибкие' политики присягают на верность этой 'общественной' норме или, по крайней мере, делают вид, что присягают, и так процесс повторяется снова, и снова, и снова, *ad infinitum*. Исследования, проводимые СМИ на самом глубинном уровне, — не более, чем исследования мнения самих СМИ по тому или иному вопросу. Статистические методы, призванные выявлять общественное мнение, на самом деле являются инструментом формирования этого мнения.

Полнейшая абсурдность всего этого шоу становится очевидной, когда СМИ начинают оценивать кандидатов на те или иные посты, руководствуясь исключительно собственными внутренними критериями целесообразности. Квалификация и компетентность кандидатов становятся второстепенными факторами; главным является, 'хорошо ли смотрится' тот или иной кандидат. Главное соображение -насколько полезен кандидат, с драматургической точки зрения, или, другими словами, насколько он подходит, сточки зрения СМИ, на роль 'жертвенного животного' в этой постоянной погоне СМИ за новыми сенсациями и скандалами с громкими заголовками новостей. Тот факт, что уже на начальной стадии процесса прежде всего обращается внимание на телегеничность (во всех смыслах) кандидатов, иллюстрирует стремление СМИ не отражать ход политического процесса, но активно писать его сценарий и продюсировать.

Журналисты, пишущие о политике, интересуются не столько политикой, сколько

собственно информационной драматургией. Политические вопросы зачастую слишком сложны, чтобы в подробностях обсуждать их на телевидении, поэтому они и находятся обычно на обочине внимания СМИ, освобождая первые полосы газет и 'прайм-тайм' для искусственных дискуссий, риторических вопросов и личной жизни политиков. Политики охотно допускают потребителей СМИ в интимные сферы, что еще им остается делать? Отказаться будет равносильно собственноручному вычеркиванию себя из списка участников этой политической мыльной оперы. Грань между политикой и сплетнями стирается все больше. Политики новой эпохи сильно смахивают на артистов кабаре, чьей специализацией является то, что американский социолог Ричард Сеннетт назвал 'духовным стриптизом'. Другими словами, они создают политический капитал на собственной личной жизни. Интимность сопровождается заголовками, которые привлекают внимание. Последствия этого растущего феномена таковы, что эмоции официальных лиц по тому или иному поводу оказываются в центре внимания медиа, а по-настоящему серьезные проблемы, требующие времени и осмысления, остаются без внимания. Все увеличивающаяся близость также привнесит существенный риск ответного удара СМИ. Владение мастерством правильного предъявления себя публике стало одним из важнейших факторов политического успеха.

Процесс, таким образом, создается, управляется, освещается и исследуется одной и той же группой — масс-медиа — и эта система не терпит и не допускает никакого наблюдения, анализа или критики извне. В этих условиях становится ясно, что цель этого процесса — служить интересам масс-медиа. Следует помнить, что те, кто занимает властные позиции внутри медиа-империй, не назначаются народом (интересы которого они беспрестанно отстаивают), в отличие от политиков — по крайней мере, на строго формальном уровне. Медиа-руководители избираются внутри собственных кругов, тщательно отбираются в дружеских группах и получают задание обслуживать закрытые ложи и гильдии нетократии. В сердцевине самого настоящего кризиса демократии находится нетократическое представление о тайной, невидимой власти.

Но поскольку мы в переходной фазе, в старых мифах еще есть жизнь. Буржуазия продолжает культивировать идею бессмертия выборной демократии, и, похоже, коллапс коммунистических режимов в Восточной Европе в немалой степени льёт воду на эту мельницу. Американский социолог Фрэнсис Фукуяма утверждает, что исторический процесс достиг своей конечной точки в форме либеральной демократии, но в то же время он не может избежать нищенского сомнения: разве равенство и стабильность, внезапно появляющееся по торжественным случаям, не подразумевают, в действительности, стагнацию и загнивание?

Миф о выборной демократии содержит идею превосходства гражданского общества, оборотной стороной которой является наложение табу на тему политической апатии. Это нельзя обсуждать! Молчание окутывает тот факт, что владеющие избирательным правом, за которое боролись и умирали первые защитники демократии, всё реже направляют свои стопы на избирательные участки, по той простой причине, что политики всё более беспомощны на арене борьбы хорошо организованных групп интересов. Очевидно, что СМИ нельзя винить (да они и не могут принять это обвинение) за это вопиющее отсутствие интереса людей к политике: как могут быть не правы СМИ, они и есть здесь суд и прокурор в одном лице! Так же невозможно обвинить в чем-либо и потребителей этого продукта — телезрителей, которых это шоу развлекает — они просто часть аудитории, которая растёт, потому что должна расти! А вот 'наивные и незащитные' политики во всём и виноваты. Но сама политика должна быть в хорошей форме. Таков этот сознательно сконструированный парадокс, который нетократия использует, чтобы окончательно добить смертельно раненый институт государства.

Старые добрые мифы либерализма, выборной демократии и гражданского общества базируются на ошибочном утверждении, что эти институты раз и навсегда, вне всяких сомнений являются наилучшими из возможных структур, которые нельзя ни оспаривать, ни пересматривать. Едва ли можно заблуждаться сильнее! Странно и трагично, что эти же самые мифы удерживают влияние в обществе, которое находится в самом центре урагана перемен. Развитие информационного общества радикально повлияло на условия развития общества и демократии. Еще в 1840-е годы, когда институт гражданского общества начал утверждаться в качестве важнейшего условия функционирования демократии, французский социолог Алексис

де Токвилль с энтузиазмом сообщал в Европу, что американская демократия базируется на определенной системе взаимодействия заинтересованных слоев общества, то есть на сети. Ключевое слово здесь — сеть. Когда мы вступаем в новую фазу исторического развития, при которой социальные сети перестают играть вспомогательную роль, а вместо этого доминируют в общественном развитии, то его предпосылки существенно меняются. Гражданское общество Токвилля, сеть заинтересованных групп, реализовало свой потенциал благодаря информационным технологиям и превратилось в ненасытного кукушонка, паразита на теле общества, безжалостного многоголового монстра, в тюремщика и палача выборной демократии.

В США эта сеть заинтересованных групп (лоббисты), по крайней мере, самостоятельно финансируют свою деятельность. В Европе же они финансируются через налоговые механизмы, тем самым институтом, против которого они ведут борьбу, — государством. Если мы проанализируем эту систему, с точки зрения информационного общества, то увидим, что это новый поработанный класс спонсирует лоббистские группы нового правящего класса через систему налогообложения. В результате, институт демократии подвергается атакам со всех сторон. Быстрое развитие технологий сделало влияние сетей значительно более мощным, а их способность оказывать политическое влияние достигла той степени, при которой они практически захватили и контролируют весь политический процесс. Забудьте идею 'один человек — один голос'! Теперь значение имеет то, приняты ли вы в 'нужную' сеть, чтобы иметь возможность влиять на важные политические решения. Нынешний принцип: 'один член сети — один голос'.

Мышечная сила лоббистских групп и всякого рода неправительственных организаций (НПО) растет все быстрее, рабочие методы деятельности этих групп прекрасно соответствуют всеобщей информатизации общества, которая произвела на свет несвященный союз групп влияния и всемогущих масс-медиа. Едва кто-нибудь из маргинализованного политического класса пытается продвинуть какой-то вопрос в определенном направлении, те лоббистские группы и НПО, чьи интересы могут быть затронуты, мгновенно иницируют общественное мнение, умело руководимую массовку, которая, если необходимо, атакует неудобный проект во всех возможных смыслах. Гринпис и профсоюз конторских работников, ассоциация юристов и список адресов почтовой рассылки — все идет в ход, чтобы озабоченность и возмущение могли быть хорошо организованы и умело направлены на достижение необходимого результата. Время от времени политический процесс парализует, и так будет до тех пор, пока политики окончательно не перейдут под контроль групп влияния, проводя в жизнь их решения и получая взамен защиту от нападков прессы и телевидения.

Единственная уцелевшая функция политиков будет чисто церемониальной: принимать участие в телевизионных шоу (а Punch and Judy show), ставить подписи под документами, которые они не то что не писали, но даже и не понимают на уровне, большем, нежели громкие лозунги. В капиталистическом обществе отлученные от власти монархи вынуждены ограничиваться разрезанием голубой ленточки при открытии торговых центров. Подобным образом при нетократии смысл существования политиков сведется к использованию нетократами их имен для оглашения решений, которые были приняты людьми, на которых политики не имеют ни малейшего влияния. Но обязательно ли этот переход к политической структуре информационного общества означает, что принципы демократии мертвы?

Бурное развитие интернета вселило во многих людей надежду на ренессанс демократии. Благодаря тому, что с помощью технологических нововведений граждане могут — на работе ли, дома, в библиотеке и прочее — мгновенно выразить свою позицию по тому или иному политическому вопросу, сеть могла бы стать неким виртуальным парламентом, как на местном, так и на национальном уровне. Интернет покончит с существованием избранных-посредников и потому выступит не только как спаситель демократии перед угрозой медиа-тирании, но и как воплощение либеральной утопии о всеобъемлющей демократии. Это красивая идея. Проблема в том, что сеть не делает скидки на местоположение и не признает географических границ. Ценности, вокруг которых люди концентрировались и принимали решения при капитализме, базировались на предпосылках, непосредственно связанных со старой парадигмой, ныне совершенно не актуальной. Это означает, что фундаментальное условие для сетевой демократии — то, что группа людей, обсуждающая проблемы и принимающая решения, также

заинтересована в участии в политическом процессе в пределах ограниченной географической территории, например, страны — больше не может быть выполнено. Почему, собственно, люди в сети должны ограничивать себя какими-либо национальными интересами, если сама идея нации потерпела крах?

Национальное государство есть фундаментальная часть капиталистической парадигмы и поэтому не пользуется доверием в информационном обществе, в котором общение строится вокруг племенной общности и субкультур, основанных на совершенно других принципах. Вот почему переходный к информационному обществу период войны между нациями практически прекратились и уступили место конфликтам между заинтересованными группами, такими как компании и группы давления. Люди больше не готовы приносить свои жизни на алтарь нации, так же, как при капитализме больше не были намерены жертвовать собой во имя феодальных ценностей, Бога и монархии. Мечта о бескровной войне, так лелеемая при позднем капитализме (война в Заливе, конфликт в Косово), должна поэтому рассматриваться как прямой результат политического мнения, согласно которому защита нации или демократии более не стоит жертв. Разница между голливудскими боевиками и пост-модернистской войной неразличима. Война приемлема, только когда сведена до уровня видеоигры с предопределенной победой 'хороших парней'. Нация, таким образом, низводится до сценической декорации.

В виртуальном мире важны виртуальные общности, что означает необходимость конструирования новой системы участия в политическом процессе. Парламентские выборы, конечно, могут проводиться через интернет, когда гражданин, имеющий избирательное право, сможет просто вводить свой персональный код в компьютер, а не идти на избирательный участок, но тогда исчезнет сама основа демократии — широкие дебаты, в которых все заинтересованные стороны в пределах географической области проясняют позиции по какому-то вопросу. В сети каждый ищет себе подобных и создает вместе с ними новое виртуальное пространство, свободное от конфликтов внутри и по поводу пространства географического. Никто ведь не занимается поиском людей, с которыми у него нет ничего общего! По иронии судьбы, возможности, предлагаемые сетью для бесконтактного поиска себе подобных, делают интернет бесполезным в качестве инструмента защиты демократии.

Политическая структура, формирующаяся в сети, принципиально отличается от капиталистической демократии. Присущая нетократам способность менять среду обитания, как только она перестает их устраивать, создает предпосылки для роста совершенно новой и исключительно сложной политической системы: плюрархии. Плюрархия есть политическая система, при которой каждый отдельный участник решает сам за себя, но не имеет способности и возможности принимать решения за других. Таким образом, фундаментальный принцип демократии, при котором решения, в случае возникновения разногласий, принимаются большинством голосов, становится невозможным. В сети каждый сам себе господин, хорошо это или плохо. Это значит, что все коллективные интересы, включая поддержание закона и порядка, будут находиться под серьезным давлением. Чистая плюрархия означает, что становится невозможно сформулировать условия для существования системы на основе законов. И разница между тем, что легально, а что криминально, перестает существовать. Это ведет к созданию общества, о котором практически нельзя составить целостное суждение, в котором все важные политические решения принимаются внутри закрытых, 'эксклюзивных', групп, куда нет доступа постороннему. Уже при позднем капитализме юридическая система и национальные банки Европы и Северной Америки ушли со сцены демократии и превратились в ведомые экспертами институты, подчиненные властителям нового типа: гуру юриспруденции и пророкам в области экономики. Политические решения более не принимаются посредством выборов, ни в парламенте, ни даже через интернет-референдум, но исключительно членами закрытых сетей, которые, как и члены средневековых гильдий, выбираются из среды себе подобных по уровню влияния. Нетократические принципы приходят на смену этатизму. Проверки на прочность заменяют идеологии. Новый правящий класс, за чьим рождением мы наблюдаем, более не заинтересован в демократии, кроме как разве что в форме ностальгической диковинки. Идеологический аппарат нетократии сейчас больше озабочен тем, как сделать, чтобы все происходящие перемены выглядели 'естественными'.

ГЛАВА IV. ИНФОРМАЦИЯ, ПРОПАГАНДА И ИНДУСТРИЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Вначале было не слово. Слово появилось позднее и в течение длительного времени его значения отличались от тех, которые мы используем сегодня. Латинское слово *informatio* имеет два значения. Первое: изображение или обозначение, второе — объяснение, интерпретация. Так что термин имеет отношение к интеллекту и нашему концептуальному аппарату. Когда Цицерон использует глагол *informare*, он обозначает им сложную умственную деятельность: придавать чему-либо форму, наполнять материю жизнью путем наделения ее активным восприятием, одновременно облагораживая её. Форма и материя рассматривались в диалектической противоположности одного другому, но могли обрести единство в акте творения. По формуле Аристотеля, форма + материя = жизнь. Всё это очень интересовало мыслителей прошлого, но едва ли имело прямое отношение к экономике или обществу в целом и вряд ли могло касаться простых людей. Английское существительное *information* появилось в Средние века, но еще много столетий не привлекало широкого внимания.

Незаметно произошло изменение смысла слова, что, впрочем, не означало, что оно стало более употребительным или значимым, скорее наоборот. В первой половине XX века, когда капитализм был в самом расцвете, под информацией понималось нечто, что мы искали в справочниках или библиотечных каталогах, то есть более или менее интересные факты и подробности о том, о сём. Это могли быть цифры, имена, адреса, даты и т. п. Информация была на попечении рядовых служащих или заштатных отделов больших компаний. Не существовало еще понятий 'информационная теория' или 'информационные технологии', да и карьера в области информационного менеджмента не была чем-то, чем можно похвастаться.

С тех пор смысл слова и его статус невероятным образом изменились. Информация, ранее рассматривавшаяся как скучный, но необходимый для функционирования экономики предмет, теперь едва ли не основной продукт этой самой экономики. Но это еще не все. Теория информации обосновалась в виде интеллектуальной мета-структуры, фундаментальные идеи которой глубоко проникли в самое основание всех важнейших наук и в большой степени определяют взгляд на мир, формирующийся в рамках новой парадигмы. Технологическая информация сегодня рассматривается как самая суть общества, подобно тому, как генетическая информация является ключом к биологии. Экономика вращается вокруг информации. Да и жизнь в целом есть гигантский, бесконечно сложный и совершенный процесс обработки информации, которая хранится внутри нас и передается от одного к другому хрупкому индивиду.

Смещение значения слова информация началось в США в 1950-е годы в связи с новым витком развития, вызванным появлением первых компьютеров. Математик Норберт Винер тогда предсказывал вторую индустриальную революцию, которую осуществляют 'думающие' машины, способные подобно человеку накапливать опыт и извлекать уроки из прошлого. Главная идея здесь — обратная связь: машина воспринимает результаты своей работы как еще один вид данных и делает необходимое сама. Винер рассматривал обратную связь, и 'умную' обработку информации в качестве фундаментальной сердцевины жизни вообще. Эти идеи, вкуче с растущими возможностями компьютеров, оказали существенное влияние на научный мир и позднее — на самые широкие слои населения. Они привели к появлению новой сферы научных исследований на стыке математики, лингвистики, электроники и философии, известной ныне как искусственный интеллект.

Математическая теория информации оформила окончательную трансформацию термина, который теперь означает количественную сторону коммуникативного обмена. Раньше информация сама по себе не являлась гарантией качества — она могла быть несущественной или не имеющей отношения к делу, но теперь это слово больше не указывает на то, является ли информация бессмыслицей или вымыслом. Информация — это то, что может быть переведено в Цифровой код и передано от источника к получателю с помощью средства связи. С точки зрения теории информации, нет разницы между научной формулой, колыбельной песенкой и набором лживых предвыборных обещаний.

В том, что науки часто приписывают специальные значения общеупотребительным словам, нет ничего нового; это происходит, например, в физике, также, как и в психологии, но обычно это не имеет существенного влияния на общее значение слов, поскольку среда, в которой эти термины используются, является исключительно научной. Другое дело с информацией, поскольку именно с этим словом мы нынче связываем собственно изменение парадигмы. Сама информация все более становится товаром. Тот факт, что теория информации имела такой успех и нашла целый ряд эффективных и прибыльных применений, знаменует собой проникновение этого понятия во многие сферы жизни, будь то журналистика, общественные объединения и т.д. Теория информации и экономика заинтересованы в информации в больших количествах. И чем больше, тем лучше.

Это означает, в фокусе внимания оказалась технология сама по себе, способность хранить и передавать информацию, в то время как её содержание вызывает относительно небольшой интерес. Такова природа зверя: каждый, кто занимается теорией информации, в первую очередь озабочен процессом обмена информацией и потому упускает возможность познакомиться с ее содержанием, которое к тому же с трудом поддается измерению и подведению под какую-то теорию. Такое происходит, когда этот взгляд на вещи становится преобладающим, и начинает казаться, что технологические усовершенствования имеют потенциал для разрешения всех общественных и культурных конфликтов нашего времени. Решение проблемы — в сбрасывании на нее информации. И именно это представление является предметом слепой веры экзальтированных энтузиастов-вожачков нового правящего класса.

Эта заикленность на технологии, то есть на средствах связи, по-своему совершенно понятна. Как выразился Маршалл МакЛюен, 'посредник и есть послание'(The medium is the message.). Изменения информационного менеджмента и развитие коммуникационных технологий являются главными причинами социального и культурного прогресса. Без усвоения этого нельзя понять развитие общества. Но информация и знание — не одно и то же. И по мере того, как информация становится ключевым товаром новой экономики, а мир тонет в океане хаотических информационных сигналов, все большую ценность приобретает существенное и эксклюзивное знание. И в отличие от невежественных энтузиастов капитализма, нарождающаяся нетократия прекрасно это осознает.

Компьютерные сети, как и любая доминирующая технология своего времени, порождают своих победителей и проигравших. Успех победителей базируется, как выразился наставник МакЛюена и пионер современных исследований в области коммуникаций Гарольд Иннис, на монополии на знание. Те, кто контролирует новые технологии и их применение, быстро накапливают значительную власть, что немедленно приводит к консолидации этой вновь сформированной группы и мощному импульсу к защите ею своих интересов. По понятным причинам трудно ожидать, что у этой группы появится большое желание сделать свое эксклюзивное знание широко доступным, поскольку это обесценит и ее власть, и привилегии. Одним из способов, с помощью которых победители манипулируют общественным сознанием, являются их заявления, что никаких победителей и проигравших на самом деле не существует, а блага, которые несет новая технология, будут равномерно и справедливо распределены между всеми. Тут-то и пригодятся все эти ораторы-энтузиасты, которые в большинстве своем, сами того не подозревая, являются проигравшими.

Идея Винера о том, что управление информацией есть величайшее таинство и суть жизни, получило наилучшее из возможных подтверждений в 1953 году, когда биологи Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик 'взломали' генетический код и научились 'читать' спиралеобразный текст молекулы ДНК. Новая биология полностью приняла воззрения и терминологию теории информации, невозможно представить существования биологии без прорыва к новой информационно-технологической парадигме. Мы знаем теперь, что синтез протеина есть исключительно показательный пример передачи информации, а молекула ДНК — не что иное, как совершенный мини-компьютер.

Сотрудничество двух научных дисциплин имело положительные следствия: рост их влияния в научном мире и повышение их статуса в глазах общественности. Выгоды были взаимными. Биология, марширующая в светлое будущее, оплатила свои долги теории информации с процентами, наделив ее некой мистической, почти божественной аурой —

отражением сокровенных тайн бытия. В результате метафизика новой парадигмы стала приобретать более четкие очертания: прежний механический мир, открытый Ньютоном, созданный и более или менее регулярно обслуживаемый часовщиком Богом, теперь уступил место миру цифровой информации, созданному виртуальным программистом.

Благодаря этому информация, в новом смысле, в мире с поп-культурным восприятием стала наделяться почти магическими свойствами. И это, конечно, сыграло на руку и было потому многократно усилено победителями в условиях новой парадигмы и новой экономики. Однако изменение роли информации происходило в течение длительного времени. С появлением самых первых электронных средств связи, таких как телеграф, информация становится предметом потребления, производимого в небольших «упаковках», которые можно «посылать» через большие расстояния в режиме реального времени. Возможности обмена информацией на больших расстояниях с мгновенной скоростью обрели экономические и/или военные преимущества. Это сделало новую технологию весьма привлекательной. И все же не будем забывать слова МакЛюена: 'посредник и есть послание'.

Скорость и способность преодолевать расстояния ускорили материализацию информации. Телеграф произвел революцию в передаче информации на большие расстояния, и как следствие все большее и большее внимание стало уделяться собственно скорости и объему передаваемой информации, в то время как её другие аспекты — её трактовка, контекст и осмысление — оказались на втором плане. Объем быстро переданной информации стал рассматриваться как нечто ценное само по себе, независимо от содержания и целей.

Тот факт, что технология решает одну проблему, не означает, что все так или иначе связанные с первой проблемы исчезают или становятся менее насущными. Умение транспортировать информацию на большие расстояния не означает, что люди знают, как ее толковать и понимать в соответствующем контексте. Когда солнце новой парадигмы встает над горизонтом, некоторые вещи все еще остаются в тени. Каждая решенная с помощью технологии проблема порождает новую. Мы привыкли рассматривать прогресс как движение, но за движение всегда надо платить. Электронная информация становится не более чем еще одним изолированным феноменом, как крик человека, нуждающегося в резонансе, во все более фрагментарном мире.

Наибольший интерес, возможно, справедливо, вызывает революционный способ, которым люди стали обмениваться информацией, находясь на разных концах страны, не задаваясь вопросом, есть ли что сообщить реципиенту. Материализация и дробление информации усиливается, когда она все больше передается визуальным способом. Слова обычно требуют определенного грамматического контекста, если вообще что-нибудь значат, образы же, предполагается, говорят сами за себя. Фотография исчерпывающе выражает застывший момент бытия; в мире фотографии все открыто для обозрения. Настоящее возникает со светом вспышки, прошлое отступает в тень, контекст растворен в легкой дымке. Ценность информации велика, но содержание решительно неясно.

Когда такая модная наука, как теория информации, представляет её только в количественном аспекте, а экономика в основном базируется на огромных объемах данных, возникает плодородная почва для возникновения культа информации. Нетократия отвечает за подбор священнослужителей. Технология рассматривает решение всех проблем в аспекте производства и распределения максимально возможного объема информации. Информацию 'бросают' на ту или иную проблему. Все убеждены, что механическая манипуляция информацией — гарантия объективности и беспристрастного суждения -прямо как раньше фотоаппарат и фотография. Субъективность -синоним неопределенности, ненужных сложностей и пристрастий. Она отмечает отклонение от прямой линии и потому есть еретическая антитеза технологии. В духе культа информации гарантией свободы, творчества и вечного блаженства может быть лишь неослабевающий и иступленный информационный поток.

Нельзя сказать, что информация сегодня редкий товар. Трудно всерьез полагать, что ряд насущных проблем нашего времени — личных, общественных, политических — происходят из-за недостатка информации. Ее свободный и все увеличивающийся поток, как отмечали Нил Постман и другие, решал проблемы XIX столетия. Сегодня мы нуждаемся не столько в

информации, сколько в ее смысловом и контекстном наполнении. Этот всепоглощающий информационный поток не структурирован и не сортирован: если мы хотим, чтобы он стал источником знаний, а не заблуждений, его необходимо просеять, отсортировать и осмыслить в соответствии с современными представлениями о мире.

Плюрализм и разнообразие являются величайшей честью новой парадигмы, путеводной звездой культа информации. Но эта множественность и плюрализм внутренне противоречивы. Как мы должны выбирать? Как мы отличим полезную информацию от ерунды и вводящей в заблуждение пропаганды? Во времена диктатуры аппарат власти перекрывает поток информации с помощью цензуры, таким образом, делая себя недоступным. Но заполнив все каналы потоками бессвязной информации, властная элита демократии — прекрасно организованные лоббистские группы и влиятельные медиа-конгломераты — может эффективно добиваться того же результата. Каковы бы ни были факты, тут же появляются факты, их опровергающие. Любой научный отчет, представляющий тревожные данные, тут же опровергается другим, более обнадеживающим. И так далее. В конечном итоге, все это возвращается к обычному бизнесу. Это выглядит как жизнеспособная демократия, но это не более чем спектакль для масс. Так что этот поток информации вовсе не является непредсказуемым явлением, и, ни в коем случае, случайным выигрышем в лотерею, выпавшим на долю граждан и потребителей. В действительности, это сознательная стратегия по поддержанию контроля над обществом. Заинтересованные властные группы сливают на нас сбивающую с толку информацию для обеспечения секретности определенного существенного знания.

Переизбыток информации и недостаток контекста тесно связаны, являются двумя сторонами одной медали. Наравне с другими вспомогательными факторами — растущей урбанизацией, разрушением нуклеарной семьи, упадком традиционных институтов — такое состояние постоянной незащищенности создает ценностный вакуум, который с готовностью заполняется всевозможными экспертами, до зубов вооруженными даже еще большим количеством информации. Брак, воспитание детей, трудовые навыки — всё это сегодня подвергнуто сомнению. Эксперты постоянно издают все новые указания. Единственное, в чем мы уверены наверняка и что также питает уверенность экспертов, — это современная наука, которая учит, что любое знание является временным, так что все истины мира рано или поздно должны быть пересмотрены. К примеру, сегодня известно, что Ньютон во многом ошибался, но его модель работала, и только это имело значение. Всегда находится что-то новое. Вместо Истины с большой буквы мы имеем дело с самой последней истиной.

Наука унаследовала задачу религии по обеспечению нашему существованию и истории смысла, Карл Маркс был прав. Единственно реальные объекты веры буржуазной демократии — это экономический рост и научная рациональность. Это значит, что в конечном итоге все наши политические и общественные институты покоятся на заведомо ненадежном наборе ценностей. Все находится в движении. Рациональность должна не только действовать рационально, но все больше выполнять также и функцию иррациональности. Это касается всей доминирующей парламентской идеологии, от правых долевых течений, и всех, кто между ними: все уповают на рациональность. Даже окутанные романтическим ореолом движения по защите окружающей среды обращаются к научной рациональности, когда нападают на науку и ее применения. Как выразился британский писатель и журналист Брайан Эпльярд, 'экологизм — это способ обернуть науку против самой себя'. Мы верим в науку, но во что же именно мы верим, если знаем, что постоянно находимся на пороге новых открытий?

Эксперты — новые священнослужители, наши проводники в вопросах духовности и морали, объясняющие и наставляющие нас по поводу вновь возникающей информации. Статистика — язык этой касты оракулов, а информация представлена в виде науки. Но какое значение имеет, если, к примеру, значительно изменилось соотношение количества рождаемых близнецов и женщин-полицейских? Что в действительности означает то, что у иммигрантов с одного континента интеллект выше, чем у иммигрантов с другого? Что это вообще означает — более высокий интеллект? Народные массы, ограниченные в знании, но зато с избытком информированные, обречены находиться в самом низу социальной структуры, полагаясь исключительно на самые последние истины, в их самой банальной и вульгарной форме.

Многочисленные потоки противоречивой информации несут одно важное послание — не доверяйте вашему опыту и ощущениям, внимайте самой последней истине! Но эта самая последняя истина быстро сменяется самой-самой последней, и просто невозможно вообразить, что какая-то информация, какое-то сочетание новых фактов может сколько-нибудь заметно изменить существующий порядок вещей: отчасти, из практических соображений, поскольку факты настолько ненадежны и сменяются с такой быстротой, отчасти, из чисто теоретических предпосылок, поскольку отсутствует контекст, характерный для общества в целом, который позволил бы определить область применения таких фактов.

Классическая предпосылка демократии — так называемая общественность, составленная из граждан с общими интересами и ответственностью за состояние общества в целом — по сути, никогда не существовала. Вместо этого, под усиливающимся давлением информации, народные массы и наиболее заметно — амбициозный средний класс, так напугавший в свое время правящую элиту XIX века, трансформировались в управляемое и разрозненное множество антагонистических групп, разделенных по интересам. Значит, все эти статистические выкладки, все эти псевдонаучные общественные исследования, другими словами, весь этот поток новой информации, вполне доступный, когда мы прикладываем усилия, чтобы сделать мир чуть более понятным, являются, заимствуя метафорическое описание психоанализа Карла Крауса, 'именно тем психическим заболеванием, для которого являются лекарством'. Или, словами Дэвида Боуи, 'это все равно, что тушить пламя бензином'.

Благородная мысль, основанная на философии эпохи Просвещения: факты говорят сами за себя, и разум неизбежно победит. Привилегии исчезнут, и на Земле восторжествует справедливость. Томас Джефферсон был одним из тех, кто выразительно говорил о 'диффузии информации' как о краеугольном камне своих политических убеждений. Свободная пресса стала воплощением этой добродетели свободы. Ускоренное распространение информации посредством газет не только обеспечило поддержку прогрессивным идеям, но также создало платформу, на которой люди могли проявлять свои врожденные способности к рациональному мышлению, а также реализовывать свое естественное право, принимая участие в общественной жизни.

Сначала так оно все и было. Информация в целом, и газеты, в частности, были эффективным оружием в руках буржуазии, которая перехватывала рычаги управления у устаревшего режима. Но как только власть захватывалась и укреплялась, у новой правящей элиты пропадало желание продолжать эксперимент. Свобода быстро снова становилась дефицитом, и те же самые люди 'с врожденными способностями' и 'естественными правами' вдруг переставали появляться на страницах газет. Если в XVIII столетии газеты и памфлеты, критически настроенные по отношению к власти, еще отражали подлинные революционные взгляды, то в XIX веке пресса стала инструментом самой власти, с помощью которого обществом стали сознательно манипулировать, а общественное мнение фабриковать. Это значит, что считать прессу и информацию оружием все еще правильно. Но также важно следить за тем, чей палец на спусковом крючке этого ружья, и чьи интересы этот человек представляет.

Капиталистическая элита, как и любая другая, стремилась сохранить *status quo*. Первичной задачей её пропаганды стала защита социальных, экономических и политических привилегий в эпоху, когда привилегии вышли из моды, а повышающийся жизненный уровень и качественное образование стимулировали все большее стремление к социальному равенству. Люди у власти с помощью экспертов по связям с общественностью, которые как раз начали появляться на пороге XX века, вполне осознанно стремились обратить повышение жизненного уровня и качества образования в свою пользу, убедив амбициозный средний класс в преимуществах заключения негласного, но тем не менее эффективного пакта. Фокус был в том, чтобы представить любые политические изменения как крайне нежелательные. Смысл послания: читающий газеты средний класс рассматривал перемены как угрозу потери с таким трудом построенной и хорошо налаженной жизни, хаос и народные волнения неизбежны, если отпустить поводья перемен. Фокус удался! Выяснилось, что управлять общественным мнением очень даже можно. Методы PR имели строго научный базис. PR-эксперты считали себя не кем иным, как учеными. Одним из основоположников был француз Густав Ле Бон, который с большой обеспокоенностью предупреждал о вреде, который могут нанести легко управляемые

народные толпы, мало интересующиеся законами и любимыми другими общественными институтами. Другим таким экспертом выступал Габриель Тард, который был более осторожен в выражениях, и вместо слова 'толпа' использовал слово 'общественность' и возлагал большие надежды на воспитание ее с помощью средств массовой информации.

Тард взял на вооружение идею эпохи Просвещения об общественном обсуждении важных вопросов, о 'грандиозной унификации общественного сознания'. Именно он открыл, какая власть и возможности находятся в руках искусных манипуляторов общественным мнением. В современном обществе тщательно сформулированное послание достигает не только тех, кто сам читает газеты, но и тех, с кем читатели газет общаются, то есть практически всех и каждого. По Тарду, газеты создали условия для управляемой общественной дискуссии, в рамках которой можно программировать 'правильное' мнение: 'Одного пера достаточно, чтобы заставить говорить миллион языков'.

Электронные СМИ предоставили даже лучшие возможности, чтобы языки заговорили. Печатное слово требует все же некоторого уровня образования для понимания, тогда как радио можно просто включить и слушать. Это дало пропагандистам всех мастей неслыханные ранее возможности по проникновению буквально в каждый дом. Кино, а за ним и телевидение, позволили общаться напрямую с помощью образов. Для любого, кто потребляет образы, застывшие или в движении, точка зрения и действие определены автором образа. Это приводит к тому, что критик и философ Уолтер Бенджамин называет 'бессознательным зрением', возможности для камеры обойти стороной того цензора у нас в голове, который вступает в дело, когда мы воспринимаем послание через абстракцию слов. То есть, это канал прямого доступа в нашу личную 'фабрику грез', где живут невысказанные желания и страхи. И тогда любой, кто не спит, испытает воздействие стимулирующего массажа его иррационального внутреннего 'я'.

Театрализованное представление демократии нуждалось в крепкой направляющей руке, чтобы не сойти с рельсов: в этом и состояла бизнес-идея и источник доходов развивающейся PR-индустрии. Исторические факторы — благосостояние и образование — сделали необходимым для правящей и, естественно, ответственной элиты создание стандартного набора инструментов власти на все случаи жизни. Общественное мнение, как декоративный кустарник, постоянно требовало ухода и подстригания: ни одна ветка не должна была вырасти слишком длинной. Ведь народ так легко увлечь всякими бредовыми идеями! Лекарством от этого и была информация, но она должна быть под надзором экспертов СМИ и социальных психологов. С помощью точных наук стала возможной, по крайней мере, теоретически, тонкая настройка интеллектуальной и эмоциональной жизни масс. Так появилось искусство инжиниринга согласия.

Когда буржуазия перехватила рычаги управления у аристократии, при предыдущей смене парадигмы, информация была, как мы увидели, ценным оружием борьбы за власть, и позднее, когда задача изменилась в сторону удержания власти — стала эффективным инструментом контроля. Но теперь, в переходный период очередной смены парадигмы, когда нетократия начинает вступать в свои права, информация выступает в виде постоянно присутствующей дымовой завесы, сквозь которую очень трудно рассмотреть, что же на самом деле происходит на поле боя. Уже невозможно достичь чего-либо творческого с помощью информации; единственное следствие продолжающегося и бесконтрольного потока информации — это Увеличение ментального загрязнения общества. Наиболее характерным свойством таких больших объемов информации, собственно, является сам этот объем. И именно за этими многочисленными изоляционными слоями и звуконепроходимыми переборками происходит то важное, что на самом деле происходит.

Эксперты по PR рано поняли это. Но эти квалифицированные кадры не задействованы, поэтому пользуясь такими простыми методами, как изучение общественного мнения, они воссоздают саму реальность. Сегодня мы живем в мире, в котором каждая секунда внимания каждого отдельного человека является предметом самого жгучего интереса со стороны PR-экспертов. Жизнь стилизована и упакована. Вместо высказывания мнения по поводу реально происходящих событий PR-эксперты создают сами поводы для новостей. Они не выражают никакой позиции по поводу событий, но обеспечивают условия, чтобы реальность

была представлена в новостях так, чтобы общественное мнение уже было окрашено в соответствующие цвета. Безусловно, ленивые журналисты могут просто воспользоваться готовым текстом от PR-компании и поставить под ним свое имя, важно само представление события.

Эта деятельность разворачивается в масштабах, которые население не может себе и представить. Один значимый пример, приведенный социологом Стюартом Ивеном, говорит о фундаментальном и своевременном программировании общественного мнения американцев по отношению к возможной наступательной операции против Ирака в начале 1990-х годов. Одно из расследований Конгресса, привлечение внимания прессы, касалось судьбы пятнадцатилетней кувейтской девочки-добровольца в одном из госпиталей, которая засвидетельствовала, что после оккупации Кувейта иракские солдаты ворвались в госпиталь, выкинули недоношенных детей из инкубаторов и оставили их умирать прямо на холодном полу госпитального коридора. Этот варварский поступок потряс общественность. Никто не обратил внимания, что имя девочки так и не было названо, из соображений её безопасности. И только впоследствии, когда война давным-давно была окончена, выяснилось, что девочку звали Наира Аль-Сабах, и была она дочерью кувейтского посла в США и ни при каких условиях не могла видеть то, о чем свидетельствовала Конгрессу. Выяснилось также, что её появление в комиссии Конгресса было устроено неким Гари Химелом, вице-директором компании Hill amp; Knowlton, одной из крупнейших PR-компаний мира, в числе богатых клиентов которой была также и королевская семья Кувейта. Показания этой девочки были частью сознательной и успешной стратегии и одним из множества искусственно созданных медиа-событий, и все с целью направить американский гнев на Багдад.

Больные и слабые дети, вынутые из инкубаторов и умирающие на холодном полу: необходимы сильные эффекты, чтобы привлечь внимание и вызвать соответствующие эмоции. Хоть какие-нибудь эмоции вообще! Когда доступ к информации превышает спрос на нее. Но когда дело касается внимания потребителей, то здесь, по понятным причинам, соотношение обратное. Потребность производителей информации в зрительском внимании значительно превышает ее предложение. Внимания — на острых ушей и жаждущих глаз — вот чего, действительно, не хватает в новой экономике. И связано это, прежде всего, с ростом благосостояния и уровнем образования населения. Социологи нескольких стран выяснили, что существует отчетливая связь между этими величинами, с одной стороны, и всеобщим ощущением нехватки времени, с другой. При этом времени у нас ровно столько, сколько было у предшествующих поколений или у любых других народов планеты. Но разнообразие и широта имеющихся у нас возможностей по проведению досуга значительно больше, чем когда бы то ни было. Нам хотелось бы иметь время на возможно большее количество вещей в единицу доступного времени.

Наше терпение относительно медлительности почти исчерпано. Мы связываем с медлительностью все старое и боимся всего старого как чумы. Дети и подростки инстинктивно избегают черно-белых фильмов, когда переключают пульт с канала на канал, поскольку черно-белые фильмы у них ассоциируются с медлительностью. Все, что требует ожидания, мы рассматриваем как потерянное время. Каждый, кто стремится шагнуть в ногу со временем, подразумевает под этим возможность получить как можно больше опыта и впечатлений в минимально возможный промежуток времени. Сильные впечатления дают ощущение значительного опыта или развлечения. Эффект Развлечения есть та сахарная глазурь, которая делает торт более аппетитным по сравнению с другими. Мы убеждены, что жизнь коротка, и наша задача — наполнить ее как можно более разнообразными впечатлениями и событиями. Теперь победитель не тот, кто ближе всего к трону короля (как при феодализме), и не тот, у кого после смерти осталось больше всего денег (как при капитализме), а человек переживший наибольшее число и самые экстремальные приключения.

Развлечение — вот чем сегодня стремится стать информация-магнит, притягивающий внимание сильнее всего остального, наиболее значительная движущая сила экономики. Развитие приближается к точке, в которой каждая отрасль экономики будет все больше и больше напоминать индустрию развлечений. Процесс похода по магазинам уже в значительной степени превратился в развлечение сам по себе не говоря уже о том, что целый ряд товаров для

развлечения продается на автозаправочных станциях или сдается в прокат в библиотеках. Элемент развлечения повышает у потребителя ощущение законченности процесса и потому является одним из решающих факторов, например, при выборе названия товаров. Именно этот 'встроенный' элемент развлечения делает один товар более предпочтительным по сравнению с другим и, как реактивный двигатель, ускоряет оборот товаров на полках реальных и виртуальных магазинов.

Вещи должны приносить радость во все времена. Если людям наскучит, они немедленно пойдут в другое место и купят что-то другое. Лас Вегас — не только часть света, демонстрирующая наибольший рост, но и устанавливающая стандарты интеллектуального климата. Звезды академического мира устраивают огромные шоу для своей аудитории. Что уж говорить о политиках и бизнесменах, чья развлекательная роль в СМИ является одной из важнейших задач. Все говорите пользу того, что мы сейчас находимся в начальной стадии процесса, при котором, как ни парадоксально, информация начинает терять свой престиж в массовом сознании. Она стала доступной настолько, что представляет собой серьезнейшую логистическую и экологическую проблему. Когда вы осуществляете поиск в интернете и получаете в ответ миллион ссылок, что вам делать со всей этой информацией? Недалек тот день, когда поборники информации поймут, что их одурачили. Что наиболее желательно, того и труднее всего достичь: это понимание, контекст, знание. Вот где находится власть.

ГЛАВА V. КУРАТОРЫ, НЕКСИАЛИСТЫ И ЭТЕРНАЛИСТЫ. НЕТОКРАТЫ И ИХ ВЗГЛЯД НА МИР

В результате перехода от капитализма к информационному обществу власть покидает салоны буржуазии и перемещается в виртуальный мир, где наготове руки новой элиты — нетократии. Кто же такие нетократы, и чем они отличаются от своих предшественников -буржуа? Откуда они происходят и в чем их отличительные характеристики? В чем состоят их амбиции и интересы, каковы стратегия и ценности? Каков их взгляд на самих себя и свою социальную идентичность? И, наконец, какова структура этой элиты — каковы внутренние взаимосвязи и иерархия? Чтобы серьезно подойти к этим вопросам, прежде необходимо освоить способ мышления и обстоятельства, которые формируют основу развития этого нового правящего класса. Для этого поместим его и его ценности в исторический контекст.

Начиная с самых ранних философских течений, западная мысль разделялась на два основных направления. Мы решили называть их мобилистическая и тоталистическая традиции, прекрасно понимая все возможные возражения против такого деления. Например, философия Гераклита (мобилиста, по нашей классификации) вдохновила тоталиста Платона, ученика тоталиста Сократа, на его фундаментальную концепцию мира идей. Тем не менее, из педагогических соображений, сфокусируемся на различиях между этими направлениями, а не на их сходстве.

Тоталистическая традиция характеризуется созданием великой системы: желанием выявить единственную теорию для всеобъемлющего объяснения жизни и истории. В китайской мысли эквивалентом этого мировоззрения является конфуцианство. Сократ, Платон и Аристотель были центральными фигурами тоталистической традиции, которая доминировала в Западном мире, их идеи были развиты создателями великих систем от Декарта и Канта до Гегеля и утописта Маркса. Христианское учение, вкупе с политической идеологией капитализма, также принадлежали к этой группе. Церковь и государство, в том виде, в котором они получили развитие в нашей цивилизации, следует считать тоталистическими институтами.

Тоталистическая мысль базируется на понятии неделимого субъекта. Философские правила аксиоматичны и воспринимаются как данность. Понятие его — основной строительный блок этой системы. Подразумевается, что все мироздание вращается вокруг его, подобно тому, как Луна вращается вокруг Земли. Мышление автономно и пытается осветить и рассмотреть существование, исходя из фундаментальной предпосылки. Так что наблюдение идет от его по направлению к окружающему миру. Тоталистическую философию интересует взаимосвязь между душой и телом (= его и миром), поэтому она в основе дуалистическая. Этот

способ мышления связан с гносеологической, этической и политической тематикой. Цель — создание системы, которая служила бы практическим руководством по миру и жизни. Фундаментальные вопросы этой философии вертятся вокруг идентичности человека: кто он есть, и каково его место в мире?

Тоталистический вопрос есть вопрос в поисках ответа. Вопрос — это способ, ответ — это истина, истина есть цель; мир, в котором на все вопросы есть ответы, является совершенным, цельным (от англ. totality), утопией, ставшей манифестом. Платон утверждал, что эта утопия уже существует, и что она даже более реальна, чем воспринимаемая, как нам думается, реальность, хотя на самом деле она лишь бледная имитация гиперреального мира идей. Изначально подлинно существуют идеи, они непостижимы; тогда как вещи, которые мы постигаем, — лишь плохие копии. Христианство также присоединилось к этой концепции, хотя в его случае связь с истинной реальностью более проблематична. Утопия существует, но не здесь и не сейчас. Христианская утопия частью представляет собой потерянный рай, но также и грядущее небесное блаженство: мир до грехопадения, и мир после Судного дня. В этом смысле, когда христианство обращается к будущему, оно одновременно обращается и к прошлому в безотчетном стремлении вернуть то, что уже когда-то существовало.

Для тоталистов последнего времени, в частности политических идеологов, утопия не есть данность, но скорее достижимый и желательный проект. Сами люди постепенно делают эту утопию реальностью, сначала в виде мысли, затем в виде видения, затем в реальности, посредством интенсивной политической деятельности. Поскольку Бог вне поля нашего зрения, люди сами должны преобразоваться в Бога и стать властителями своих судеб, если собираются реализовать свою утопию. Задача тоталистической философии состоит в том, чтобы указать, как этого можно достичь. Всех тоталистов объединяет эта идея утопии, которая либо реализована, либо может быть реализована, либо должна быть реализована. Идея утопии связана с идеей объективной истины, абсолютного мерилла всего того, что происходит на свете. Вопрос не в том, имеет ли жизнь predetermined цель, а в том, в чем она состоит.

Как следствие тоталистическая мысль концентрируется на моральных категориях, таких как добро и зло, черное и белое, высокое и низменное, правильное и неправильное, полезное и бесполезное и т. п. Цель в том, чтобы разместить человеческие мысли и поступки на шкале, крайними точками которой являются эти категории. Задачей философии является определить эти категории раз и навсегда, выводя их из воображаемого идеального состояния, из абсолюта, либо создать в соответствии с непреходящими истинами человеческого сознания. Все это с намерением заложить прочный фундамент под философские категории. Каждый раз, когда нас спрашивают, что мы, действительно, думаем по тому или иному вопросу, нас просят выступить в качестве хороших тоталистов. Два с половиной тысячелетия тоталистического мышления произвели на свет необъятную паутину законов, правил, предрассудков и массовых заблуждений.

Важнейшим аспектом тоталистической философии является то, что мысль сама по себе не имеет ценности. Задача философии является чисто инструментальной: сделать собственное существование ненужным. Когда утопия будет достигнута, потребность в тоталистской философии отпадет, подобно тому, как фонарь становится ненужным, если вы уже выбрались на свет. Но до тех пор философия есть рабочий инструмент, практически применимая отрасль знания в числе многих других, приносящая людям как пользу, так и радость. Единственное, что отличает тоталистические направления друг от друга, это их разные исходные принципы, которые в свою очередь зависят оттого, какой представляется желаемая утопия.

Это означает, что тоталисты глубоко расходятся по ряду центральных вопросов. На этой огромной арене существует масса пространства для идеологических и религиозных войн, чему история может предоставить много печальных примеров. Невероятное богатство различных верований, собранных под тоталистической крышей, может легко привести к заблуждению, что саму мысль необходимо структурировать тоталистическим образом, и другого способа мышления попросту не может быть. Кант и Гегель осознавали эту проблему и боролись с ней. Это впечатление усиливается тем, что тоталистическая мысль доминировала в западной культуре очень долго. Сам язык насквозь пропитан тоталистической традицией, что еще больше затрудняет возможность альтернативного мышления.

Тоталистическая философия просто одержима способностью человека к абстрактному мышлению, и, прежде всего, она очарована человеческой способностью постигать четвертое измерение: время и использовать это для того, чтобы рассматривать мир как ретроспективно, так и с точки зрения будущего. Для тоталиста естественно подчеркивать это осознание времени, столь уникальное для людей, и постоянно отмечать эту свою уникальность в природе. К примеру, 98% наших генов такие же, как и у шимпанзе, но значение имеют именно 2% разницы. Жизнь есть процесс движения в заданном направлении, с известным началом и предсказуемым будущим. Это означает, что настоящее есть нечто второстепенное: гораздо более интересны точка начала в прошлом и конечная точка в будущем.

В этом ключевая ценность тотализма. При антропоцентрическом взгляде на мир все соотносится с человеком и его потребностями: все, что нам интересно в других объектах, событиях или существах — это их похожесть на человека или полезность человеку, который и есть мера всех вещей. Смысл жизни — это сами люди, их чаяния и надежды, и/или спасение отдельного человека. Чем сильнее похожесть или полезность чего-либо для людей, тем выше ценность. Вслед за Декартом, этим первым философом современности, мы можем сформулировать кредо человека: я мыслю, следовательно, существую; и поскольку я думаю, то и решаю; а поскольку я здесь принимаю решения, то я заставляю реальность подчиниться своей воле.

Тоталистическая мысль во всех своих формах строго иерархична. Человека можно определить как существо, которое отказывается быть животным, и которое потому занимает более высокое положение, чем животное. Если люди — это мера всех вещей, то они обладают по-настоящему уникальным статусом. Их характеризует способность к мышлению и формулированию абстрактных идей, и это придает им более высокую ценность. Поскольку только люди обладают этой способностью, то они есть высочайшая ценность мироздания, и все вокруг имеет второстепенный подчиненный характер. Эта логика очевидно циклична. Люди стоят на вершине иерархии, поскольку обладают высшими способностями, которые и делают их людьми.

В этом-то и загвоздка, главная и неразрешимая дилемма тоталистического мышления: каким образом философия, утверждающая predetermined иерархию, в которой люди стоят выше всех остальных видов, удастся избежать вопросов относительно иерархии внутри этих видов, а равно и между людьми? Как философия может объяснить стремление отдельного человека править всеми другими людьми? Может быть, отдельные индивидуумы обладают этими высшими качествами в большей степени, чем все остальные? Как известно, Платон утверждал, что в идеале власть нужно передать философам. Многие другие тоталисты разделяли это мнение. Некоторые люди просто чуть лучше приспособлены для управления скучной толпой. И как только принцип иерархии вступает в действие, количество ее уровней стремится к бесконечности. Наименее приспособленные могут оказаться довольно далеко от вершины.

Тот факт, что тоталистическое учение так долго и так сильно превалировало в западной культуре, объясняется не столько его интеллектуальным превосходством, сколько его позицией чистой власти, фантастически полезной в качестве основы для общественного строительства. И при феодализме, и при капитализме каждая мало-мальски значимая социальная сила или миф встраивались в тоталистическую структуру. Любой человек с утопическим или эсхатологическим видением мог положиться на эту структуру и этим, в свою очередь, повышал ее легитимность.

Динамизм тоталистической мысли сделал её равно пригодной как для защиты существующей системы власти, так и для её критики и свержения. Со ссылкой на тоталистический идеал Бог, царь, государство, демократия и прочие символы власти всегда были под защитой, так же, как революции и прочие проекты по изменению общественного устройства, получали легитимность. Но в наше время механизм вдруг стал заедать. С развитием информационного общества эта тщательно отстроенная и общепризнанная философская платформа стала объектом разрушительных атак сразу с нескольких сторон. Крепления ослабевают, конструкция трещит по швам. Грандиозная тоталистическая модель, основа основ западной общественной системы, шатается.

Переход от феодализма к капитализму был связан со сменой парадигмы как в развитии науки, так и в технологиях. Именно астрономы и ученые, такие как Коперник, Кеплер, Ньютон и Галилей, заложили основы нового взгляда на мир. То, чем были озабочены мыслители раннего капитализма, так называемые философы эпохи Просвещения, было не столько по-настоящему новым мышлением, сколько попыткой подлатать и адаптировать старые и традиционные воззрения к новым наукам и их революционным открытиям относительно природы вещей. Однако стремление установить некую независимую объективную истину и найти центр бытия оставалось актуальным. Не было идеологического пространства, в которое можно было втиснуть новое представление о мире, где отсутствовал центр мироздания. Это привело бы к необходимости отказаться от тоталистической платформы, в то время как перед ней все еще стояли важные задачи.

У буржуазии не было особых проблем с тем новым восприятием реальности, при котором Земля больше не была центром Вселенной. Этот неопровержимый, усиленный эмпирическими доказательствами факт оказался исключительно полезным оружием в борьбе со старой властной структурой — феодальной аристократией. Когда выяснилось, что Земля вращается вокруг Солнца, а никак не наоборот, это означало подкоп под основание пошатнувшейся системы существующей власти. Вся старая конструкция с Богом, царем, Церковью и аристократией отыграла свою роль; игроки могут удалиться за кулисы. Но, с другой стороны, буржуазия не могла себе позволить пройти еще на один шаг вперед в рассуждениях, признав, что новый взгляд на мир также снижает значимость концепции человека, который больше не может быть абсолютной мерой бытия и отправной точкой философии. Такое заключение было неприемлемым, поскольку содержало угрозу жизненным интересам самой буржуазии. Человек есть заместитель Бога на земле, и по этой причине необходимо, в философском смысле, укрепить его уникальное положение на вершине иерархии. Из соображений безопасности философия оказалась спутанной по рукам и ногам и задвинутой на второстепенные роли, будучи рассматриваемая как некое экзотическое отклонение в ряду других гуманитарных наук. Капиталистическая эра стала диктатурой гуманизма.

Трое проницательных и передовых философов нарушили адаптивные правила игры, но их новаторское мышление дорого им обошлось. Голландец Барух Спиноза оказался в буквальном смысле отлучен от своих современников, в том числе и от своей еврейской общины. Его монизм коренным образом противоречил тоталистическому дуализму. Шотландец Дэвид Юм был вынужден отступить и смягчить свои наиболее радикальные убеждения. Лейбниц, первый в ряду великих немецких мыслителей, счел необходимым тщательно закамуфлировать истинно революционные элементы своей теории — что сама суть существования — это скорее движение, а не вещество — за различными усовершенствованиями тоталистической мысли, более понятными и приемлемыми для его современников. В тоталистических исторических книгах Лейбниц гораздо чаще представлен в качестве блестящего математика, 'последнего из великих людей Ренессанса', нежели как предтеча барокко в философии.

Прорыв нового мировоззрения ошеломил своей мощью. Для капиталистической машины власти эмпирицизм естественных наук (то есть применимость математического аппарата к реальному опыту взамен сотрясающих воздух рассуждений о том, как обустроить мир) оказался весьма привлекательным атрибутом. Возможность связать политику с наукой и заимствовать часть ее достоверности была признана потенциально ценной. Это придало бы основательную легитимность политической власти. В долгосрочной перспективе политика и сама могла бы стать наукой. Этот проект завершился в 1800-е, когда национальная экономика, социология и политология были признаны академическими дисциплинами. С этого момента оформился несвященный союз ученых и политиков, в котором люди науки были призваны штамповать вечные истины, соответствующие амбициям буржуазии. Преимущества этого союза были значительны и для самой науки, которой были гарантированы неограниченные ресурсы и изобилие новых интересных задач. Академический мир постепенно заменил старые, вышедшие из моды институты, такие как Церковь и королевский двор, став плодородной почвой для касты политических лидеров. Здоровый банковский баланс (главный буржуазный атрибут) дополнился научными званиями.

Вплоть до конца XVIII века наука была относительно свободна, поскольку ученые имели

возможность посвящать свою деятельность любым вопросам на свое усмотрение, без особых на то ограничений, будь-то перевод Библии на языки народов мира, классификация растений или изучение светил. В дальнейшем, однако, академический мир получал четкие указания от мира политиков и коммерсантов по разрешению великих и престижных проблем капитализма, а именно: всеми силами поддерживать уникальную роль человека в природе и благословлять его царствование на вершине иерархии, как раз там, где раньше был Бог. Вот почему были изобретены так называемые гуманитарные науки. Академический мир стал неотъемлемой частью капиталистической структуры власти. Стартовал новый великий Человеческий проект.

Поскольку капиталистическая система определила себя как сугубо рациональную, то по иронии судьбы отпала нужда в философии, которая указывала бы на то, что является разумным и моральным, или что иррационально и морально недопустимо. Вопросы подобного рода, казалось, удачно разрешались с помощью науки, рынка и демократических институтов. Другими словами, тоталистическая философия сделала себя ненужной. Поскольку тоталистическое мышление имело внутреннюю связь с упраздненной точкой зрения Аристотеля Птолемея — факт, который отказались признать практики, её можно было свести к своего рода терапевтической музейной деятельности. Признание необходимости нового мировоззрения подорвало бы всю Деятельность мыслителей, и немногие были готовы заплатить такую цену. Особенно в обществе, где социальная изоляция означала немедленное препровождение субъекта в одно из величайших учреждений эпохи гуманизма: в психбольницу.

В то же время буржуазия не была готова допускать философской альтернативы тоталистической традиции, поскольку она была основой гуманистической сверхидеологии, священной и неоспоримой. Трагическим следствием этого безвыходного положения стало то, что философия при капитализме оставалась под контролем служителей тотализма, которые, подобно престарелым членам Политбюро, были обречены на медленное и беспомощное вымирание, но не хотели, да и не могли уйти в отставку. Это означало, что сдвиг парадигмы в философии так и не произошел: гуманизм во всех смыслах означал продолжение старой традиции, а отделенная от государства Церковь застряла где-то на полпути между святым Павлом и Аристотелем. Время для всеобъемлющей философской революции еще не настало.

Только теперь, когда всемирная сеть приобретает четкие очертания, а капиталистическая структура начинает рассыпаться как карточный домик, пришло время для широкого пересмотра тотализма.

Нетократическое мировоззрение основывается на идеях, которые не новы и уходит корнями в Древнюю Грецию, но которым не удавалось составить влиятельную альтернативу тоталистическому мышлению, доминировавшему в философии. Мы назвали это альтернативное учение, характеризующее способ мышления и восприятия элиты эпохи информационного общества, мобилистической традицией. Она берет начало от греческого философа Гераклита и до сих пор произрастала в полном забвении, слабо мерцая в тени господствующего тотализма.

Мобилистическая традиция, в первую очередь и прежде всего, характеризуется стремлением к всеобщей открытости. Каждый субъект стремится приспособиться к реалиям окружающего мира, примириться с обстоятельствами существования, с тем, чтобы использовать эту позицию как стартовую площадку для улучшения условий, навязанных судьбой. Другими словами, это полная противоположность тотализму; идея здесь находится вне бытия и вне людей. Его не является данностью. Философское рассуждение движется от мира к субъекту, что характерно для восточной мысли, прежде всего, для таоизма и буддизма (махаяна). Мобилистический вопрос не требует ответа. Напротив, это вопрос, постоянно вызывающий к жизни другой, за которым прячется следующий. Вопрос выражает страстное стремление к свободной и бескомпромиссной мысли, интеллектуальной полноте. Поэтому, ответ — это всегда тупик развития мысли, отвлекающий маневр, удобное пристанище для утешения интеллектуальных трусов. Настоящее — это то, что есть, действительность и является реальной.

Утопия, эта тоталистская мечта во всех своих проявлениях, стала главной мишенью мобилистов. Утопия считается явным инструментом власти, требующим от человека полного

подчинения и ограничивающим его в свободном мышлении и полнокровной жизни в настоящем. В обмен на его свободу в более или менее отдаленном будущем человеку обещана награда. Он обменивает свою свободу на прогресс и надежду на участие в грядущей утопии. Дорога к ней размечена 'объективными истинами' тотализма, аксиомами, которые приверженцы мобилизма оспаривают и считают самыми любимыми ловушками власти: его, бытие, дуализм, иерархия, законы, вина, страх, жертвенность, память, реванш, симпатия, прогресс и т. п. Все эти 'истины' сходятся вместе в той точке, где находится награда, награда за добровольное рабство и страдание, на которое человек себя обрекает либо потому что его одурачили, либо потому что он позволил, чтобы его одурачили, либо хотел, чтобы его одурачили. Конкретный пример этого различия, когда капиталисты гордо пренебрегают настоящим и отодвигают удовлетворение своих потребностей далеко в туманное будущее, в котором эта 'отложенная' жизнь принесет дивиденды и большую ценность.

Мобилистическая философия отвергает все это и взамен, в качестве единственной награды, предлагает воздух свободы и ограниченные, но реальные возможности в настоящем. Первичная задача мобилизма есть задача дворника — очистить мышление от прелых листьев интриг по поводу власти. Цель — вытащить на свет и обезвредить любые попытки оправдать иерархии, которые мы вынуждены строить только лишь для того, чтобы сделать существование более понятным. Такая цель требует от философов так формулировать свою критику власти, чтобы критика стояла вне 'конструктивности', потому что требование 'конструктивности' отражает требование власти к философии быть полезной для власти. Конструктивная критика власти есть её неотъемлемая часть, поскольку критика такого типа одомашнена и безвредна уже к моменту, когда произносится. Задача такой критики сводится к защите власти посредством указания на ее промахи, чтобы усилить ее перед лицом предстоящих атак.

В мобилистической традиции, мысль ценна сама по себе. Потому мобилистическая критика не склонна вступать с властью в диалог, она не устраивает торг, а обнажает установившиеся 'истины', 'прогресс' и 'вознаграждения', лишая их иллюзорного блеска. Таким образом эти истины показываются как утратившие связь со временем. Требование свободы распространяется и на отношение философов к собственной философии: мысль должна быть совершенно свободна! Как только философы предъявляют право собственности на свои идеи, они немедленно олицетворяют себя с властью, которую критикуют. Это, естественно, проблематично, потому что означает, что мыслитель-мобилист не может нести ответственность за реальные и практические последствия своих идей. Здесь таится колоссальный риск, но и столь же колоссальные возможности, которые являются неотъемлемой частью философии мобилизма. Никогда нельзя сказать заранее, чем все это закончится!

Забавно, что мыслители-мобилисты во все времена могли рассчитывать на восхищение коллег-тоталистов, порой в самой непредсказуемой форме. Один из примеров — разоблачительная теория Макиавелли о стратегиях борьбы за власть на самом высоком уровне, которая была высоко оценена и использована в качестве инструкции по применению как лидерами Европы эпохи Ренессанса, так и лидерами бизнеса позднего капитализма. Другой пример — анти-фашистская философия Ницше, которая, будучи вывернута наизнанку, стала идеологическим оружием нацизма в Германии 1930-х годов. Так, часто наибольшими ценителями мобилистов являются их злейшие враги. Подражание, как известно — самая искренняя форма лести, но зачастую подражатели упускают или не понимают самую суть того, что имитируют. Тоталисты везде ищут выгоду, в том числе и для самих себя, и настаивают на логической строгости. Мысль должна удерживаться в рамках языка. Вот почему мобилистическая философия парадоксов — беспристрастное самодостаточное мышление — для тоталистов непостижима.

Мобилистические идеи могут использоваться циниками, да и сами философы мобилизма иногда представляются в самом непристойном и даже смешном свете. Это цена за отказ присоединиться к танцу вокруг тоталистических истин. Но с появлением информационного общества предпосылки развития мысли драматически меняются. Это не означает, что информационное общество есть более превосходная и 'продвинутая' парадигма сравнительно с предшествующими. Рассуждать подобным образом означает по-прежнему следовать устаревшим тоталистским убеждениям. Наоборот, во многих важных отношениях

информационное общество потребует от своих граждан большей честности. В интеллектуальном смысле эта эпоха будет значительно более беспощадной, чем все предыдущие. Честность и брутальность — это центральные понятия для понимания нетократии и её ценностей. Мобилизм уже предлагает эти качества и потому отрицает — в стиле меметического дарвинизма — тотализм, который вот-вот совсем рухнет под грузом дискредитировавших себя аксиом. Так что можно утверждать, что по иронии мобилизм ближе к тому, чтобы самому стать той самой 'врожденной истиной', существование которой он так рьяно отрицает.

При переходе от капитализма к информационному обществу происходит радикальный пересмотр представление о человеке и его мировоззрении. Изменившиеся обстоятельства требуют нового мышления, но это новое мышление не так и ново. То, что прежде игнорировалось, изолировалось и искажалось, теперь в самом центре внимания. Если рассматривать развитие с позиций биологической эволюции, социально-экономические изменения оказались благоприятными для мутации мышления, до того влачившего жалкое существование. Голоса с периферии становятся все слышнее и слышнее. Еще со времен победы христианства над митраизмом в борьбе за то, какая система верований заменит древнюю мифологию в качестве государственной религии Римской империи, мобилистическая традиция пребывала на задворках западной философской мысли. Вольнодумцы вроде Лукреция, Спинозы, Макиавелли и Юма признавали несовершенство тотализма и атаковали его в пределах, которые считали приемлемыми. Но только в начале XIX века, с появлением Фридриха Ницше, мобилизм всерьез заявил о себе на философской арене. Иммануил Кант распахнул эту дверь, но именно Ницше сделал первый шаг в новый мир.

Ницше отверг традиционные тоталистические вопросы о смысле всего сущего и о морали, в её философском понимании, и вместо этого прямо обратился к более сложным вопросам мобилизма о том, 'кто говорил то, что было сказано, и почему'. При помощи своего *amor fati* — любви к судьбе — он проделал бреши в понимании, правившем в философии со времен Декарта. Он подверг разрушительной критике великий тоталистский проект, все его стремление к цельности бытия в философии, политике, науке и искусстве, все его вечные и универсальные истины. Ницше отринул все разговоры по поводу того, что бытие имеет скрытый внутренний смысл или объективную цель. Он заявил, что существование есть процесс столкновения бесчисленного множества конфликтующих сил. Практически бессмысленно рассуждать о каком-либо статическом состоянии нашего бытия, есть лишь непрерывный процесс становления. Существование не есть что-то само по себе, оно становится чем-либо в процессе изменчивого взаимодействия конфликтующих сил.

По Ницше, все разговоры по поводу морали имеют целью предоставить правителям инструмент контроля над массами, а массам дать возможность контролировать личность. Поэтому он подверг критике весь тоталистский проект Просвещения. Ницше заявил, что Просвещение отнюдь не ставило своей целью создание лучшего, более открытого мира для людей, а скорее имело намерением заключить людей в рамки замкнутой системы, в которой ориентиром стало понятие нормальности, а недовольство и конформизм — ключевыми характеристиками. Двумя главными целями его нападок были, прежде всего, паулианское христианство и то, что он считал его позднейшим наследником — гуманизм. Ницше рассматривал эти силы как реактивные, а, следовательно, заслуживающие всяческого порицания. Вместо гуманизма он отстаивал свой собственный идеал — сверхчеловека, чьи действия активны и позитивны. Он поместил жизнь и все ее многообразие над всем остальным. Порыв свободного, ничем не сдерживаемого акта созидания в процессе жизни он назвал жаждой власти.

Глубочайший след в философии XX века оставили студенческие волнения 1968 года в Париже. Студенческие массы и активисты компартии сошлись на баррикадах в едином бунте против буржуазного общества. После II мировой войны поколение, осевшее во французских университетах, так же, как и движение хиппи и участники американского движения за мир времен вьетнамской войны, было движимо убеждением, что капиталистическая система обанкротилась и нуждается в одном хорошо нацеленном ударе, который вытаскивает ее из незавидного положения. Это разношерстное движение возглавлялось и вдохновлялось рядом

харизматических фигур, включая марксиста и философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра, чрезвычайно воодушевленного идеями Мао.

Но студенческое восстание было подавлено. Фантазия так и не пришла к власти. Спустя несколько месяцев порядок был восстановлен. Это поражение привело к обстоятельному переосмыслению всех общепринятых истин, взлелеянных французской интеллигенцией. Пролетариат не проявил никакого интереса к вооруженному выступлению, вопреки надеждам воспитанных на Мао студентов и ученых. Предложенная утопия оказалась недостаточно привлекательной. После нескольких оживленных лет интеллектуальная сцена изменилась коренным образом. В начале 1970-х наступил прорыв принципиально нового философского учения, в авангарде которого стояли два ницшеанца, Жиль Делёз и Мишель Фуко. Мобилистическая традиция вновь обрела опору в научном мире и стала распространять свое растущее влияние. Идеи Ницше покорили Францию и быстро расширили границы своей империи.

Фуко, Делёза и их многочисленных последователей называли, в основном их оппоненты-философы, постмодернистами. Этот противоречивый термин возник в связи с тем, что они подвергали критике позднейший проект тотализма — модернизм. В противовес ведущим мыслителям тотализма, Делёз выступил в защиту пионеров традиции мобилизма, от Гераклита, через Спинозу и Юма, к Ницше. Но Делёз также разработал свою собственную концепцию, которая, по признанию многих современников, включая того же Фуко, войдет в историю философии как наиболее значительный вклад, сделанный в XX столетии. Соединив монизм Спинозы с ультраматериализмом Ницше, Делёз произвел фронтальную атаку на тоталистское восприятие его как устойчивого феномена, а равно и на тоталистический дуализм и диалектику.

Как и Ницше, Делёз представлял бытие как постоянный конфликт разнонаправленных сил; их равновесие также динамично, Делёза особенно интересовали различия между этими силами. Из точки, в которой возникает это различие (Делёз назвал её точкой неравномерности), оно продолжает беспрепятственно распространяться, одновременно являясь причиной возникновения новых различий. Так что это вопрос отношения к миру, в котором бытие не может находиться в человеческом сознании, поскольку бытие изменяется и распространяется во всех направлениях со скоростью, превышающей наши способности к осознанию. Следовательно, тоталистские претензии получить законченную картину бытия являются абсурдом. Делёза совершенно не интересует линейное мышление тотализма с его введениями, выводами и заключениями. Его философия сконцентрирована вокруг центральной точки мобилистической оси времени — события и его петли обратной связи.

Не ego производит мысли, скорее уж мысли производят его. Когда мысль меняется, меняется и оно. Не существует такой вещи, как неизменное ego, базовая предпосылка тотализма. Поэтому невозможно утверждать, что человек в качестве суверенного субъекта в состоянии открыть 'истину', изучая окружающую среду. Вместо этого мы вынуждены признать, что человек по большей части конструирует истину, соответствующую его целям и обстоятельствам. Никакая истина не выживает вне обстоятельств, в которых создается и в которых функционирует. Так что тоталистический поиск 'универсальной истины' абсурден. Согласно Делёзу, задача философии значительно скромнее — построить функциональные концепции, которые помогут людям ориентироваться в бытии, поощряя их к тому, чтобы сделать из своих жизней произведения искусства. Новая парадигма требует новых идей (концептов).

Как и Ницше, Делёз превозносит искусство. Философия для него — вид искусства, такой же, как живопись и музыка. Его волнует история возникновения идей, завораживает то, как они собираются в кластеры в определенные исторические периоды для того лишь, чтобы впоследствии рассыпаться. Эти идеи, как физические тела, находятся в постоянном движении. Поэтому Делёз называет свое учение 'номадической философией'. Идеал Делёза, то, что он сам называет 'телом без органов', сложная структура наподобие яйцеклетки, в которой масса различных факторов может взаимодействовать без наличия между ними каких-либо иерархий, чтобы создать целое, которое больше, чем сумма частей. В связи с этим учение Делёза также известно как часть 'естественной философии' мобилизма.

Делёзианский концепт тела без органов имеет нечто общее с дарвиинистскими генами и мемами. Соединив воедино учения Ницше, Дернина и Делёза, мы получим необходимые предпосылки для появления на свет первой из трех центральных фигур нетократической системы: мыслителя, которого мы назовем этерналистом (вслед за ницшевской идеей бесконечного становления, от англ. eternal). С точки зрения этерналиста, все живые создания, все гены и мемы, и все делёзианские кластеры, имеют начальную точку — сингулярность¹. От этой сингулярности феномен распространяется до бесконечности, время от времени давая начало новым сингулярностям и новым сложным системам.

В последние волнующие мгновения капиталистической парадигмы сама Вселенная, после объединения физиков вокруг гипотезы Большого взрыва, преобразовалась в один громадный этерналистский феномен. Теория Большого Взрыва строится на предположении, что Вселенная произошла из сингулярности, из которой она затем распространилась до бесконечности. При этерналистском подходе это предположение распространяется на все существующие силы. А когда несколько таких сил вступают во взаимодействие в рамках делёзианского исторического кластера, в теле без органов, возникает то, что этерналисты назвали бы явлением резонанса или петель обратной связи. Такие на короткий срок расцветающиеся кластеры и резонансы образуют узловые точки цивилизации. При таком подходе каждый отдельный индивидуум, субъект есть феномен резонанса, а не устойчивое ego.

Когда сингулярности, возникшие друг из друга, оказываются в ограниченном пространстве, они рано или поздно встречаются. Модели, которые при этом возникают, с точностью повторяют характер контактов при развитии сети. Вот в чем этерналистское учение совпадает принципами нетократического общества. Мир представляется как единая всеобъемлющая органическая сеть, в которой кластеры генов и мемов составляют её узлы. И если этерналисты — это толкователи этой реальности, то участники, находящиеся в её узлах, есть еще одна категория нетократов — нексиалисты (от латинского nexus, связанные вместе). Связь между ними осуществляется с помощью представителей третьей, самой могущественной из нетократических категорий — кураторов. Кураторы указывают нексиалистам путь, в то время как их общий взгляд на мир формируется философами нетократического общества — этерналистами-аналитиками. На взаимодействии этих трех ролей и построено нетократическое общество. Если сравнить эту структуру с капиталистической иерархией, можно заметить, что кураторы занимают место политиков, нексиалисты приходят на смену предпринимателям, а этерналисты заменяют ученых.

Делёз стал верховным философом мобилизма, а Фуко, соответственно, его величайшим историком, или, если угодно, археологом знания, как он сам себя предпочитает называть. По Фуко, ничто в обществе не является 'естественным', само это слово уже есть выражением амбиций тотализма в его стремлении исключить нежелательные коллизии, объявив их 'неестественными'. Так что главной целью общественного конфликта становится право давать определения. Фуко работает от имени маргинальных групп капиталистического общества: изгоев всех мастей с их потребностями и желаниями, отверженных, как он их называет. По уверению Фуко, основной задачей философа является усмирение власти, освобождение людей из рабства утопий. Цель — дать слабым людям возможность самовыражения.

Вместо демократии, при которой большинство навязывает свою точку зрения меньшинству, Фуко выступает за плюрократию, общество, в котором каждый принимает решения за себя, но не имеет права принимать решения за других. Фуко не предвидел, что плюрократия будет в значительной степени реализована с помощью технологических инноваций информационного общества при переходе от демократии к плюрархии (плюрократия есть вымышленная социальная модель, тогда как плюрархия — это государственное устройство). Делёз и Фуко были очарованы возможностями электронной прессы и интуитивно продемонстрировали понимание изменений и новых возможностей, которые откроются вслед за технологическими изменениями. Их размышления во многих аспектах совпадают с нашим собственным анализом парадигмы информационного общества и могут быть применены каждым, кто надеется-таки разобраться в истоках и сущности как новой элиты — нетократии, так и нового низшего класса — консьюмтариата.

Примером типичной нетократической дилеммы является постоянный выбор между

широким и эксклюзивным доступом к ресурсам. Представим себе двух нетократов, встретившихся на заброшенном острове среди живописных развалин и прекрасных пляжей, но без всякого намека на индустрию туризма. Это типичный пункт назначения для нетократа, превосходное место для того, кто предпочитает туризм в форме эксклюзивного доступа. Когда два нетократа на закате сидят в шезлонгах, потягивая прохладительные напитки, их раздражают сомнения по поводу того, должны ли они сохранить местонахождение этого острова в секрете ото всех, кроме своих ближайших друзей, или, наоборот, настроить здесь гостиниц и аэропорт, сделав его доступным для всех туристов мира, то есть, грубо говоря, инвестировать в него, а затем перепродать с выгодой?

Если они выберут секретность, значит, они выберут стратегию эксклюзивного использования; если же, напротив, предпочтут инвестировать, значит, возобладала стратегия неограниченного доступа. Разница между нетократами и капиталистами в том, что у нетократов всегда есть оба этих варианта. Знание об острове имеет такую большую ценность для нетократа, а прибыль такую невысокую, что эксклюзивность может быть ценнее, чем экономическая выгода. В то время как для капиталиста выбор очевиден. Для него накопление капитала — главная цель жизни, по сравнению с которой все остальные цели второстепенны. Но нетократы не разделяют эти взгляды. Осознавая, что, будучи доступен каждому встречному, их вновь приобретенный рай потеряет для них самих все свое очарование, нетократы предпочтут, благодаря их независимости и отсутствию интереса к капиталу, стратегию эксклюзивного доступа, то есть сберечь тайну для последующего исключительного употребления ими самими и их коллегами-нетократами.

Характеристикой неограниченного потребления является то, что средством платежа является капитал. Это отлично от эксклюзивного потребления, где деньги по большей степени не имеют значения, а важны знание и контакты, принадлежность к группе избранных, владеющих эксклюзивной информацией. Вступление в этот клуб избранных нельзя купить за деньги, так нувориши использовали свои прибыли для приобретения социального статуса. Но членства можно добиться при условии, если ты сам обладаешь неким знанием, контактами или эксклюзивной информацией, которые можешь предложить в качестве средства платежа. Это значит, что старому господствующему классу, буржуазии, и новому низшему классу — консьюмтариату — предлагается только традиционная стратегия неограниченного потребления. Эксклюзивное потребление зарезервировано для нетократии.

Та же динамика формирует саму основу властных структур информационного общества. Общим заблуждением теоретиков в области информации эпохи позднего капитализма является то, что прозрачность сети приведет к большей открытости общества с полностью реализованными принципами демократии на всех уровнях, и у всех участников сети будут равные возможности влияния и один доступ к информации. Но эти идеи следует считать не более чем нетократической пропагандой. Демократическая утопия есть симптом рационалистического мышления и базируется на непонимании того, что внутренняя динамика сетей на микроуровне не может быть автоматически распространена на все общество в целом. Все не так просто. Все, что справедливо для микросетей, необязательно на макросетевом уровне виртуального сообщества.

В информационном обществе также доминируют властные иерархии. Правда, организованы они не так, как прежде — на основе личностей, компаний или организаций, а на основе членства в тех или иных сетях. На нижнем уровне этой пирамиды располагается консьюмтариат, заключенный в сеть неограниченного потребления, членом которой может стать любой желающий. Основная деятельность этой сети — потребление — регулируется свыше. Система подсказывает желания с помощью рекламы и затем выделяет основательные ресурсы, чтобы поддерживать потребление на уровне, устраивающем нетократов. Этот гиперкапитализм превращен в своего рода успокоительное средство: главное — не рост прибылей, а предупреждение беспорядков, направленных против нетократии. Над этой массивной базальной сетью постоянно возникают и обновляются сети меньших размеров, конкурирующие между собой. Они функционируют согласно капиталистическим принципам (подходящая модель — это традиционный гольф-клуб). Доступ получают только те, кто может себе это позволить. На вершине иерархии те, кто обладает возможностями привлекать

внимание, другими словами, те, кто обладает знанием и сетью полезных связей, которые могут быть полезны для данной конкретной сети. Именно здесь, на верху иерархии, мы обнаруживаем правящий класс нетократов.

Так расчетливо сконструирована безжалостная структура сетевой власти, в которой самая эксклюзивная сеть, доступ в которую принадлежит элите нетократии, расположена на её вершине. Ни дворянские титулы (как при феодализме), ни богатство (как при капитализме) здесь не имеют ценности. Решающим фактором, управляющим положением индивидуума в этой иерархии, служит его или её привлекательность для сети, то есть способность абсорбировать, сортировать, оценивать и генерировать внимание к себе и ценной информации. Власть будет все труднее локализовать и еще труднее удержать и увеличить. Подъем вверх по лестнице общественного положения станет еще более затрудненным, чем при капитализме, а неписанные правила игры сложнее и недоступнее, чем когда бы то ни было.

Интерес нетократической власти к секретности и эксклюзивности, в сочетании с убаюкивающимся темпом перемен в обществе, означают, что правила нетократического общества будет невозможно формализовать. Как результат того, что правила сетевого этикета не писаны, а просто подразумеваются, на уровне интуиции, а не сознания, отсутствие правил будет единственным правилом общества, характеризуемого постоянным движением и прерывностью. Законы и правила в их традиционном западном разнообразии отыграли свою роль. Любопытно в данных обстоятельствах то, что нетократия достигает превосходства над капиталистами и консьюмтариатом, используя добродетели мобилистической философии. В сетях самого высокого уровня нет места для хвастовства и самонадеянности. Вместо этого наибольшее признание имеют открытость и щедрость.

Парадоксально, но именно эти способности нетократов мыслить за пределами своего собственного эго, строить целостности на членстве в группе, а не на индивидуализме, по принципу электронных племен более, чем на информационном чванстве, позволяют им контролировать развитие ситуации. Старомодный индивидуализм и приверженность своему 'я' — теперь атрибуты низшего класса. Неспособность выйти за пределы своего 'я' и его желаний означает, что низший класс так и останется низшим. Самовыражение как цель бытия становится формой своеобразной терапии для буржуазии и консьюмтариата, занятых, таким образом, своими личными проблемами и не интересующихся мировым порядком. Каждый, кто продолжает 'верить в себя', есть, по определению, беспомощный неудачник в обществе, в котором правят нетократы. Участие в важнейших сетях не оставляет ни времени, ни возможности прислушиваться к самому себе. Членство в сетях, контур обратной связи и общественный разум — вот основа основ нетократии.

ГЛАВА VI. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ. ГИБЕЛЬ СМИ И РОСТ КОНСЬЮМТАРИАТА

В соответствии с логикой мобилизма, каждая сила имеет свою противоположность; каждое действие встречает определенной силы противодействие. Рассуждая о новом господствующем классе, нетократии, мы предполагаем существование его тени-антитезы -нового поработанного класса, занимающего позицию, при капитализме принадлежавшую пролетариату. Вопрос в том, какие качества будут характеризовать и, следовательно, определять людей, которые окажутся в подчинении у нетократов. Основная характеристика крестьян и промышленных рабочих состояла в том, что они обеспечивали своих хозяев физической силой. Все большая автоматизация технологических процессов существенно снижает роль человеческого фактора в промышленной сфере. 'Физические' работники либо мигрировали в сферу услуг, либо специализируются в наблюдении за чувствительной и сложной аппаратурой, — это рабочие манекены, заимствуя определение философа Жана Бодриера.

Иными словами, низы не состоят из работников, в привычном значении этого слова. Определяющей характеристикой нового низшего класса уже не является его функция сырья или затратной статьи для предприятий правящего класса, поскольку прежде угнетенные становятся потребителями. Суть не в том, что производит низший класс, и производит ли вообще, а в том, что он потребляет, и что даже более важно, потребляет вообще. Пролетариат в

информационном обществе, в первую очередь и прежде всего, предназначен для потребления, по нашей терминологии, становится консьюмтариатом. Его роль в производственных процессах вспомогательная, а процесс потребления продуктов производства регулируется свыше.

При капитализме оплачиваемый труд был основой всей экономической системы. То есть оплачиваемый труд имел жизненно важное идеологическое значение. Производительность была основой успеха. Талантом называлась способность — и измеряемая способность —, производить продукты и услуги, которые можно было продать на рынки. Совокупная экономическая стоимость, производимая наемными работниками, являлась мерилем для подсчета величины всего национального производства, неважно, оседала ли эта стоимость в карманах пролетариата в виде зарплаты, на счетах акционеров в виде прибыли или в госбюджете в форме налогов. Это — единственный аспект человеческой деятельности, серьезно интересовавший буржуазию.

Главной заботой каждого капиталиста было увеличение прибылей, что часто приводило к борьбе с ненужными издержками и к увольнениям как естественному следствию. Но по сути капитализм, и на практике, и в качестве центральной идеологии общества, напротив, стремился к максимальному увеличению числа оплачиваемых рабочих и вовлечению как можно большего числа людей в производственные отношения. Поэтому зачастую государство и рынок ошибочно противопоставляли друг другу, особенно в годы холодной войны, хотя они на деле составляют две отдельные, но, тем не менее, взаимозависимые основы органичной структуры капитализма, неважно, какое название носит конкретная политическая система. Стремления государства к росту объемов производства и стремление капиталистов к росту прибыли слились в едином порыве и привели к образованию семейного союза государства и рынка труда, которому его участники не могут или не хотят препятствовать, симбиозу, настолько крепкому, что никакие внешние или внутренние силы не в состоянии его поколебать. Этот 'несвященный' союз, вынужденное объединение коллективной и индивидуальной воли, направлялся и оправдывался всепоглощающей целью всей капиталистической идеологии: максимальный экономический рост ради самого роста. Разные политические течения в действительности расходились только в представлениях в наилучшем способе достижения этой общей для всех цели.

За этим всеобщим стремлением скрывается философская утопия рационализма: все человеческие потребности будут удовлетворены при условии устойчивого, продолжительного роста. Как только это произойдет, рационалистическая утопия будет осуществлена. При наличии общей и абстрактной цели для всего общества, соединяющей все политические идеологии и экономические силы, никому больше не нужно думать самому. На предполагаемые конфликты эры позднего капитализма между индивидуализмом и коллективизмом лучше смотреть, как на политический театр, потому что между разными политическими программами никогда не было фундаментальных расхождений. К примеру, либеральный индивидуализм никогда не означал высвобождение личности из-под гнета коллективной целостности, а проявлялся лишь в стремлении каждого предпринимателя к более низким налогам ('налоги — это грабёж'), и к большей эффективности внутри государственного аппарата ('государство — ночной сторож'). С другой стороны, то, что капитализм вынуждал отдельные личности жертвовать своей идентичностью в пользу специализации, необходимой для функционирования системы, также никогда не оспаривалось.

Доминирующая роль государства при капитализме проявилась в двух вариантах: европейский, при котором государство является одним из ведущих рыночных игроков, и американский, где большой бизнес осуществлял строгий контроль над политической структурой, используя метод кнута и пряника. В обоих случаях результат был таков, что политический и экономический секторы практически слились: политика стала экономической, а рынок политическим. Политизированная экономика и экономическая политика стали одним и тем же: риторическим ритуалом рационалистической религии. Ни государство, ни рынок не были готовы допустить хоть какую-нибудь форму активности, выходящей за рамки коллективного устройства общества. Показатели экономического роста стали количественной мерой развития цивилизации вообще. В конце концов буржуазия вообразила, что ее цель достигнута: идея общественного устройства как хорошо смазанного, самосовершенствующегося и самовоспроизводящегося производственного механизма.

Проблема в том, что капитализм в действительности не был победителем и уже исчерпал свою историческую роль. Теперь у буржуазии новая проблема в виде нового и развивающегося правящего класса с идеями, абсолютно отличными от тех, что проповедовали адепты капитализма.

Одним из следствий такого развития событий является то, что мы сегодня называем глобализацией, и на самом деле представляет собой два совершенно разных феномена. Процесс капиталистической глобализации — это чисто экономическое явление, направленное ив нее большую специализацию и диверсификацию. Усилившаяся конкуренция проявляется не столько в форме прямых столкновений, сколько в делении каждого отдельного рынка на несколько более мелких, более специализированных подразделений. Каждый игрок, будь то отдельный человек или целая нация, вынужден культивировать те умения, которые востребованы в той или иной рыночной нише в данный момент времени, в ущерб долгосрочному знанию и перспективе. Все это приводит к появлению и развитию мелкодисперсной насыщенной среды взаимозависимых сетевых образований, Это некий меркантильный балансирующий акт, вынужденный акт сотрудничества перед лицом угрозы краха мировой торговли. Этот аспект глобализации напрямую связан со старой парадигмой, и необходимо отличать это явление от набирающего силы процесса глобализации, являющегося частью новой парадигмы.

Проект капиталистической глобализации подразумевает соединение наиболее эффективных, и потому наиболее прибыльных, методов производства с наиболее благополучным, и потому наиболее способным платить, потребляющим классом. Эта связь осуществляется посредством потока товаров, услуг и капитала, независимым от национальных границ. Заинтересованность в свободном передвижении людей ограничена степенью их полезности в качестве рабочей силы. Из этого автоматически не следует интерес к самой личности и/или её идеям. Идеи хороши, если только они могут выступать в качестве продуктов, охраняемых авторским правом, то есть товаров.

Капиталистическая глобализация есть следствие новых технологий с их возможностями высокой мобильности и скорости. Что означает освобождение рынка от влияния традиционных законов и ограничений. Основная идея проекта — поставить политиком перед свершившимся фактом и привести глобальный рынок к полному освобождению от всевозможных тарифов, правил поведения и, насколько это возможно, от налогов, конечно, с целью максимизации прибылей. Поскольку возможности новых технологий очень удачно дополняют свойства капитала, далеко продвинувшаяся глобализация понуждает политические круги отступать. Это проявляется по-разному — когда в форме яростного изоляционизма, когда через существенное обновление 'концертного репертуара'. Вдруг все эти социалисты-демократы меняют веру у виселиц и произносят бескомпромиссные оды во славу свободной торговли и классического либерализма. Такая смена политического имиджа должна рассматриваться как последняя отчаянная попытка профессиональных политиков эры капитализма зацепиться за последние иллюзорные остатки власти. Одновременно это добавляет политике привлекательности и важности, так что она может 'получить хорошую прессу'.

Нетократическая глобализация — совершенно иное дело. Это скорее социальный феномен, базирующийся на предоставляемых новыми технологиями возможностях коммуникации и контакта между различными культурами через огромные расстояния. Если великая цель капитализма — повысить прибыли с тем, чтобы, выйдя в отставку, заниматься личной жизнью, то великая цель нетократов — улучшить и развивать взаимные коммуникации, включая странные опыты и жизненные стили, которые становятся возможными благодаря новым технологиям. Нетократы стремятся познать все универсальное на глобальной арене, потому они хотят предложить универсальный язык, с помощью которого смогут испытать всевозможные экзотические ощущения, по которым они тоскуют.

Мы не утверждаем, что какая-то из форм глобализации лучше, это просто две разные силы с разными целями в рамках двух разных систем. Но при обеих формах это электронный колониализм, экономический в случае буржуазии, культурный — для нетократии. Интересно, что, возможно, в будущем эти силы едва ли станут развиваться параллельно. Как только капитализм начнет развиваться в направлении, противоположном сетевым структурам,

контролируемым особенностями технологий, проект рано или поздно выйдет из-под контроля, и капиталисты неминуемо уступят свое влияние нетократам. С другой стороны, нетократический проект глобализации не может провалиться и вознаградит своих участников, самих нетократов, еще большей властью.

Поздний капитализм страдает шизофренией. Он выживает, и выживал всегда благодаря адаптации, но одержим идеей контроля, тотальностью и азартными играми с нулевым риском. Если, к примеру, капитализм откажется от национального государства, это будет не свидетельством нового мышления в принципе, а просто признанием факта, что наивысший контроль необходимо передать на сверхнациональный, федеральный уровень. Тотальность расширяется, но стремление к контролю и руководству не ослабевает. Соглашение между капитализмом и нетократией касается не только различий в происхождении, стиле жизни и отношении к жизни. Смена парадигмы фундаментально изменила образ мира. История утрачивает предопределенность направления развития, утопия исчезает. 'Единственно возможный путь развития' — уже не единственный; из любой точки исходит бесконечное число нехоженых дорог. Цельность, рационализм и управляемый коллективизм рассыпаются под давлением многообразия виртуального мира. Волоча за собой консьюмтариат, нетократия занимает место буржуазии.

Капиталистический мир, по определению, имеет экономическую сущность, и выбор, который в нем совершается, в первую очередь, носит экономический характер. Капитализм поощряет только и; ниды деятельности, которые могут быть описаны и измерены экономики ни, Как результат капитализм делает деньги на любом возможном рынке и превращает любой мыслимый ресурс в товар. Эта навязанная эксплуатация была названа австралийским философом и социальным теоретиком Брайаном Массуми 'аддитивностью капитализма'. Государство и рынок едины в своей враждебности по отношению к любой активности за пределами экономического сектора — домашней работе, различным формам общественных работ. Эта враждебность объясняет сложное преобразование этой деятельности в контролируемую и налогооблагаемую оплаченную работу. Поэтому уход родителей за детьми все больше замещается оплачиваемым трудом специалистов по воспитанию детей. Профессионализм распространяется, и нет деятельности, которая была бы слишком проста, чтобы избежать внимания экспертов. Статус дает не задача, а карьера.

Когда родители присматривают за чужими детьми, вместо своих собственных, их работа облагается налогами и включается в государственную статистику. Налицо экономический рост; родители включены в аппарат производства, их деятельность становится объектом контроля и государственного регулирования в области ухода эй подрастающим поколением, словом, все счастливы. Это типичный пример того, как на поздней стадии капитализма с помощью нескольких простых манипуляций возникает экономический рост. Это теки': показывает, что в результате растет не только прибыльность компаний, но и сходным образом благосостояние государства, демонстрирующего острые симптомы ускоряющейся аддитивности. Здесь мы говорим об 'экономизме', чьи претензии на гегемонию никогда всерьез не оспаривались.

Капитализм был просто впечатляюще успешен, он работал. Поэтому его идеология стала восприниматься как нечто само собой разумеющееся, возвышающееся над всякой критикой и потому практически невидимое. Появление капитализма под разными именами закамouflировало его монополию на власть путем постоянного раздувания политических диспутов между партиями, которые все отлично сосуществуют под одним и тем же метаидеологическим зонтом. Но есть причина, по которой капитализм был так успешен. Все потому, что он так удачно соответствовал существовавшим технологическим и общественным предпосылкам. Нынче, когда предпосылки подвергаются решительным изменениям, все оказалось под вопросом. С прорывом информационного общества прежде неуязвимое положение капитализма оказалось под атакой со всех сторон.

От рабочих требовалась работа по низкой цене. В интересах буржуазии и государства было поддержание зарплаты на как можно Полое низком уровне, в то же время они принимали все меры, чтобы предотвратить выступления протеста и по возможности поддерживать относительное спокойствие на рынке труда. Ключевой момент — забастовки. Предоставляя рабочим право на забастовку — мирный протест против низких заработков, буржуазия

получила возможность охранять свою монополию на власть. Рабочий класс был эффективно разоружен этим, и в то же время была точно определена та точка, ниже которой уменьшение размера оплаты и ухудшение условий труда могло привести к нежелательным последствиям. Максимальная прибыль достигалась тогда, когда размер заработной платы лишь едва превышал этот критический уровень, — и все стороны были довольны. Революция вновь оказалась отсроченной, и причем за весьма и весьма умеренную плату. Ритуал повторялся из года в год, сопровождаемый большими волнениями.

Вся эта процедура, и вся классическая мифология капитализма снизу доверху пронизана расплывчатым, но от того не менее грандиозным обещанием: буржуазия обязалась использовать производственные успехи для повышения жизненного уровня пролетариата до своего уровня и мирным путем достичь марксистской утопии о бесклассовом обществе. Нет необходимости в бессмысленной и беспощадной революции; рабочему классу нужно просто стиснуть зубы и найти себе применение — и он будет щедро вознагражден. Таким образом, под маркой общности интересов буржуазия смогла заключить альянсы с представителями рабочего класса. Возвышение пролетариата стало великим проектом культурного ревизионизма и выполнило свою задачу превосходно: утихомиривая отдельных рабочих и направляя их энергию на повышение собственного благосостояния, избежать массовых выступлений протеста. Два зайца убиты одним выстрелом: революция отсрочена, а пролетариат, под лозунгом материального благополучия, стал более полезен через усиленное развитие и применение своих способностей.

Наиболее интересным различием между буржуазией в Западной Европе и Северной Америке, с одной стороны, и русской буржуазией, которая предприняла попытку широкомасштабной индустриализации царской империи в середине XIX столетия, с другой, было то, что европейские и американские промышленники обладали достаточным здравым смыслом, чтобы правильно использовать все имеющиеся методы приручения пролетариата, и устанавливали размер оплаты труда на необходимом уровне, а в России подобных инструментов попросту не существовало, так как отсутствовали значительные контакты между разными классами общества. Поэтому-то именно в России с ее крайне поляризованной общественной обстановкой, при которой правящий класс был практически полностью изолирован и самоустранен (по крайней мере, со слов его представителей) от потребностей рабочего класса, оказалось возможным совершить революцию.

Чем дальше промышленное общество уходило от феодализма, тем более гибким и продвинутым становился капиталистический брэнд и менее угрозой революции рабочих. Неудивительно поэтому, что как раз самые феодальные и аграрные страны мира, Россия и Китай, испытали на себе всю прелесть революции, как только стала нарастать индустриализация. Разница между ревизионистским и революционным путями развития внутри капиталистической парадигмы — прямое следствие того, насколько хорошо правящий класс был осведомлен о нуждах и чаяниях низшего. Яростной революции нужно было избежать любой ценой. Так что вхождение демократического социализма во власть было напрямую связано со сложными механизмами капиталистического общества. Номинальная власть над государством стала основой компромисса между запросами рабочего класса и интересами элиты. Социалистический ревизионизм -идеология, стоящая за этим компромиссом. Если большинство народа во главе государства, как может революция быть провозглашена во имя людей?

Террор политкорректности сегодня является возмездием меньшинства населения за прежний культ большинства. Так называемые меньшинства образуют шумные альянсы и выступают с требованием прав в форме квот и специальных привилегий. Давление, в основном, оказывается посредством СМИ, и меньшинства, обладающие большими медиа-возможностями, чем другие, преуспевают в этой символической борьбе за право контроля над определениями. Результатом становится полное выхолащивание политической культуры: политическая борьба постепенно утрачивает содержание и превращается в театр сражений узкоспециальных групп. Представительство, основанное на мнениях, — система, на которой строится западная демократия, и в соответствии с чем народные избранники представляют своих избирателей, базируясь на сути их убеждений, а не на основе пола или другой характеристики — оказалась

подменена странной бухгалтерской процедурой: каждый второй — женщина, каждый пятый — пенсионер, каждый десятый — иммигрант, и так далее, *ad absurdum*. Этот спектакль выглядит вполне естественно для позднекапиталистического общества, в котором политическая власть и пресса рассматриваются не иначе, как выражающие интересы (зачастую мнимые) малых групп. Но в информационной парадигме все это выглядит очень плохим спектаклем. Если в будущем у консьюмтариата появятся претензии на власть вопреки желанию нетократии, придется искать для этого новые формы.

На чисто материальном уровне все говорит за то, что низший класс сможет по-прежнему рассчитывать на определенные улучшения. Начавшиеся при капитализме, они будут продолжаться и примут новый вид. Но поскольку этот новый низший класс в первую очередь характеризуется моделями потребления, а не относительно высоким уровнем жизни, вряд ли можно говорить о реальном сокращении дистанции между классами. Представители консьюмтариата не смогут стать нетократами лишь потому, что обзаведутся более дорогой машиной или более просторным жильем — они будут оставаться такими же безвластными, как раньше, просто цена их сотрудничества будет откорректирована в сторону повышения.

Когда предложение рабочей силы той или иной специальности падает, зарплата в этом секторе растет. Если этот рост заработков не сопровождается соответствующим ростом производительности труда, неизбежным результатом становится инфляция. Но это не отвечает интересам всех участников рынка, вот почему с инфляцией обычно ведется жестокая война. Традиционным способом увеличить объем производства, не рискуя попасть в инфляционную гонку, является стимуляция роста численности населения. Постоянно растущее население всегда удовлетворяло потребности промышленности в рабочей силе. Но такое развитие не может продолжаться вечно. Совершенствование системы образования для повышения уровня знаний и жизненного уровня, необходимые для достижения социальной стабильности, привели к снижению темпов рождаемости. Когда после II мировой войны рождаемость в западных странах пошла на убыль, пришлось прибегнуть к альтернативному методу роста населения, а именно: широкомасштабной иммиграции.

В результате энергетического кризиса 1970-х произошло снижение *million* экономического роста и роста уровня безработицы в Европе и Америке. Растущая конкуренция на рынке труда привела к тому, что идеи иммиграции стала значительно менее популярной, и импорт рабочей силы существенно уменьшился. Но с началом информационной революции 1990-х производительность труда скакнула вверх, и отношение к иммигрантам стало более терпимым. Западные экономики более не являются самодостаточными в сфере трудовых ресурсов. Во всех развитых странах демографическое развитие демонстрирует одну и ту же тенденцию: стариков становится все больше, а молодых — все меньше.

В периоды быстрого роста число рабочих коренной национальности уменьшается, а спрос на рабочие руки из-за рубежа значительно возрастает, вот почему Западный мир не просто готов открыть свои границы, но и вынужден это сделать. Как следствие нужно ожидать дальнейшего роста официальных высказываний по поводу поликультурного общества. Элита будет всячески противодействовать любым проявлениям изоляционизма и романтизированного национализма. Терпимость и любопытство по отношению ко всему новому и неизвестному будет становиться все более характерной чертой напыщенной официальной риторики. Естественно, это не означает, что этнические, культурные или классовые конфликты исчезнут. Наоборот, все указывает на то, что поляризация Западного общества становится нее сильнее и страх перед угрозой массовых волнений все более обоснованным.

Следует признать, что новый правящий класс по сути своей космополитичен. Нетократическая глобализация ведет к появлению глобальной электронной культуры. На практике это выражается в том, что нетократы в каждой стране будут объединяться на базе тесных контактов и общих интересов, но без какой-либо ощутимой солидарности по отношению к тем иммигрантам, которые подстригают их лужайки или водят поезда метро. Нетократы будут характеризоваться тем, что они манипулируют информацией, а не управляют собственностью или производят товары. Так что их деятельность связана с глобальными сетями, а их приверженности носят скорее виртуальный характер, нежели географический. Для них поликультурность родной страны — это частично вопрос того, что есть кому выполнять

подсобную работу, а частично некоторая доля экзотики в их жизни: разнообразные национальные рестораны, одежда или развлечения. Нетократы будут платить, сколько бы ни стоило подстригание лужаек или цыплята-тандури, но не возьмут на себя никаких дополнительных обязательств. По сравнению со старой, новая элита не отождествляет себя с обществом в целом. Благодаря новым технологиям она располагает всеми возможностями по уклонению от уплаты налогов, но взамен ничем не обременяет государство социального обеспечения. Частное страхование сполна удовлетворяет потребности в медицинском обслуживании, частные школы вполне пригодны к обучению детей, частные охранники успешно отваживают грабителей и вандалов от частных владений. Политический истеблишмент становится все более беспомощным, а целостность общества разрушается. И права, и обязанности исчезают вместе, рука об руку.

Идеология, согласно которой такой порядок вещей считается 'естественным', — это меритократия (meritocracy — от merit — заслуга, достоинство), и как только она утверждается в полном объеме, ничто не определяется заранее, ни происхождение, ни деньги не определяют твою судьбу, а только твой талант и род занятий. Другими словами, это все та же древняя мечта всех угнетенных о блистательном социальном подъеме, но стой разницей, что возможности взобраться вверх по общественной лестнице вполне реальны. Хорошо это или плохо, зависит от точки зрения. Если под увеличением равенства возможностей мы понимаем повышение степени влияния людей на их собственные судьбы, то равенство — это хорошо. Но в то же время возрастает личная ответственность, а также и личные обязанности. Личные неудачи станут намного более личными. С классовой точки зрения, меритократия, по выражению философа Кристофера Лэша, означает, что низшие классы непрерывно испытывают утечку талантов и, соответственно, потенциальных лидеров. С другой стороны, элита постоянно усиливается за счет этого постоянного обновления и вливания новых талантов. Привилегии становится легче узаконить, когда они основываются на заслугах, поскольку они заработаны, по крайней мере в какой-то степени, а не унаследованы.

Новые иммигранты, в основном, займут место угнетенного класса Западного мира. С другой стороны, условия будут более или менее терпимыми, коль скоро их труд действительно востребован, а рост их собственных национальных экономик предоставит конкурентоспособные альтернативы. Но различия во влиянии, статусе и уровне жизни все равно будут неизбежны. Нет никаких признаков того, что отдельные религии и культурные целостности различных групп иммигрантов рассосутся и сплавятся воедино в результате миграций и глобализации. Напротив, не имеющие веса в обществе люди склонны строить свою идентичность вокруг определяющих их характеристик. Вывернутый наизнанку расизм — это один из возможных сценариев: протест бедных аборигенов против удачливых иммигрантов превратится в протест бедных иммигрантов против обеспеченных аборигенов или против других более удачливых групп иммигрантов.

Развитие информационного общества приведет к значительной миграции людей. Миграция низших классов будет происходить из областей с низким уровнем жизни и высокой рождаемостью в области относительно более высокого уровня жизни и относительно низкой рождаемости. В Северной Америке — с юга на север, в Европе — с востока на запад. Но именно нетократы во главе этих движений будут определять их направление. Новая элита высоко мобильна и будет мигрировать, в основном, по культурным причинам в места, наиболее для нее привлекательные. Это принципиальный вопрос нетократической миграции, связанной со стилем жизни. То, насколько выгодны экономические условия, не будет иметь значения: города и регионы будут проигрывать, если не смогут предложить достаточно привлекательный стиль жизни и стимулирующую культурную среду. У консьюмтариата будут хорошие причины для адаптации и миграции. Лучше подстригать лужайки, готовить тандурных цыплят и получать за это зарплату, будучи гражданами областей с высоким спросом и высокой покупательской способностью.

В Европе уже можно увидеть, как зарождающаяся нетократия мигрирует по направлению к поясу городов, протянувшемуся от Лондона на северо-западе до Милана — на юго-востоке. Для всего остального континента такая тенденция означает растущую и серьезную проблему депопуляции: такая же 'утечка мозгов', как и миграция из сельской местности в города в начале

XX века, когда талант и инициатива концентрировались в наиболее экономически перспективных урбанизированных областях. Капиталистическая урбанизация переродилась и приобрела форму значительной миграции через национальные границы, с культурной периферии к культурным центрам новой парадигмы, её узловым станциям. Только несколько оазисов в депопулированных областях смогут заметить эту тенденцию и извлечь из нее выгоду, вовремя осознав значение происходящего и предприняв необходимые меры по улучшению своего положения. Главное здесь — создать необходимые предпосылки для жизненных стилей нетократии, подготовить плодородную почву для стимулирования культурного развития. Этот процесс требует четкого понимания потребностей нетократии, что, при удачном стечении обстоятельств, может в конечном итоге привести к образованию мест сосредоточения посткапиталистической метанетократии, этих повелителей господ.

Одним из фундаментальных факторов успеха в этой возродившейся системе средневековых городов-государств будет делегирование политической ответственности от национального государства самим городам. И базовой единицей политических структур станут не государства, а регионы. С развитием глобализации государство станет обузой, а не преимуществом. Когда вопросы безопасности, внешней политики и финансового регулирования будут переданы на наднациональный уровень, национальным парламентам не о чем будет дискутировать, при том, что в то же самое время глобализация элиты и все большая геттоизация низших классов помогут уничтожить национальную идентичность. Динамичные города, которым удастся избежать вынужденного субсидирования сельской местности, будут позиционированы в этой борьбе лучше. Подобно средневековым городам Ганзейского союза города вновь начнут вступать в альянсы друг с другом, исходя из соображений взаимной выгоды.

Вес дело в умении очаровать нетократию, играя на ее пристрастиях. Победитель в этом случае, действительно получит все: куда бы ни пошла нетократия, ее слуги последуют за ней, и при хорошо развитой системе обслуживания конкретный город станет еще более привлекательным. Размер определенно не все, потому что количество — это категория капитализма. Даже в момент написания этих строк можно увидеть, как нетократия в США перебирается в города среднего размера, такие как Сиэтл, Майами, Остин и Сан-Франциско, а не в мега-метрополи Нью-Йорка или Лос-Анжелеса. То же самое будет происходить в Европе и Азии. Тщательно подобранный баланс разных факторов будет значить больше, чем просто размер. Это, естественно, вопросы жилья, инфраструктуры и коммуникаций, но одного только этого недостаточно. Нетократы — природные тусовщики, они ищут себе подобных и места, где набор предлагаемых стилей жизни наиболее разнообразен. Они будут перемещаться куда угодно, где будет наибольший культурный динамизм.

Порой трудно отличить причину от следствия, потому что имеет место их постоянное взаимодействие, при котором различные уровни влияют друг на друга. Культурный климат влияет на демографическую ситуацию и миграцию, а они, в свою очередь, влияют на культурный климат. Тот факт, что население постепенно становится старше, 'стачает', что уменьшится реальная стоимость пенсий, и пенсионный возраст начнет различаться и постепенно поползет вверх. 'Молодежные' тенденции стали модными в конце XX столетия — что-то вроде культурного пубертата, растянувшегося до фазы взрослости, но это движение неоднозначно. Наиболее впечатляющая модель другая: культурный разрыв между нетократией и низшим классом будет стремительно увеличиваться. Для того, чтобы понять, почему это будет происходить, необходимо еще раз обратиться к истории развития медиа-индустрии.

XX век был золотым веком средств массовой информации. Благодаря технологиям (сперва радио, потом телевидения) одно и то же сообщение одновременно может достичь всей нации, а с развитием спутниковой связи, и всего мира. Эфирное вещание стало лучшим инструментом пропаганды за все времена. Невозможно переоценить влияние радио на национальное единение народов США и Великобритании в годы II мировой войны. Во второй половине столетия иступило в свои права и телевидение, которое помогло значительно снизить темпы отмирания института национального государства, неважно, было ли телевидение частным, как в Штатах, или государственным, как в Европе. Главная идея была прежней: нация — это 'естественное' образование и оно вне обсуждения, потому что нация и телевизионная

аудитория — это одно и то же. Люди, смотревшие одни и те же передачи, образовывали сплоченную и 'естественным образом' изолированную группу. Телезрители всей страны должны объединиться и быть примерными гражданами и потребителями, чтобы колеса вертелись правильно.

По иронии судьбы именно дальнейшее развитие технологии, которая искусственно вдыхала жизнь в государство и капитализм, теперь хоронит старую парадигму. Когда сериал *Cosby*, в котором все главные роли исполняли чернокожие актеры, стал самой популярной телевизионной программой в США в 1980-е, это было воспринято как многообещающий признак растущей терпимости телевидения и его положительного влияния на аудиторию и общество в целом. На самом деле это было подтверждением феномена, уже в то время хорошо известного социологам: фрагментации телевизионной аудитории и постепенного спада в индустрии масс-медиа. Количество телевизионных каналов росло, но аудитория каждого из них уменьшалась. Снижение потребления телепродукции (каждой отдельной передачи) стало явным признаком все большей фрагментации СМИ. Из 'широковещательного' средства оно становится 'узковещательным'. Вместо того, чтобы стараться охватить большие аудитории, телевизионные каналы были вынуждены сосредоточить усилия на строго ограниченных её сегментах.

Тот факт, что *Cosby* какое-то время возглавлял чарты зрительской популярности, вовсе не означал появления интереса к теме расовой дискриминации и/или социальной справедливости на американском телевидении. Просто безработные одинокие чернокожие женщины были в тот момент крупнейшим распознаваемым рекламодателями зрительским сегментом. Это означает не просто фрагментацию аудитории, но и снижение её общего интеллектуального уровня. Подгузники и стиральные порошки остаются примерами товаров, которые по-прежнему целесообразно рекламировать на телевидении, в то время как телевизионная реклама модной одежды или 'продвинутой' электроники будет пустой тратой времени и денег. Сама новая элита не интересуется телевидением, больше занятая построением сетевых сообществ с помощью новейших интерактивных средств коммуникации. Правда, это не останавливает нетократов от попытки контролировать телевидение, чтобы использовать его для отвлечения и анестезии неоднородного низшего класса, который объединяет только низкий статус и увеличивающаяся беспомощность.

В одно мгновение все превратилось в развлечение: погода, новости, не говоря уже о политической журналистике и отчетах о выборах. Они режиссируются специально для класса пассивных потребителей, сидящих в креслах с пультами дистанционного управления в руках перед мерцающим постмодернистским костром, готовые развлекаться, пока не заснут, с шансом выиграть в одной из многочисленных телелотерей в качестве главного события недели. Тем, кому случилось очнуться от сна, телевидение предоставляет изученный и циничный уровень псевдовзаимодействия. Позвоните и проголосуйте за лучшего игрока матча или лучшую песню программы! Сообщите нам, какой должна быть тема вечерних обработанных в популистском духе дебатов! Естественно, вся эта квази-активность телезрителей тщательно отслеживается для более точного рекламного позиционирования.

Буржуазия всегда с огромным уважением и восторгом относилась к телевидению и его удивительной эффективности в качестве инструмента пропаганды, считая его и мечтой, и ужасной угрозой, если, не дай Бог, оно окажется не в тех руках. Для буржуазии телевидение чрезвычайно привлекательно, в то время как нетократы относятся к нему более цинично. Телевизионное развлечение все еще выполняет свои функции 'опиума для народа', но будущее его не такое радужное. Судьба телевидения, как ранее всех других средств информации, оставленных в прошлом технологиями, будет состоять в обеспечении содержанием новых интерактивных СМИ, подобно тому, как роман дает сюжет для кинофильма, который в свою очередь обеспечивает содержанием телевидение. Это объясняет пренебрежение нетократии и TV. Его церемониальное величие, все его пышно декорированный студии и просторные офисные помещения и богатые постановочные возможности уходят в прошлое под аккомпанемент тающего бюджета. Нетократическое телевидение более минималистично, функционально, гибко и подвижно, и большая часть его функций закупается у независимых продюсерских компаний. Но все это не означает, что телевидение перестало быть тупым и

отупляющим. Нетократия не станет использовать для творчества средство, чье будущее в прошлом и чью аудиторию она хочет контролировать, не будучи его частью.

В последние дни капиталистической парадигмы все еще можно считать телевизионную рекламу неизбежным злом, оправданием того факта, что кто-то должен оплачивать производство, и что-то даже останется. В мире нетократического телевидения какая-либо ощутимая разница между рекламой и самой телепередачей исчезнет. В каждой детали будет размещен тот или иной товар. Актеры становятся товаром, продающим самого себя в те моменты, когда они не продают другие товары во время рекламных пауз. В свою очередь, товары тоже становятся актерами, продающими и себя, и других актеров, участвующих в их рекламе. Результатом становится реклама во имя рекламы чего-то еще. Для консьюмтариата, которому одинаково недостает возможностей и желания активно участвовать в этом процессе, пассивное принятие установленных свыше правил игры остается едва ли не единственно возможной практической альтернативой. Вы платите за свои развлечения минимумом внимания, а участвуете выбором между разными брэндами стирального порошки. Вот как вас просят реализовать себя в консьюмтариате и создать индивидуальный стиль жизни: путем выбора между порошком X и порошком Y для ваших грязных полотенец и белья. Вы выбираете экологически чистый порошок X или поддерживаете отечественного производителя порошком Y? Выберите свою идентичность и прикупите бесплатный пакет: вот и наш веб-адрес!

Когда информационное общество еще только начало формироваться в начале 1970-х, социологи и философы подвергали сомнению традиционные понятия, такие как труд/отдых и производство/потребление. В какой степени эти концептуальные пары выступали в качестве инструментов контроля при капитализме? Как мы можем определить разные виды человеческой деятельности в информационном обществе? В очередной раз мы становимся свидетелями того, как привычные уху, старые добрые понятия получают новые значения с изменением технологического и общественного контекста.

Деятельностью, которая будет определять новый низший класс, станет скорее потребление, нежели производство, в условиях, когда примерно одинаковое количество материальных благ смогут получать все, независимо оттого, трудоустроен человек или нет. Потребление товаров и услуг, по представлениям Бодриера и Делёза, должно рассматриваться как альтернативная форма производства, ключевая для поддержания общественных механизмов.

Пересмотр значений слов 'потребление' и 'производство' является центральным вопросом информационной парадигмы. Согласно буржуазным представлениям, каждый, кто не имеет работы или занят работой по дому, ничего не достиг в этот день. День его может быть заполнен всякого рода практическими делами и социальными контактами, также, как и определенным уровнем потребления, но все это не может идти в зачет в условиях, когда единственно полезным считается производство товаров и услуг, и как следствие — добавленной стоимости. Производство производительно и потому, по определению, является позитивным процессом, точки зрения капиталиста, в то время как потребление считается негативным, это уменьшение накопленных благ, расточительная слабость, которую люди могут себе позволить, только что-то при этом производя.

С мобилистической точки зрения, это разделение, вся механистическая причинно-следственная цепь представляются иллюзорными. В действительности каждое действие является предпосылкой другого, одно невозможно без другого; оба — лишь аспекты одного и того же процесса. Желание потребителя иметь все продукты и услуги, о которых он даже не узнает и которые ему не понадобятся, — это решающий фактор во всей конструкции, и это желание нужно воспитывать. Сложный по сути процесс может быть тем не менее выражен довольно простой формулой: реклама + потребитель = желание. Это напоминает процесс фотосинтеза. Реклама есть солнечный свет, потребитель — растение, преобразующее свет в энергию, необходимую для биологического развития. Роль консьюмтариата подчиненная, но без него совершенно невозможно обойтись. При этом какую производственную функцию выполняет потребитель, если выполняет вообще, относительно несущественно.

Мы не можем определить, желание ли производит товары или услуги, или товары и услуги производят желания. Истина в том, что они производят друг друга и производятся друг

другом. Нет смысла пытаться отделить одно от другого в ситуации, когда потребителям вес; чаще платят за просмотр и реакцию на рекламные ролики, и когда они платят своим вниманием, а не деньгами. Кто реально производит, а кто и кому за что платит? То, что с первого взгляда кажется простой игрой слов, в действительности является решающим фактором в борьбе за власть. При капиталистической парадигме верховное положение буржуазии базировалось на ее власти при определении работы для рабочего класса. При новой парадигме нетократия управляет низшим классом, манипулируя тем, что можно назвать потребляющей деятельностью консьюмтариата, деятельностью, вызванной желаниями. Фундаментальная разница между нетократией и консьюмтариатом состоит в том, что первая контролирует производство собственных желаний, в то время как второй подчиняется указаниям первой. Стало быть, важнейшим символом образа жизни нетократа и показателем его общественного дистанцирования от народных масс является постоянная демонстрация того, что он независим от потребительского производства манипулированных желаний.

Стиль жизни нетократа требует уникальных способностей и особенного мироощущения. Поскольку товары, услуги и идеи становятся предметом рекламных акций, то они, по определению, есть нечто недостойное, предназначенное для массового потребления. Что отличает нетократов, так это потребление: намеренно эксклюзивное, минималистское и совершенно свободное от указаний. Нетократы путешествуют в места, не разработанные туристической индустрией, слушают музыку, которую не производят фирмы звукозаписи, пользуются веб-сайтами, которые не только не содержат рекламу, но и не рекламируют свое собственное существование, и потребляют товары и услуги, которые не упоминаются в медиа и потому не известны широким массам. Этот стиль жизни невозможно зафиксировать: он всегда будет претерпевать постоянные изменения. Когда нечто уже испробовано и не имеет первоначальной ценности, это всегда можно отдать на потребу толпе с помощью той же рекламы — и это далее принесет свою экономическую выгоду. Но то, что нетократы застолбили за собой, будет всегда до поры до времени оставаться неизвестным, несуществующим и недоступным консьюмтариату.

В эпоху, когда производство товаров и услуг все больше становится делом автоматизированных заводов или дешевой рабочей силы и далеких странах, сама трудовая деятельность уже не является организующим принципом общества. Утомительные дискуссии на тему 'новой экономики' большей частью строятся вокруг проникнутых духом капитализма и изрядно приукрашенных представлений о будущем интернета как средства, предназначенного исключительно для электронной торговли. Дело представляется так, будто бы ничто существенно не изменилось, и новые технологии есть не более чем набор модных игрушек, предназначенных для починки и подкраски существующей системы. Действительное значение происходящих изменений пока что не осознается в полной мере, но состоит в том, что все наши прежние представления и концепции переворачиваются с ног на голову, как, например, о взаимоотношении процессом потребления и производства, что вынуждает пересматривать все, что с этими концепциями прежде ассоциировалось. Новая парадигма диктует новые правила игры и новые закономерности и формы борьбы между классами. Одно лишь остается неизменным. Как при капитализме и буржуазия, и пролетариат участвовал и в производственных процессах, но под диктовку буржуазии, так и в информационном обществе и нетократы, и консьюмтариат участвуют в процессе потребления, правила которого, как и прежде, диктует элита.

ГЛАВА VII. НОВАЯ ЭРА В БИОЛОГИИ И ЭТИКА НЕТОКРАТОВ

'Новая экономика' кажется загадочной и трудной для понимания, потому что общество в целом, и экономисты в частности, имеют довольно смутное представление о том, как работала 'старая экономика'. Общественные науки и политические идеологии получили свое развитие, когда университеты занимали положение, близкое к власти в капиталистической парадигме, и упрямо следовали тоталитарным путем. Экономисты разных стран создавали сложные модели, впечатляющие во всех отношениях, если не принимать во внимание их абсолютно неверное и бесполезное представление об экономической реальности. Уже отправная точка их

рассуждений содержала ошибку. Представляли ли они правую или левую часть политического спектра, главенствующая цель оставалась одной и той же — построить всеохватывающую теорию, которая сводила бы экономику до уровня сложной, но все же доступной для понимания и управления игры, в которой нет проигравших. Кто-то выигрывает, и кто-то проигрывает, одно предполагает другое, и все это для того, чтобы избежать ненужных трений и/или социальной несправедливости в перераспределении и регулировании потоков материальных ценностей. Безрадостные размышления о равновесии и порядке были ошибочно перенесены на систему, чье нормальное состояние характеризуется постоянным изменением и ощутимым разрушением и аннигиляцией. При феодализме экономика и даже участие в обороте денежных средств не считались занятием серьезных людей. Производство товаров и торговля, соответственно, не вызывали уважения или интереса как предмет философских размышлений. Крестьяне выращивали зерно и домашний скот, купцы занимались обменом одного на другое, а аристократы взыскивали налоги в виде товаров и услуг. Когда индустриализация, механизация и переход от натурального обмена к денежному достигли критического уровня, это привело к драматическим общественным изменениям и возникновению целого Рюда новых проблем. Например, импортировать сельскохозяйственные товары для их потребления быстрорастущим населением или производить их внутри страны? Защищать ли тарифами на импорт интересы местного крестьянства? Скорость изменений была беспрецедентной, и все прежние правила быстро устарели. Так появилась на свет первая экономическая теория, вероисповедание богатства, призванная вернуть общество в казавшееся утраченным гармоничное и уравновешенное состояние. Образ мысли в общественных науках в конце XVIII — начале XIX пока задавался, прежде всего развитием естественных наук, в частности физики. Престиж физики Ньютона был огромным, её достижения грандиозными: раскрытие загадочных совершенных механизмов движения небесных тел. Требовался такой же Ньютон, но философ, который мог бы 'открыть' законы гравитации в экономике и некие вечные принципы, управляющие священным порядком, существующим за кажущимся хаосом. Это была неразрешимая задача, отмечали экономист Майкл Ротшильд и другие, по той простой причине, что ньютоновская физика неприменима в данном случае, поскольку в ней не учитывается временная характеристика. Время, или, другими словами, направление, в котором развиваются физические процессы, попросту отсутствовало в естественных науках вплоть до появления термодинамики в XIX столетии. Для Ньютона Вселенная есть неизменный вечный двигатель, своего рода космические часы, чей отрегулированный механизм не знает сбоя. Это вечное механическое повторение было сутью теории Ньютона. Она не допускала качественных изменений, так что каждая экономическая теория, построенная на основе этой модели, была склонна рассматривать изменения скорее как недостаток, нежели свойство объекта описания. Целью было достижение равновесия любыми доступными средствами, поэтому изменения, лежащие в природе вещей, воспринимались как его неприятные нарушения. Наука находит то, что ищет. Шотландский профессор философии Адам Смит, центральная фигура классической политической экономии, открыл закон всемирного экономического тяготения — личную заинтересованность. Согласно Смиту, когда каждый человек руководствуется личными интересами, это парадоксально приводит и оптимальным результатам для экономики в целом. Разные люди очевидно, имеют разные таланты и способности, и когда они обладают свободой для развития своих талантов и их применения, экономические показатели растут на благо всех. Поэтому всякие искусственным препятствия наподобие тарифов на импорт, приносят вред, поскольку система является саморегулирующейся. Расширение рынков означает рост производства — суть проповеди либерального оптимизма. Но даже Смит не включил в модель фактор изменений. Его теории описывает воображаемое состояние равновесия, либеральную утопию, а не бурлящую реальность. Система автоматически приходит в равновесие и немедленно сглаживает все возмущения внутри себя, если ее оставляют в покое. Но идея о том, что система сама по себе может вдруг претерпеть решительные изменения, отсутствовал, в рассуждениях Смита. Это была мысль, которая не могла появиться, по крайней мере, если не отказаться от постулатов учения Ньютона, что было тогда немыслимо. Представление Смита об экономике как хорошо смазанной машине нашло множество рьяных последователей. Но не его оптимизм. Так, Дэвид Рикардо исходил из идеи, что количество ресурсов и товаров на рынке

ограничено. Когда население растет, и, следовательно, число потребителей, увеличивается, растущий спрос ведет к росту цен, особенно на продукты питания. Баланс смещается в пользу землевладельцев, то есть производителей продуктов питания. Рост их доходов равен затратам потребителей и снижению доходов рабочих. Нет другого способа увеличить прибыли кроме снижения зарплаты, что, естественно, вызывает социальную напряженность. Благодаря работам Рикардо интерес к экономической теории сильно возрос, так что экономика стала считаться наукой, способной объяснить едва ли не все. Она заменила находившуюся в параличе философию в качестве метанауки. Система Рикардо была теорией, использованной и включенной Карлом Марксом в его исторический материализм: экономическое и социальное противостояние (следствие безжалостной эксплуатации другими) со временем достигает критической отметки, за необходимость радикального переустройства общества становится неизбежной, что в итоге приводит к созданию плановой экономики. Маркс тоже считал экономику машиной, однако не столь хорошо смазанной и отрегулированной, как полагал Смит, а нуждающийся в постоянном контроле и идеологической корректировке. Политической целью была статичная экономика, отрегулированный часовой механизм. Таковы были в целом воззрения на экономику в Учение без малого двухсот лет, которые нашли свое отражение во многих политических теориях, направленных на регулирование рынков и процессов распределения. Все кнопки и рычаги шли в ход в тщетной надежде добиться перманентной стабильности системы. Политические лагеря отличались друг от друга лишь в расстановке акцентов. Для либералов и консерваторов право частной собственности было священным. Правой альтернативой опасениям левых относительно монополий была конкуренция, но фундаментальные проблемы оставались прежними: ограниченные ресурсы и растущее население. Конечно, можно увеличить производительность, к примеру, в сельском хозяйстве, но не в пропорции к потребности в рабочей силе, требуемой для этого, в соответствии с законом сокращающихся доходов, сформулированным Джоном Стюартом Миллем, одним из ведущих идеологов либерализма, примерно в то же время, когда Маркс и Энгельс писали свой 'Коммунистический Манифест'. Рост благосостояния никогда не будет успевать за ростом населения. На что можно надеяться, — так это на достижение социально-экономического равновесия путем обращения к лучшей стороне человеческой природы и сдерживания рождаемости. Идея экономики как игры, в которой суммарная выгода сторон равняется нулю, и страх перед ростом рождаемости принадлежат священнику, экономисту и историку Томасу Мальтусу, чье влияние на развитие общественной мысли на рубеже XVIII-XIX веков трудно переоценить. Мальтус, исповедовавший воздержание и более позднее вступление в брак, умудрился напугать современников угрозой перенаселения, что со временем привело к появлению инструментов контроля рождаемости. Теория Мальтуса основывалась на необходимости баланса между числом людей и количеством ресурсов. Согласно безжалостному принципу Мальтуса, население растет значительно быстрее (геометрически или экспоненциально), чем производство продуктов питания (арифметически). Этот дисбаланс не может длиться долго и должен быть так или иначе ликвидирован. В природе это регулируется голодом или другими катастрофами, а для людей одним из вариантов является война. Нищета и страдания неизбежны в любом случае, а прогресс — химера. Подавая нищим, мы лишь ухудшаем общее положение, поскольку увеличиваем количество ртов. Парадоксально, но Мальтус, этот мрачный крестный отец 'безвыигрышной' философии, значительно способствовал эволюции в виде утверждения теории изменений и развития. Тупик, в который зашел Мальтус в своих рассуждениях, сделал возможным совершенно новый тип мышления. Что сделал Чарльз Дарвин, так это применил историю к истории. Он показал, что изменение — это не отклонение от естественного хода вещей или нарушение равновесия природы, но аутентичное состояние. Биологические виды, которые всегда считались вечными и неизменными, как идеальные геометрические фигуры, на самом деле являются продуктом исторического развития других, ныне вымерших биологических видов. Они развиваются, приспособляясь к обстоятельствам. Проблема была в том, что Дарвин никак не мог обнаружить движущую силу процесса — идею, объясняющую причины и механизм изменений. Ему была ясна идея эволюции, которая была революционной сама по себе, но он не понимал, как функционирует сама эволюция. Каждому крестьянину было известно, что можно улучшить

качество и продуктивность зерновых культур или домашнего скота, отбирая и культивируя лучшие образцы. Но кто занимался этой селекцией в природе, и как это происходило? Это был большой вопрос. Для начала Дарвин предположил, что одни и те же законы применимы как к отдельным видам, так и к отдельным их представителям: они рождаются, взрослеют и умирают в силу биологической необходимости. Проведя больше года в бесплодных размышлениях, он почти случайно прочел 'теорию населения' Мальтуса (какой написал в дневнике — для развлечения). Внезапно все встало на свои места. Природа сама наблюдала за процессами отбора. Если в популяции рождается больше людей, чем есть необходимой для их обеспечения еды, следствием этого становится увеличение смертности населения, не достигшего еще детородного возраста. Те же, кто остался в живых и сумел произвести потомство, оказывался просто наиболее удачно приспособленным к обстоятельствам. Этот процесс повторяется из поколения в поколение. Кумулятивным эффектом этого процесса становится эволюция вида, поскольку естественный отбор благоприятствует лишь некоторым из возможных вариантов. В то же время окружающая среда непрерывно изменяется под влиянием климатических и геологических факторов, или как результат действия внутренних факторов. Изменение вида меняет условия обитания как свои собственные, так и других видов, что ведет к дальнейшим изменениям. Равновесия не существует, а процесс бесконечен. Ирония в том, что Дарвин совершенно неверно понял теорию Мальтуса. Или, если более позитивно взглянуть на вещи, Дарвин произвел захватывающую дух гениальную интерпретацию пессимистических воззрений Мальтуса, чтобы наилучшим образом приспособить их к своим собственным взглядам. Борьба за существование, которая для Мальтуса была причиной всех зол, для Дарвина стала движущей силой эволюции, появления все более совершенных организмов. Так биология оказала решающее влияние на экономическую философию, хотя та отвергала биологию и ее исторический метод в пользу Ньютоновой физики и её статичного мира. Примерно то же самое происходило с социологией и другими общественными науками: вечный космический двигатель Ньютона был при капитализме основной базой создания теорий. Отправной точкой изучения общественного устройства стала надуманная система в воображаемом состоянии покоя, любое изменение в которой рассматривалось как аномалия. Мысль оставалась в плену тотализма. Когда Ньютон представил свою теорию, он был провозглашен светочем эпохи. Когда Дарвин представил свою теорию, к нему отнеслись чуть ли не как к преступнику. Теория эволюции трактовалась, за исключением естественнонаучной среды, как чрезвычайно сомнительная в течение длительного времени. Сопrotивление ей носило скорее эмоциональную, нежели интеллектуальную подоплеку. Вечное и предсказуемое, уходя корнями и иудео-христианство и тоталитарную философию, всегда находили общий язык с самодовольными западными мечтами о человеческом контроле и могуществе. Так что перемены и случайные совпадения вызывали ужас. Вот почему классическая физика Ньютона оставалась главенствующей теорией естественных наук и моделью мирового устройства при капитализме, даже после того, как сама физика уже ушла далеко вперед от Ньютона, обзавелась историческим измерением (в форме законов термодинамики) и стала наукой о явлениях, заведомо непредсказуемых, неосязаемых, если не сказать — экзотических (благодаря квантовой механике). Так что можно сделать вывод, что 'старая' экономика, так же, как и социология и что-либо другое 'старое' в научном смысле, было старым давным-давно. В большой степени Дарвин своим учением поставил все, считавшееся незыблемым, с ног на голову. Живописная картина природы еще не завершена, более того — работа в самом разгаре, и вопрос в том, так ли уж эта картина хороша. Существующие сегодня биологические виды не являются ни первородными, ни неизменными, а есть лишь стадия на длинном пути превращения простых организмов в более сложные. Бесконечное разнообразие и сложность природы не предполагают участия божественного начала или высшего разума в той или иной форме, никакого плана, просто океан времени. Эволюция — это некий алгоритм, математическая операция с большим массивом чисел, примененная к реальной жизни. Если угодно — компьютерная программа, сито, отделяющее победителей от неудачников. Американский философ Дэниел Деннетт сравнил этот процесс с теннисным матчем: играют двое, победитель проходит в следующий круг, проигравший выбывает и погружается в забвение. Как в любом турнире на выбывание, есть только один победитель, который обладает качествами, наиболее выигрышными при

данных правилах игры. В теннисе все решает мастерство, но в бросании монетки все дело в удаче, или, другими словами, способности избежать неудачи. Вероятность того, что кому-то удастся выиграть двадцать раз подряд, ничтожно мала. Однако, если бы в таком турнире на бросание монетки приняли участие 1 048 575 участников, то наверняка нашелся бы кто-то, кому бы это удалось. Такой алгоритм безошибочно определяет победителя, независимо от числа участников. Эволюция есть разновидность соревнования, построенного по олимпийской системе — на выбывание; правила его исключительно сложны и содержат большой элемент случайности. Кроме того, правила все время меняются. В первом раунде вы кидаете монетку, а во втором, возможно, это будет бег в мешке, задом наперед и с завязанными глазами. И все равно победитель будет выявлен, к прискорбию многих и многих проигравших. Мыс вами победители: и те, кто пишет эту книгу, и те, кто ее читает, ваши друзья и домашние питомцы, деревья у вас на даче, и даже червяки в земле, словом, все, что сейчас живет на этой планете. Все остальные — проигравшие. Примерно 99,99% всех существовавших когда-либо биологических видов сейчас не существуют. Все они просто выбыли из участия в турнире. Мы используем сослагательное наклонение каждый раз, когда задаемся классическим неразрешимым вопросом о том, как бы протекала наша жизнь, если бы не случились те или иные события или мы в какой-то момент приняли иные решения? Разве это не есть нечто иное, как мемети-дарвинский анализ, эквивалентный генети-дарвинскому анализу? Те, другие 'мы', которыми мы могли бы быть при ином развитии событий, представляют собой меметические мутации, которые не смогли выжить в противоборстве с мутацией 'Я', которая теперь имеет удовольствие задаваться подобными риторическими вопросами. Такой ход мыслей составляет основу открытого Мишелем Фуко процесса субъективизации, который приходит на смену индивидуализму в нетократическом обществе, о чем пойдет речь в следующей главе. Природа — это не пикник друзьями. Безжалостный отбор продвигает то, что более функционально в конкретных обстоятельствах. Даже наше эстетическое восприятие бытия, выжившее вместе с нами, базируется на вживленной в наш мозг генетической борьбе за выживание. Красота, которой мы склонны наделять цветы орхидеи или яркую окраску перьев павлина, и восхищение длинношеими жирафами, являются таковыми только потому, что подтверждают и подчеркивают эволюционные возможности к адаптации нашего мозга. Эстетическое восприятие — подобие встроенной сигнальной лампочки генетического отбора. Мы радуемся, когда наш малыш начинает ходить или говорить, и ценим собачью верность; при всем при том, и ребенок и одновременно полезны и приятны: польза и удовольствие взаимозависимы, потому-то ребенок и собака эстетически привлекательны для нас, как и мы для них. В то же время мы избегаем встреч с ядовитыми змеями и держимся подальше от дурно пахнущих мусорных баков, полных бактерий, поскольку эти явления представляют угрозу нашему выживанию, и потому наши гены запрограммированы на эстетическое отвращение по отношению к ним. Теория Дарвина была далека от совершенства. Одним значительным упущением было отсутствие удовлетворительного объяснения механизма передачи благоприятных генетических характеристик от одного поколения другому. Ребенок, как правило, похож на своих родителей, но даже дети не представляют собой равное сочетание родительских характеристик. От черного кота и белой кошки не помучится в точности серого котенка. Конечно, если бы разные характеристики родителей смешивались равномерно, то это привело бы к смягчению всех существенно отличных черт каждого из них и появлению равномерно распределенной массы биосубстанции. Вместо этого природа из года в год производит на свет потомство с постоянно растущим уровнем сложности, разнообразия и специализации. Чем объяснить такую множественность цветов и оттенков? Ответ на этот вопрос был найден после серии ошеломляющих научных открытий второй половины XX века. В 1953 году исследователи Фрэнсис Крик и Джеймс Уотсон впервые описали уникальную структуру молекулы ДНК. К началу 1960-х стало возможным различить отдельные 'слова' генетического кода, и к середине того же десятилетия — полностью 'взломать' его шифр. Сегодня, в начале XXI века, составлена полная 'карта' генома человека. Все наше биологическое прошлое, все генетические предпосылки нашего будущего станут открытой книгой. Все слова в этой книге написаны с помощью четырех 'химических' букв А (аденин), С (цитозин), G (гуанин) и Т (тиамин) в разных комбинациях. Все когда-либо жившие и ныне живущие организмы созданы в

соответствии с похожими друг на друга, прост составленными инструкциями, написанными на одном языке. Новая генетика — это одна из величайших интеллектуальных революций всех времен. Внезапно биология оказалась полностью цифровой. Сама жизнь — воспроизводство клеток и их упорядоченное объединение в системы разной сложности — является процессом из области информационного менеджмента. Жизнь в фундаментальном смысле этого слова — это вопрос распространения информации. Наша генетическая конструкция есть набор рецептов, или программ, по производству протеинового белка, наличие которого регулирует химический баланс организма. Тело представляет собой набор тканей, воплощающих биологическую информацию. Благодаря пре-программированию клетки тела знают, кто они и чем должны заниматься. Не нужно учить яйцо, как становиться курицей — оно и так знает. Так что теоретики информации прошлых веков были правы в принципе. Именно информация вдыхает жизнь в материю. Нобелевский лауреат в области медицины 1969 года Макс Дельбрук предложил, возможно, в качестве шутки, посмертно присвоить Аристотелю ту же премию за открытие ДНК. Философ предполагал, что форма курицы содержится уже в самом яйце. Генетическая информация составляет основу не только анатомии живого существа, но также и его поведения. Классические гуманисты не хотят верить этому и настаивают на том, что у человека есть душа, и что эта душа и все духовные явления не зависят ни от тела, ни от всей биологии. Только бездушные животные руководствуются инстинктами; мы, люди, выше этого. Приверженцы бихевиоризма также скептически, они утверждают, что рефлексы и поведение являются результатом обучения. Природа и общество рассматриваются как одно огромное образовательное учреждение, сложная система, которая формирует личность путем поощрения одного способа поведения и подавления другого. В соответствии с этими взглядами, человек при рождении — чистый лист бумаги. Но генетика попросту опрокинула все эти верования. Мы не можем научиться тому, к чему мы не имеем генетической предрасположенности, как бы нас не поощряли. Человеческий мозг запрограммирован для решения определенных типов задач с помощью определенных заданного типа процессов. Способности к языкам — один из ярких примеров. Наша способность к восприятию и применению грамматики языка является встроенной, и исследования обнаружили отвечающий за это специальный ген в хромосоме. Ошибка в 'написании' этого гена, как ошибка в правописании, влечет ощутимое снижение языковых способностей (так называемый синдром СНР — специфических нарушений речи) у людей, которые во всех остальных отношениях являются вполне нормальными. Просто у них отсутствуют способности к усвоению грамматических структур. Это означает, что каждое новое слово, которое им встречается, является для них совершенно новым, так что им приходится заучивать каждое склонение одного и того же глагола и каждый падеж одного и того же существительного отдельно. Просто эти модели не ясны им 'инстинктивно'. Это означает, что заменить инстинкты обучением невозможно. Конечно, люди с синдромом СНР могут научиться общаться с внешним миром, пусть даже со значительными трудностями в понимании других и в выражении себя, но они никогда не смогут научиться думать грамотно. То, что мы, люди, в отличие от наших ближайших родственников обезьян, умеем пользоваться грамматикой, не означает, что мы когда-то оказались более трудолюбивыми и настойчивыми, просто благодаря генетическим изменениям мы развили новый специфичный для нашего биологического вида инстинкт. Язык, в своей устной, а затем и в письменной форме, ставший основным средством культурного обмена и развития — несомненно, имеет биологические корни. Мы научились тому, чему были способны научиться. По сути, именно информация в наших генах определяет, 'кто мы есть'. Как следствие 'природа человека' действительно существует и она в решающей степени определяет не только наши способности к языкам, но и наше поведение, и нашу культуру в целом. Новорожденный — это не чистая страница, а носитель программы, которая, с одной стороны, предоставляет колоссальные возможности развития, обучения и взаимодействия с окружающим миром, но, которая, одновременно, имеет специфическую структуру и специфические ограничения применимости, однозначно определяемые биологической историей. Мозг есть продукт эволюции, чем и обусловлено существование целого ряда разных способов мышления. В общем, как выразился Эдвард Уилсон, гены держат культуру на привязи. Однако идея о наличии взаимосвязи биологии и человеческого общества, получившая сомнительное, с точки зрения семантики, название

'редукционизм', или 'детерминизм', все еще натывается на ожесточенное сопротивление со всех сторон. Оно большей частью имеет политическую мотивацию и базируется на основной идее Маркса о том, что общество формирует сознание человека, и что создание нового общества будет означать появление совершенно другой личности. Понятно, что если все же биология определяет развитие, толевые марксисты будут вынуждены скорректировать свои представления. Но что говорить о марксизме, если даже в общественных и гуманитарных науках центральной идеей на протяжении всего XX века оставалась идея о том, что биологическая эволюция и культурное развитие есть два разных несовпадающих феномена. И интерес исследователей в основном крутился вокруг того, как общественная среда влияет на человеческое поведение, а вовсе не того, как человеческие инстинкты формируют общество. Даже эта точка зрения имеет идеологическую подоплеку — в основном, благодаря тому, что в извращенной форме теория эволюции, вместе с другими квази-науками, столь часто использовалась шарлатанами для оправдания разного толка расистских и других человеконенавистнических идеологий. Они объясняли с их помощью необходимость совершенствовать 'низшие культуры'. Желание отстраниться от такого 'вульгарного биологизма' само по себе понятно, но любая попытка предъявить теории эволюции обвинение, просто исходя из внешнего сходства с расизмом, есть разрушительный акт зашоренного мышления. Шоры всегда шоры, каким бы благородным не казался повод для их ношения. В действительности, фундаментальная идея теории эволюции — случайность имеет решающее значение — диаметрально противоположна отправной точке рассуждений 'вульгарного' биологизма. Все эти рассуждения о разной генетической предрасположенности разных рас к тому, чтобы стать высокоразвитой культурой, просто чушь. Тот факт, что народы Ближнего Востока рано превратились из охотников и собирателей в первое в истории сельскохозяйственное общество, был исключительно результатом удачного стечения обстоятельств, а именно: благоприятного климата и избытка плодородных земель, пригодных для обработки. Все эти факторы цеплялись один за другой, раскручивая спираль развития. Избыток пищи и оседлый образ жизни способствовали росту населения, который стал причиной все более усиливающейся специализации в занятиях и усложнения социальной структуры, что, в свою очередь, еще больше стимулировало экономическое развитие, пока, наконец, не привело к появлению кафедральных соборов, сонетов и струнных квартетов. Но одни благоприятные условия не являются достаточным объяснением. Любой сторонник формальной логики вправе спросить: условий для чего? Невозможно и далее игнорировать биологию и социальные инстинкты. Настроенная в духе гуманизма буржуазия была одержима идеей высокой культуры, которую считала характерной для человека, поднимавшей его над животными и законами джунглей. Словно секта фундаменталистов, гуманизм настаивал на уникальном месте человека, парящего над природой. И в мыслях нельзя было допустить, что культура укоренена в биологии и является ее невидимой частью. Но какова же альтернатива? Если построение общества и культуры не имеет эволюционной основы, где тогда они берут свое начало? Ответ может быть найден среди догматов религии и мифов: культура есть волшебное творение, Бог знает кем принесенное в дар человечеству. С точки зрения нетократии, которая теперь принимает на себя власть, такая метафизическая конструкция лишена интеллектуального правдоподобия. Поэтому стене между природой и культурой суждено итасиб и похоронить гуманизм под своими обломками. Сравнение культурной эволюции с биологической не просто блестящая метафора. Это вопрос научных и социофилософских потрясений. Теперь, когда капиталистическая парадигма приближается к своему концу, статический/механический/ньютонский взгляд на общество, культуру и экономику ослабляет свою железную хватку. Физика, и Ньютонова физика в частности, уже не является моделью науки. XXI век принадлежит биологии. Совершенно новый мир обретает свою форму на наших глазах. Мир, в котором на смену гуманизму приходит трансгуманизм. У генетики есть одно важное свойство, которое вызывает неподдельный интерес: она работает. Достижения последних лет в производстве культурных растений и пород домашних животных впечатляют. Потому уже не приходится всерьез сомневаться ни в ее методах, ни в теоретических основах. Наше знание о природе человеческого вида растет ошеломляющими темпами. Составление генетической карты генома человека, то есть приблизительно 100 000

генов, распределенных в хромосомах, представляет собой химическую формулу человеческого существа. Этот невероятно длинный текст — объемом в миллиард слов, эквивалентный 800 Библиям — не просто доступен для прочтения, что дает нам детальную информацию о нашем прошлом и будущем, его даже можно редактировать! Располагая знаниями о своих генетических предпосылках, люди могут впервые за всю свою историю планировать свою жизнь, исходя из подлинно базовой информации. Они могут выбирать наиболее подходящую карьеру и образование, планировать рождение детей от наиболее подходящего по генному набору партнера, решать не употреблять вредные продукты и т. д. Власти и работодатели получают доступ к инструментам безупречного тестирования работников и служащих. Таким образом меритократия, по меткому замечанию шведского биолога Торбьорна Фагерстрёма, материализуется в принципиально новой форме 'генократии'. Подобное развитие событий, конечно, вызовет определенный протест, не в последнюю очередь со стороны классических гуманистов, для которых оскорбителен сам факт, что врожденные способности людей будут сравниваться и ранжироваться. Но трудно будет оспаривать 'естественность' такого процесса. Что может быть более естественно, чем сравнение и ранжирование — ведь в этом заключен естественный отбор, а какой принцип селекции может быть более естественным, чем генетический? Развитие будет безостановочным, по той простой причине, что этот инструмент реально работает, и принцип 'человек на своем месте' чрезвычайно ценен для всех заинтересованных сторон. Будет провозглашено, что некоторые виды работ настолько важны, что в данном случае цель оправдывает средства. И именно здесь прорвет плотину. Когда табу нарушается в одной области, его невозможно сохранять для общества в целом. Особенно плюархического общества. Связь между сексуальностью и воспроизводством потомства исчезает. Секс становится скорее хобби, проявлением индивидуальности, без каких-либо желательных или нежелательных последствий. Воспроизводство же будет все больше происходить под строгим лабораторным контролем. Кто чей родитель — сложный вопрос в ситуации, когда половые клетки, которые в принципе могут быть откуда угодно, будут помещаться в искусственные утробы. 'Беременности' станут тщательно отслеживаться. К моменту 'рождения' нежелательные сюрпризы будут значительно реже. В результате манипулирования генами станет возможным уже на эмбриональной стадии избежать возникновения к будущему раковых заболеваний, болезни Альцгеймера, аллергии и целого ряда других. Также в значительной степени будет возможно программировать потомство и даже наделять его качествами, которые мы раньше едва ли расценивали как 'человеческие'. Ход событий ускорится по мере угасания веры в совершенство 'естественного порядка', регулирующего процесс воспроизводства. Методы, применяемые при размножении, на самом деле претерпели существенные изменения в ходе эволюции. Вначале наши предки просто метали икру. Потом они стали откладывать яйца и определять пол будущих детенышей посредством регулирования температуры высиживания. Вообще особое внимание к генам, определяющим пол ребенка, связано с тем, что коль скоро существуют ролевые различия между полами, уже на ранней стадии необходимо сделать правильные поло-ролевые выборы для будущего младенца. Так что единственная эволюционная 'естественная' вещь — это сами изменения. Главный аргумент гуманистов против искусственного оплодотворения и вынашивания состоит в том, что все это расценивается как грубое вмешательство в дела природы. Гуманисты исходят из предположения, что культура и природа — это два совершенно разных явления, противоположных друг другу. Но в информационной парадигме подобное разделение культуры и природы выглядит устаревшим. Культура — это новая версия природы: Природа, 2.0 По-видимому, отмирающие гуманистические институты капитализма будут все сильнее настаивать на введении ограничений применения генных технологий. Будут расти требования установления жесткого контроля со стороны государства и научных экспертов над любыми исследованиями, касающимися всевозможных буржуазных табу. Во многих случаях подобные требования найдут отклик в среде политиков, а в отдельных случаях более или менее серьезные ограничения генетических экспериментов уже введены. Но все это не столь важно. Постоянно ослабевающие позиции государства, по сравнению с растущей силой нетократии и мультинациональных биотехнологических компаний, станут причиной появления непреодолимых препятствий на пути политических методов контроля ситуации. Наиболее

продвинутое генетическое исследование уже протекает в тиши закрытых от постороннего глаза лабораторий в законспирированных частных владениях. Помимо всего прочего, иудео-христианские представления Запада о святости уникальной личности не являются универсальными. В других частях света, например, в Азии, взгляд на эту проблему значительно менее сентиментальный, так что исследования протекают практически беспрепятственно. Процесс акклиматизации общества едва ли обойдется без потрясений и конфликтов. Радикальные новшества в области медицины всегда вызывали ожесточенные дискуссии и встречали сопротивление со стороны групп, чей моральный авторитет подвергался угрозе. К примеру, пересадка роговицы глаза. Когда стало возможным спасти зрение с помощью роговицы, взятой у только что умерших людей, сопротивление было сильнейшим, и метод был запрещен в Великобритании и в ряде других стран. Его называли неэтичным из-за использования органов мертвых тел. Эти тела в одно и то же время называли и священными, и нечистыми. Сегодня такая операция — рутинная процедура. По мере того, как распространение информации о методе постепенно преодолевало моральные предрассудки, спасение зрения стало более важным делом, чем охранение святости трупов. В обществе, где нет центрального органа, регулирующего нравственность, даже парламента, развернется молчаливая борьба между заинтересованными группами за влияние и право определять допустимые нормы и практики. То, что неэтично сегодня, завтра будет принято повсеместно. Несмотря не на что, люди будут стремиться все более широко применять достижения медицины в целом и генных технологий, в частности. В один прекрасный момент они смогут согласиться и с использованием искусственно выращенных органов с использованием биоматериала, взятого у свиней, если они или кто-то из близких будут отчаянно нуждаться в этом. И если у людей есть возможность выбора, они всегда предпочтут иметь заведомо здоровых детей, без предрасположенности к раку, к примеру. Прагматизм руководит этикой врачевания, а не наоборот. Этика нетократии — это гипербиологический прагматизм. Трудно представить, как люди вообще могли бы выбирать, не имея самой возможности выбора. С исторической точки зрения, запрет на выбор применим только в рамках исключительно жестких религиозных сект (например отрицание электричества сектой амиш¹). Этого просто нет в наших генах, что ясно демонстрирует вся история науки. Мы любопытны от природы и исключительно приспособляемы. На основе накопленной информации уже сейчас мы вплотную подошли к возможности создания наших собственных трансгенных клонов, идентичных нам во всем, кроме того, что мы желали бы изменить: без близорукости, облысения, да всего чего угодно. Эти слегка отредактированные копии могут даже выступать в роли живых хранилищ резервных органов на тот случай, если нам вдруг понадобится свежая, не затронутая воздействием алкоголя печень. Потеря любой центральной власти делает все это вполне возможным, даже если большинство граждан и выступали бы против клонирования. В информационном обществе правит не тот, кто голосует, этот, кто потребляет — идея, предложенная зоологом Маттом Ридли. Это то, что произошло с искусственным оплодотворением. Как только выяснилось, что имеется значительное число бездетных семей, которые жаждут иметь детей и могут щедро оплатить свое счастье, как возможность появилась. Сегодня зачатие в пробирке — рутинная процедура. Ближайшее будущее готовит нам целый ряд подобного 'нетократического способа принятия решений' — вне политической системы, вне влияния большинства. Главное в этих быстрых изменениях то, что концепция 'естественного', природного все больше теряет свое значение. Чем больше мы узнаем об истории нашего биологического и культурного развития и устройстве человеческого общества, тем очевиднее представляется искусственным противопоставление природы и культуры, ранее казавшееся очевидным. Природа и культура есть две безумно сложные системы управления информацией. Обе подчиняются одному и тому же закону: закону естественного отбора. Обе демонстрируют одну и ту же внутреннюю логику: движение от простого и частного к еще более сложному взаимодействию во все большем масштабе. При новом взгляде на мир, быстро обретающем форму, и здесь речь не идет об объективной истине, именно новая парадигма определит, в конечном итоге, как следует думать: природа и культура — это две взаимодополняющие стороны одного и того же — эволюции. В начале Земля была чем-то вроде энергетического раствора, в котором простейшие клетки, прапраматери нынешних клеток, дрейфовали и размножались. Первый шаг на пути к

кафедральным соборам и струнным квартетам был совершен, когда произошла встреча между некоторым количеством этих клеток и тем, что можно назвать паразитом, бактерией, дальним предком известной ныне митохондрии (организма, который управляет клеточным метаболизмом). Встреча вышла не так чтобы очень теплой: и те и другие стремились друг друга съесть, но в равной степени были друг другу не по зубам. Так или иначе, их противостояние закончилось сотрудничеством, к выгоде обеих сторон, появлением нового типа клетки, в которой разные ее части выполняли разные задачи. Такая клетка, практикующая внутрифирменное разделение труда, стала предпосылкой для появления еще более сложных многоклеточных организмов, в которых теперь уже разные клетки выполняли разные роли. С тех пор процесс естественного отбора невероятно медленно, но настойчиво, создавал все более сложные формы сотрудничества между клетками, избавляясь от конкурентов, которые были менее прочны настроены на сотрудничество. Предпочтительными были гены, наиболее подходящие для интегрированного взаимодействия. Растущая специализация и координация привели к существенному росту производительности. Вместе клетки стали 'разумными'. Они постепенно превратились в то, что биолог Ричард Доукинс назвал 'машинами по выживанию' — все более совершенными живыми существами, которые целенаправленно вели себя разумно в определенных обстоятельствах, например при поиске более теплых мест перед угрозой похолодания. Но, как известно любому бизнесмену, размер — это еще не все. Чем больше организм, тем больше энергии тратится на поддержание координации, вот почему естественный отбор всегда щепетильно относится к сравнительному 'взвешиванию' организмов. Поэтому увеличение размеров не является таким уж очевидным решением проблемы выживания в суровых условиях. Это объясняет, почему сотрудничество между клетками приняло другие, более изощренные формы сотрудничества между отдельными людьми, школами, группами людей и обществами. Общество, которое заботится об интересах своих членов, благоприятствует развитию генов, вовлеченных в координацию на самом высоком уровне, таким образом повышая возможности их выживания и воспроизводства. Модель истории аналогична: один плюс один равняется больше, чем два. Сотрудничество приносит пользу всем участвующим. Естественный отбор предпочитает людей и общества, которые умеют играть в игры 'с ненулевым результатом' (в противоположность играм с нулевым результатом). Когда кочевые племена охотников и собирателей осели на земле и стали ее совместно обрабатывать, предпосылки для 'ненулевой игры' улучшились. Со временем развитие вышло на конструктивную спираль: технологический и экономический прогресс приводит к росту населения, что, в свою очередь, означает лучшие условия для дальнейшего технологического и экономического прогресса. Развитие центров с высокой плотностью населения — городов — стимулирует развитие рынка, и экономическое развитие еще более ускоряется. Связи между городами приводят к возникновению еще более сложной системы взаимодействия. Благодаря технологическим прорывам люди все далее раздвигают границы возможного и развивают все более продвинутое формы взаимовыгодного сотрудничества. Но у каждой силы есть ей противодействующая. История демонстрирует сложное взаимодействие 'нулевых' и 'ненулевых' игр. Все эти многочисленные разрушительные войны с бесчисленными человеческими жертвами есть не что иное, как печальные примеры 'нулевых' игр, если не сказать 'игр с отрицательным результатом'. То, что кто-то выигрывает, кто-то проиграл, при этом огромное количество ресурсов тратится впустую. При этом конечный результат зачастую положительный. Угроза войны объединяет общество и ведет к возникновению союзов с другими обществами, как, к примеру, образовался союз греческих городов-государств в 480-479 годах до нашей эры перед угрозой персидского завоевания. Журналист Роберт Райт, который написал 'Не ноль', одну из тех книг, в которых биологически обусловленный мир проявился наиболее вразумительно, предположил, что у войны есть эффект коагуляции, вынуждающий людей к естественной солидарности; война создает внешнюю угрозу, приводящую к разнообразным формам тесного сотрудничества. Этот тезис проходит параллельно с мобилистической идеей о том, что наше понимание неизбежности смерти и борьба против болезней и старения являются центральным звеном нашей самоидентификации. Переходная ситуация между старой и новой парадигмами выглядит двусмысленно. С одной стороны, разрушение государства приводит к образованию все большего числа субкультур, 'племен' с

более узкой идентичностью и лояльностью. С другой, приходящее в упадок государство заменяется надгосударственными образованиями в политике, экономике и культуре. С одной стороны, фрагментация, с другой, интеграция. Райт называет это явление 'фрагментацией'. Информационные технологии неуклонно гнут свою линию по направлению к сотрудничеству и 'ненулевым' играм. Различные группы населения в борьбе за право иметь большую свободу самоопределения вступают во взаимодействие с подобными им группами в рамках всемирной электронной сети. Стратегия изоляции не имеет будущего. В виртуальном мире противостояние между локальным и глобальным представляется мнимым. По мнению Райта, нынешняя ситуация выносит на повестку дня старую как мир идею создания глобального государства. Конечно, что справедливо для эволюционного развития общества и культуры, то, по убеждению Майкла Ротшильда, справедливо и для развития экономики. Рыночная экономика является 'естественной': бесплановая, но все еще прекрасно структурированная экологическая система находится в состоянии постоянных перемен. Равновесия не существует, как нет и остановок в пути. Законы естественного отбора работают и здесь, поощряя в первую очередь тех, кто наиболее искусен в ведении 'ненулевых' игр и построении стратегических альянсов. Плохо организованные компании, не способные к усвоению новых знаний и, стало быть, к конкуренции по существующим в их конкретных нишах правилам, отсеиваются, освобождая место для новых игроков. Даже потребление предметов роскоши подчиняется эволюционной логике: более сексуальные люди, по определению, более удачливы в поиске партнеров, а в природе сексуальность обычно ассоциируется с наличием массивных рогов и яркого оперения, то есть экстравагантной тратой ресурсов. Рациональность не всегда рациональность, так же, как эффективность не всегда эффективность в привычном понимании, что в природе, что в культуре. Об этом, пусть несколько в иной форме, свидетельствует 'эксклюзивное' потребление нетократов, для которых потребление есть способ проявления статуса, разновидность соблазнительного искусства. Складывается своего рода трансрациональная экономика, движимая интуицией и стремлением к демонстрации избыточности ресурсов. Экономика, которая своей жизнерадостностью и стремлением перешагнуть через рациональность способна свести с ума финансистов, получивших классическое образование, и биржевых аналитиков. Это значит, что мифическая концепция 'новой экономики', такая как 'глобализация', представляет собой в действительности две разные вещи. Во-первых, это старая экономика в совершенно новом свете, в которой, в результате смены парадигмы, все прежние модели и мыслительные процессы заменяются новыми. Новые модели, сконструированные на основе новых идей, должны быть значительно более точными, чем прежние. Во-вторых, новая информационная технология предоставляет всем желающим возможность участвовать в 'ненулевых' играх совершенно нового типа. Сотрудничество принимает неожиданные формы, совершенно новые типы информации становятся ценными, и новые стратегические альянсы становятся все более интенсивными и проникающими повсюду. Производители, дистрибьюторы и покупатели все более тесно связаны друг с другом в электронные сообщества. Подлинное понимание первого феномена рассеет замешательство, связанное со вторым. Власть в информационном обществе в итоге окажется у тех, кто поймет и справится с замешательством.

ГЛАВА VIII. КОНВУЛЬСИИ КОЛЛЕКТИВИЗМА СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА И ВИРТУАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ

Одним из следствий революционных открытий в генетике и усиливающегося влияния биологии стала полная 'релятивизация' понятия 'индивидуум', преобразующая его из абсолютной ценности в относительную. Если под индивидуумом мы понимаем контроль в последней инстанции, буквально неделимое, то индивидуум все больше выглядит, как полная иллюзия. Анализ взаимодействия тела, мозга и генов в разных ситуациях обнаруживает, что нет никакой контролирующей инстанции. Гены запускают разные химические реакции, но в свою очередь гены активируются мозгом, чьи решения сами по себе есть инстинктивные реакции на внешние стимулы, воспринимаемые телом. Можно сказать, что решения принимает ситуация, но поскольку мы сами есть часть ситуации, то неизбежно вовлекаемся в цепь обратной связи

без начала и конца. Никто ничего не решает! То, что мы обнаруживаем на месте индивидуума, которого считали существующим, это некая турбулентная рыночная экономика в микроформате, на которую влияет множество меняющихся факторов и противодействующих сил. Неопределенность и изменчивость природы субъекта перестают в нетократическом обществе быть достоянием философии и становятся важной и осязаемой частью повседневной жизни обычного человека.

Одним из основных условий обладания властью является доступ и контроль над информацией. При феодализме власти жестко контролировали распространение информации. Сфера социального взаимодействия среднего человека с окружающим миром на протяжении жизни была строго ограничена количеством прихожан местной церкви или участников сельских празднеств. Торговля была ограничена, связи с другими областями незначительны, а новости извне — дозированы и лимитированы. Представителя церкви и аристократии владели относительно большими потоками информации, по мере необходимости наделяя низшие классы её тщательно выверенными порциями в форме проповедей и королевских указов, умело приспособленных для защиты интересов элиты. Новости доходили до деревни через отработанные каналы и потому подвергались жесткой цензуре в 'информационных отделах' монастырей и феодальных замков. Делалось все возможное, чтобы заглушить неизвестные источники информации и заклеймить их как преступные; бродяги и путешественники, существовавшие во все времена, невзирая ни на что, расценивались не иначе как бандиты, преступный сброд, и они сохранили этот ярлык в исторических книгах капиталистической эры. Враг был, по определению, странным, а странники, по определению, — врагами,

Путешественникам позволялось быть лишь простыми ремесленниками и скоморохами, они могли делать украшения или исполнять музыку на сельских ярмарках. Но они не были благонамеренными членами сельской общины. У скитальца не было никаких прав, в принципе, и он был во власти прихотей местной аристократии и церковных властей. Наличие постоянного места проживания было абсолютно необходимым требованием для вступления в брак — обряда, которым общество санкционировало размножение. Человек вне сельской общины не представлял никакой ценности. Не было худшего наказания для солдата, отказавшегося защищать свою деревню от злобных варваров, чем угроза отлучения, причем не только от общины (исходившая со стороны аристократов), но и от царствия небесного (исходившая со стороны церкви).

С развитием организованной торговли система феодального контроля над информацией пошатнулась, поскольку больше не могла справляться с её нарастающим потоком. Когда связи между городами стали расти, возможности общения для каждого отдельного человека возросло колоссально, что стало первым шагом на пути к капитализму, Купцы городов вокруг Балтийского моря образовали Ганзейский Союз, призванный защищать их общие интересы и способствовать развитию торговли всеми возможными способами. Эта конфедерация стала достаточно сильна, чтобы противостоять датскому королю и охранять, свои торговые пути от пиратов. Итальянские города-государи ни объединились в Ломбардскую Лигу, чтобы выступить единым фронтом против требований оказывать почтение императору священной Римской империи германского народа.

Деревни превращались в города. Урбанизация и усиление власти молодой буржуазии означали, что информация множилась и распространялась в гораздо большей степени, чем прежде, и стала очевидной необходимостью адаптировать властные функции к этим новым обстоятельствам. Феодальные города были полностью окружены стенами и рвами, отчасти для физической защиты от внешнего мира,

О частично для сбора налога за проезд через городские ворота. Капиталистические города росли так стремительно, что подобные формы разграничения пространства стали бесполезны. Спорно, можно ли говорить о развитии городов, в привычном понимании этого слова, до раннего капитализма; даже императорский Рим большей частью состоял из деревенских общин, мало связанных друг с другом.

В результате этих перемен городские правители перестали попадать неограниченной властью на четко обозначенном пространстве. Наступление капитализма стало географически ощутимым в тот момент, когда городские стены перестали служить барьером между городом и

деревней.

Притязания на власть капиталистических городов распространялись за пределы самого города на близлежащие окрестности, все дальше в глубь территории, пока не встречались с естественной преградой в виде гор, морей или широких рек. Причина такой экспансии была не только в том, что население городов постоянно росло, но и в том, что оно нуждалось в регулярном снабжении продовольствием, а новые фабрики — в регулярных поставках сырья в значительно больших количествах, чем было необходимо ранее для функционирования городских рынков. Таким образом, города постепенно колонизировали прилежащие территории, и на этой естественно сложившейся местности постепенно образовалось единое сообщество, чья идентичность базировалась на внешнем облике, языке, мифологии, символах поклонения и обычаях — более или менее общих для всех его членов. Так образовались современные нации.

Благодаря улучшившимся коммуникациям и быстро растущему юродскому населению, свободному от ограничений региональной преданности, эта новая социальная общность была способна охватить гораздо большие пространства и массы народа, чем раньше. Экспансия — необходимость, но она должна удерживаться в рамках. Как и всем биологическим организмам, нации надо было четко разграничить себя и окружающий мир. Самозащита требует установления закрепленных границ, чтобы было ясно, что именно защищать и не расходовать ограниченные ресурсы на пропитание всего остального мира. Поэтому в интересах нации надо было ясно разграничить, кто есть 'мы', а кто 'они'. Соответственно, и власть над информацией использовалась для этого. Были организованы переписи населения, создан институт регистрации всех оседлых жителей, подтверждавших свою национальность и принадлежность к данной общности. Государство аккумулировало все больше и больше функций, что требовало больше налогов, поскольку растущий административный аппарат поглощал еще больше ресурсов. В результате, усиливалась власть государства.

Крепнущая буржуазия быстро растущих городов стремилась охватить влиянием близлежащую сельскую местность, чтобы обеспечить поставки сырья и защитить свою власть. Для этого буржуазия использовала свое новое положение, чтобы уменьшить власть сельских правителей — аристократии. Невзирая на формальную конституцию, государство отняло у монарха и аристократии право взимания налогов, перенес 'налоговые ворота' от городской стены к государственной границе. Нация заменила город в качестве географической основы гражданства, что подтверждалось высшим символом капиталистической идентичности — паспортом.

В новом географическом образовании власть была в форме централизованной системы, то есть все полномочия исходили, а вся информация сходилась в одном четко определенном месте — столице. Эта организация власти и образ центра, окруженного провинциальной периферией, наложили свой отпечаток и на образ мышления того времени, на представление об обществе и мире. Моделью по-прежнему был христианский рай с Господом Богом и его ангелами. Слово 'капитализм', так же, как и английское слово capital (столица), происходит от латинского caput (голова). Столица и есть глава всей нации, источник законов и центр информации, а также символ всех ценностей, вокруг которого нация консолидируется.

Новая эпоха нуждалась в новом человеке, новом идеале, адаптированном к потребностям государства и рынка. Феодалный крестьянин, терпеливо возделывавший свои поля и ожидавший Господней милости, был слишком пассивен и интеллектуально неповоротлив, и потому совершенно невосприимчив к пропаганде новой эпохи. Скоро на свет появилась целая серия новых понятий, формирующих основу для самоопределения новой личности: нация, раса, гражданство, налог на прибыль, образование, умственное заболевание, преступность, иностранец. Все вместе это образовывало 'общую основу', цементирующую национальное государство. Буржуазия стала всеми доступными средствами охранять свою только что завоеванную монополию на информацию.

В соответствии с этой моделью, предполагалось, что граждан необязательно запугивать, чтобы заставить встать на защиту своей страны. Напротив, чувство национальной принадлежности и ценности, которые оно содержало, должны выглядеть настолько значимыми, что все без колебаний возьмется за оружие, как только национальной независимости будут

угрожать враждебные происки соседних народов. В результате, значительная энергия тратится на производство националистической культуры посредством мифологизации происхождения нации и романтизации ее истории. Поэты взывали к героическому прошлому. Предполагалось, что традиции государства тесно привязаны к его географическому положению, образуя священный симбиоз. Так складывался миф о происхождении нации. Но в то же время это требовало демонизации внешнего мира. Чувства, пропагандируемые по отношению к другим национальностям, были смесью страха и отвращения. Самая суть национализма базируется на дистанцировании и презрении ко всему иностранному и неизвестному. Путаная расовая биология была одним из совершенно логичных следствий этого — маниакального стремления эмпирически подтвердить свое превосходство, что возвеличило бы национализм и возвело национальное гражданство в ранг чего-то священного и возвышенного. Кроме того, у расизма была еще одна привлекательная функция. Национализм в одиночку мог вызывать подходящих лимонов во время войн и конфликтов с соседними странами. Но благодаря расизму демоны вызывались и в мирное время в качестве внутренних меньшинств с физическими недостатками или отклонениями от культурной традиции, как например евреи или цыгане, и притеснению этих групп можно было придать законный характер. Таким образом, национальное государство обеспечивало себе наличие демонов и козлов отпущения, на которых можно было списать все проблемы.

Роковые последствия этих централизованных механизмов национализма стали началом его ускорявшегося упадка и неизбежного конца, очевидного для позднего капиталистического общества. Человеку присущ вечный поиск чувства принадлежности к чему-нибудь, и после II мировой войны, особенно с развитием поп культуры в масс-медиа, а затем с появлением электронных 'племен' интернета, появились достойные альтернативы национализму. В информационном обществе виртуальные субкультуры заменяют собой и феодальные деревенские общины, и капиталистические национальные общности в качестве способа социальной самоидентификации. В таком обществе вряд ли кому-то придет в голову умереть за свою страну. Государственные границы, а вместе с ними и их физические защитники — военные организации — исчезают. В виртуальном мире устанавливаются новые границы между социальными группами не менее серьезные, чем прежде.

Тем более интересно отметить, что наиболее упорные, крайние националисты — неонацисты Западной Европы, фашисты, сражающиеся за региональное самоопределение в Восточной Европе, изоляционисты и исторически идеализированные фундаменталисты Северной Америки, Восточной Азии и Ближнего Востока, то есть те, кто из преданности все еще крепко сжимает знамя расизме — единственные группы, преуспевшие в построении функциональных электронных сообществ исключительно по национальному признаку. Это — проявление фрагментации (см. предыдущую главу). Строго дисциплинированные и организованные субкультуры продвигают свои интересы с помощью стратегических альянсов в Сети с себе подобными. Все более 'мягкие' формы национализма — флаги, традиции, вся эта национальная гордость — наоборот, не имеют площадки в виртуальном мире, и потому не имеют будущего в информационном обществе. Границы национального государства сегодня так же не нужны, как и при прорыве капитализма. Кроме того, дезинтеграция национального государства усиливается и ускоряется, когда его институты беспомощны в осуществлении контроля и, более кип, сбора налогов в условиях 'новой экономики'.

Следствием такого развития стала острейшая проблема — постоянный подрыв авторитета государственных институтов. Когда иконы в ключевых областях жизни не подкреплены никакой властью, но чрезвычайно снижает уважение граждан к законодательному и репрессивному аппарату государства. Особенно это касается тех групп, чье экономическое положение и статус выиграли в результате монологического развития. Те же, кто мертвой хваткой цепляется за обломки государства, частично представляют прежний правящий класс, осознающий, что вместе с государством исчезают его положение и прежние привилегии, а, частично, из представителей нового низшего класса, которые понимают или чувствуют, что текущие перемены не сулят им ничего хорошего.

С другой стороны, нетократам государство со всеми его ограничениями в основном представляется иррациональным, но преходящим источником раздражения, препятствующим

передвижениям в глобальной деревне. Пережитки национализма, по мнению нетократов, — постыдная болезнь, от которой давно пора излечиться — разновидность умственной отсталости, удерживающая старый правящий класс в состоянии бессилия и упадка, а низший класс — неизменно подчиненном положении. Короче, вид эпидемии, иллюзия, бороться с которой — акт милосердия. Для нетократов поднятие национального флага есть оскорбительный пример вульгарности и дурного вкуса. Это, конечно, не мешает новому высшему классу использовать любые возможности для создания символов и торговых марок в интересах своих электронных сект, подчас, в форме все тех же устаревших национальных флагов. Доменный адрес Советского Союза, .su, был, к примеру, одним из самых популярных интернет-адресов среди нетократов после распада СССР

Полиция и судебная система оказываются все более беспомощными перед лицом растущего числа электронных преступлений, глобальной сетевой мафии, мотивацией для которой скорее является создание самости и повышение статуса в своей группе, чем экономическая выгода. Это приводит к росту выступлений в пользу наделения органов правопорядка все большими ресурсами. Как государственные налоговые органы оказываются в безнадежно подчиненном положении сравнительно с мобильной нетократией, контролирующей взламывающую границы виртуальную экономику, так и полицейские силы пасуют перед преступностью, которая вообще не имеет определенной географической привязки.

В то же время быстро рушится буржуазная семья: когда промышленное производство резко сокращается в пользу информационного менеджмента и сектора услуг, условия на рынке труда меняются. Появляется избыток низкоквалифицированной рабочей силы; одновременно открываются богатые возможности для женщин, что в свою очередь наносит серьезный ущерб и без того испытывающей давление семье. С начала 1960-х число разводов на Западе растет постоянно. Все это ведет к серьезному кризису в информационном обществе. Высвобождается огромное количество ничем не связанной социальной энергии, когда разрушаются общественные институты старой парадигмы и исчезает сама основа социальной идентичности большинства людей.

В эпоху раннего капитализма параллельно с развитием столичных центров развивалась городская культура другого типа, американский философ и историк Мануэль ДеЛанда назвал ее метрополией, — форма города, возникновение которой возможно только при капитализме. В отличие от столиц, метрополии не были центрами нации, ни культурными, ни экономическими, ни политическими. Напротив, они располагались на морских побережьях, в местах схождения важнейших морских трасс, и потому во многих отношениях оказывались изолированными от остальной нации. В то время как столица черпала рабочую силу и ресурсы в окружающей ее сельской местности, метрополии наживали богатство на международной торговле, на ввозе сырья и товаров из других стран и из других метрополий. Эти независимые морские порты стали перевалочными пунктами важнейших транспортных путей, через которые проходили огромные количества людей, товаров, предметов роскоши, в которых так нуждались столичные города и другие государства. Сила метрополий основывалась не на контроле над территориями, а на контроле над товарными и финансовыми потоками.

Столицы и метрополии в капиталистическом обществе выполняли совершенно разные функции. В то время как столица воплощала саму власть, метрополии были в известной степени свободны от ограничивающих законов и правил. Поэтому метрополии стали центрами разнообразных видов деятельности и явлений, которые рассматривались правителями государства и националистическими пропагандистами как сомнительные, сточки зрения морали, и опасные для общества. Это могло быть ростовщичество, проституция, работорговля — все, что в позднем средневековье считалось подозрительным. По этой причине метрополии стали ареной для всякого рода экспериментов по части стилей жизни и образов мысли, потому что обладали степенью свободы, немислимой для самого государства. В метрополии гонимые и ненавидимые находили убежище. Люди приходили и уходили — это не только позволялось, но и в точности соответствовало идее метрополии. Контролю уделялось меньше внимания, и со временем развился кочевой стиль жизни, а охота к перемене мест стала стилистическим идеалом метрополий.

Мобильность в метрополии была слишком высока, чтобы в ней могло действовать

правило 'большинства', представлявшего какую-то групповую целостность. Мобильность и разнообразие привели к выработке гибкой политической структуры, характеризующейся временными альянсами между различными группировками. Политика была направлена на поиск функциональных компромиссов, а не на достижение консенсуса относительно идеологии. Государства, ориентированные на торговлю и плюрализм, например Швейцария и Нидерланды, развили относительно пассивные и прагматичные политические институты в стиле метрополии, в отличие от централизованных. Важно отметить, что в таких государствах, а равно и во всех чистых метрополиях, никогда не случалось массовых революционных выступлений, которые периодически сотрясали все государство о чрезмерной центральной властью. Это подтверждает наш тезис о том, что идея политической революции является частью капиталистической идеологии, этого симбиоза этатизма и национализма, а не аномалией или зловещим предзнаменованием.

Благодаря тому, что столица взяла на себя задачи создания и управления национальным государством с его бюрократическим и военным аппаратом, метрополии могли сосредоточиться на торговле, мореплавании и завоевании колоний. Такое сотрудничество и разделение труда шло на пользу обеим сторонам. Метрополии отвечали за международные связи: они воспринимали, перерабатывали и пересылали сигналы внешнего мира и благодаря своей банковской системе обеспечивали движение денежных средств, необходимое для экспансии капитализма. В обмен на товар первой необходимости и рабочую силу метрополия снабжала с ижицу колониальными товарами — тканями и специями. Помимо этого, метрополии под эгидой государства основывали на отдаленных землях колонии и концессии, примером чего могут служить те монополистические торговые компании, что действовали под европейскими флагами в восточной части Азиатского континента. В награду за то, что торговые компании метрополий поднимали государственные флаги на новых территориях, что зачастую приводило к образованию там новых метрополий, таких как Гонконг, Макао, Сингапур и Гоа, метрополии обладали неограниченной свободой в освоении неисчислимых колониальных богатств и развивающихся рынков.

Поскольку такое сотрудничество было выгодно обеим сторонам, между метрополией и столицей развивалось сотрудничество к виде 'ненулевой' игры — вид симбиоза. Между двумя типами городов происходило интенсивное сообщение, шел обмен не только товарами и услугами, но также идеями и людьми. Столица олицетворяла политическую и военную силу: регистрация, каталогизация и выработка законов, а также идеология коллективной принадлежности. Метрополии вносили свой вклад в развитие финансовой системы, торговли, культуры и искусства, духа индивидуализма и предпринимательства. Следует помнить, что вплоть до конца XIX века прирост населения в основном обеспечивался за счет сельской местности. В городах властвовали вирусы и бактерии, избавлявшие города от перенаселения. Эпидемии, регулярно пронесившиеся по миру, приносили значительно больший ущерб городам из-за высокой плотности населения и более низкого уровня гигиены и санитарии, чем в сельской местности. Поэтому ее роль, помимо снабжения сырьем и продовольствием, состояла еще и в снабжении городов все новой и новой рабочей силой.

Столица выполняла связующую, стабилизирующую функцию, тогда как метрополия проповедовала открытость, свободомыслие и дух экспериментаторства, что временами было чистым безрассудством. Помимо конкретных экономических выгод от сотрудничества, они всегда тонко использовали друг друга: помогали создавать внутреннюю сплоченность, представляя другого в образе врага. Национал-идеологи и моралисты могли приводить метрополию в пример как воплощение аморальности и коррупции. В ответ другая сторона культивировала образ столицы как средоточие нетерпимости и подавления, что позволяло удерживать население в рамках местной иерархии, на благо политической и экономической независимости от центра. У столицы и метрополии не было реальных причин всерьез противостоять друг другу. Их противоборство носило характер символический и театрализованный, имея целью лишь дальнейшее укрепление власти обеих сторон.

Мы описали типы городов как чисто теоретические оппозиции. Поэтому следует отметить, что великие города мира, получившие развитие при раннем капитализме, имели признаки и столицы, и метрополии. Но даже когда оба стиля взаимодействовали в пределах

одной и той же территории и были, по сути, 'вплавлены' друг в друга, различия все же были. Центральная площадь и здание городского парламента вместе с промышленными окраинами представляют столицу. Район гавани со всеми его более или менее греховными развлечениями и артистические районы представляют метрополию. В этих 'плавильных котлах' существовали как физические, так и ментальные барьеры между двумя типами структур, иногда труднопреодолимые. Примерами таких городов-гибридов являются Лондон, Санкт-Петербург, Нью-Йорк и Буэнос-Айрес. Другие города принадлежат, с исторической точки зрения, к какой-то одной категории.

Париж, Мадрид, Берлин, Москву и Пекин можно назвать типичными столицами, а Венецию, Амстердам, Сан-Франциско, Шанхай и Гонконг — типичными метрополиями.

Если связать это с тем, как увеличивается область социального взаимодействия среднего человека на протяжении его жизни, от сельской церкви до городской толпы, нам, возможно, удастся прийти к определенным выводам о том, как изменятся властные структуры и механизмы контроля при переходе от капитализма к информационному обществу, поскольку с развитием глобальной электронной сети значительно расширится область социального взаимодействия отдельного человека.

Один из примеров того, как с приходом информационного общества разрушается 'естественная' связь между городом и деревней: город все больше требует от деревни встать на собственные ноги после двух веков субсидирования. Государство, необходимое для процветания столицы, теперь стало обузой, неоправданным расходом. В информационном обществе горы и океаны больше не нужны в качестве 'естественных' границ и защиты от окружающего мира, а только как курорты. Сырьевая составляющая большинства товаров и услуг все время снижается, вместе с ней снижается и значение роли окраин в снабжении столиц деревом и рудой, в то время как ценность нематериальных продуктов — идей, дизайна — растет с космической скоростью.

Прирост населения теперь обеспечивается за счет больших городов, а число сельских жителей, несмотря на честолюбивые программы местных политиков, неумолимо сокращается. Война за долю рынка между городами ведется не с помощью оружия на земле и на море, а с помощью информационного менеджмента в виртуальном пространстве. В этих новых обстоятельствах столицы и метрополии все более удаляются друг от друга. Значение столиц падает, тогда как метрополии с их процветающими банками знаний, их подвижностью и способностью создавать не знающие границ альянсы, становятся прототипом урбанистического идеала новой эпохи. Зависть столицы в отношении подвижности и независимости метрополий лишь ускоряет распад национального государства.

Неслучайно самые ярые поборники государства ныне — это жители сельских районов, которым есть что терять, когда сильное государство слабеет и больше не может выполнять свои обещания. Не имея реальных доводов, регионы вызывают к сочувствию всего мира в надежде на компенсацию за столетия их безжалостной эксплуатации. Потому снижение гигантских субсидий, с помощью которых развитые страны поддерживают жизнь в провинциальных областях, как правило, является камнем преткновения в международных переговорах о развитии свободной торговли. Но у столицы нет выбора. Беспощадная конкуренция между метрополиями всего мира заставляет столицу избавляться от своих обременительных обязательств по отношению к нации в отчаянной попытке самой превратиться в метрополию.

Результатом становится денационализация информационного общества: ускоренное разрушение национального государства, что-то вроде глобальной перестройки национализма. Процесс углубляется, ибо при капитализме решения принимаются с помощью выборов, а большинство избирателей проживают в крупных городах; напротив, информационное общество контролируется с помощью разного рода сетей и связей, в развитии которых население метрополий добросовестно практиковалось веками. Сдавленная в тисках властных структур двух парадигм провинция не имеет шансов.

Даже демократия не может спасти сельские субсидии надолго, поскольку сельский электорат представляет группу, мнением которой легко пренебречь. С уменьшением налоговых поступлений вследствие экспансии виртуальной экономики городское население станет использовать свое большинство, чтобы голосовать за прекращение дальнейшей помощи

деревне, которая будет, наконец, деколонизирована и предоставлена самой себе.

Даже военные покидают сельскую местность в конце эпохи капитализма, что можно объяснить только тем, что территорий, которые было бы необходимо защищать, не осталось, как и собственно желания защищать. Территория сократилась до области экологической политики. Измеряется уровень концентрации диоксида углерода, кислотное содержание водоемов нейтрализуется, и ведутся дискуссии по поводу того, нужно ли заново высаживать леса (чтоб было как при феодализме), и кто будет за это платить, или оставить всё как есть {как при капитализме}. Вопрос, чей флаг развивается по ветру в той или иной удаленной части страны, — больше не причина бессонницы столичного жителя. В информационном обществе ведущие столицы мира не будут соревноваться в том, кто контролирует самую большую территорию. Напротив, они будут стараться избавиться от ответственности за судьбу как можно больших территорий, чтобы справиться с собственными трудностями и догнать ведущие метрополии мира. Такая тенденция наиболее заметна в Европе и Восточной Азии, поскольку там ситуация усугубляется снижением рождаемости.

Вследствие этих коллективных конвульсий неизбежно радикально изменятся представления человека о самом себе. Прорыв информационного общества означает, что идея эпохи Просвещения о совершенном человеке как замене Бога и связанная с ней идея осознания своего 'истинного я' уйдут на покой. Взамен появляется идея освобождения тела от предопределенности — возможность смены идентичностей, похожей на смену одежды в зависимости от ситуации и контекста. Человек окажется в состоянии постоянного становления, исключительной восприимчивости к новым веяниям и постоянной переоценки ценностей без четко определенной цели. Смысл не в том, чтобы достичь какого-то конечного результата благодаря упорству и дисциплине, а в том, чтобы сохранять и, ж можно больше возможностей. Мы говорим здесь, по меткому замечанию Делёза, не об индивидууме, человеке неделимом, а об дивидууме, человеке делимом. У этого дивидуума не одна идентичность, а несколько, да и те бесконечно делимы. Это соотносится с тем биологическим фактом, что внутри человека невозможно обнаружить какую-либо единую контролирующую инстанцию. Человек — это просто место встречи массы противоречивых сил и стремлений, не имеющее центра.

Технический прогресс приводит к навязыванию человеку новой мобилистической идентичности, выбивающей опору из-под ног тотализма. В Сети идентичность человека будет проявляться только в текущем контексте с тем, чтобы в следующий момент претерпеть захватывающие дух изменения. Индивидуум, человек цельный, уходит прочь, прикованный к своему единообразию, как к тяжелому рюкзаку, на его место приходит дивидуум, человек многоликий. На первой стадии человек многоликий перестанет стараться быть человеком, на второй для него станет невозможным стать человеком снова, как бы он этого не хотел. Эта новая свобода и привлекает, и пугает одновременно, но она неизбежна. То, что мы описываем — это виртуальный субъект плюрархического и, соответственно, постмодернистского общества, в котором каждый решает за себя, и ни у кого нет возможности принимать решения за других во имя большинства.

Было бы большой ошибкой путать плюрархию с чем-либо, напоминающим анархию. Плюрархия — это не то же самое, что отмена правил, где каждый делает, что заблагорассудится. В плюрархическом обществе скорее больше правил и законов, чем при демократии, и они значительно более запутаны, абстрактны, и в большей степени скрыты и неоспоримы. Однако плюрархические правила игры не устанавливаются политическими или юридическими институтами государственного толка: суды и парламенты скоро увидят, как обесценятся их власть и статус. Правила игры в сети будут построены на принципах меметического дарвинизма, замысловатой системы — сетикета (*netiquette*), и именно это характеризует строгую этику информационного общества и быстро займет место законов и правил капиталистической парадигмы.

Эти правила по природе своей не могут быть неизменными. Как и все прочее в информационном обществе, их необходимо постоянно обновлять, поскольку сложный контекст, в котором они применяются, непрерывно меняется. Поэтому сетикет должен пониматься как 'живой' документ без определенных границ, этакий квази-юридический организм в вечном движении, сеть внутри самой Сети, которая формирует и в то же время

отражает культурные ценности и идеологию. Преступления против сетикета не будут наказываться подобно преступлениям, существовавшим при старой парадигме, — тюремными приговорами или принудительным содержанием в других учреждениях, а также денежными штрафами. Подобное наказание вряд ли будет признаваться в обществе, в котором жизнь в основном протекает внутри Сети.

Вместо этого нарушителей сетикета будет ожидать виртуальное заключение — исключение из жизненно важных сетей. Подобно нарушителям законов кочевого племени или феодальной деревни, любой, нарушивший нормы электронного 'племени', будет наказан исключением из группового сообщества, что приведет к драматической утрате социальной идентичности. В незначительных случаях, возможно, будет достаточно пострадать какое-то время от сетевой бойкота, но более серьезные преступления или их рецидивы будут приводить к полной сетевой изоляции. Эта система наказаний аналогична травме, вызванной вынужденной безработицей и капиталистическом обществе. Добавьте к этому невозможность для безработного найти какое-нибудь другое место работы, и степень эффективности такого наказания станет очевидна.

Роль легального администратора, который будет вправе накладывать наказание и приводить приговор в исполнение, будет принадлежать смотрителю Сети — куратору. Внутри собственной кураторской сети — эквивалента Интерпола в информационном обществе — будет постоянно циркулировать информация о неблагонадежных гражданах Сети. Только при возможности поддерживать конкуренцию между самими кураторами и их сетями плюархия будет функционировать, в противном случае всему виртуальному обществу угрожает олигополия кураторов — виртуальная форма власти меньшинства с ее высокой концентрацией и с высоким уровнем коррупции и произвола.

Но в то же самое время граждане Сети будут в значительной степени контролировать себя, потому что гибкость и адаптивность окупятся в информационной системе наказаний и поощрений. Если обратиться к развитию современного общества, одной из его наиболее заметных тенденций, как обнаружили немецко-еврейский социолог Норберт Элиас и другие, является постоянно увеличивающаяся степень интернализации. Это означает процесс, при котором запреты, вначале устно и письменно объявляемые и соблюдаемые под угрозой жестоких наказаний, со временем становятся все более очевидными репрессии перешли от внешних социальных институтов вовнутрь сознания граждан. Писатели, как например Уильям Берроуз, и философы, такие как Фуко и Делёз, интересовались, как поддержание общественной морали в позднекапиталистический период постепенно превратилось из задачи государственно регулируемой дисциплины во внутренний контроль самих граждан. Одно из следствий этого — прямое применение команд и угроз со стороны государства все больше заменялось педагогическими приемами пропаганды, целью которых было научить граждан быть своей собственной полицией нравов. Общество дисциплины сменилось обществом контроля, пропаганда заменила наказание, и надзор был делегирован самим поднадзорным. Как намного дешевле.

Важным условием существования этого общества контроля было поддержание мифа о Человеке с большой буквы, так что каждый отдельный гражданин осознавал этот идеал, и ему постоянно напоминали о том, что ему не удастся жить в соответствии с требованиями, которые ему предъявляются, и поэтому у него есть все основания, чтобы совершенствоваться. Стать Человеком — так назывался этот проект, длиною в жизнь, который не удавалось завершить никому. Миф о человеке доказал свою невероятную живучесть, что объясняет, почему капиталистическая элита, несмотря не на что, преуспела в удержании власти над обществом, стремительнодвигающемся к плюархии, в котором идеологическая легитимность власти практически выветрилась. Жертвы похищений часто проявляют иррациональные чувства по отношению к своим похитителям — так называемый Стокгольмский синдром — и те же симптомы можно наблюдать среди потребителей эпохи позднего капитализма: загадочная неспособность отказаться от устаревшего и деформирующего мифа о самореализации и поиске своего 'истинного я'.

В конце эпохи капитализма государственные организации и разные исследовательские институты устроили мощные минные поля из тревожных отчетов, в которых с помощью

диаграмм и таблиц иллюстрируется растущее падение нравов. Все — от ожирения и ленивых диетических привычек до чрезмерного просмотра телепередач и отсутствия эмпатии — преподносится в резких тонах, которые становятся только громче в мегафонах масс-медиа. Падение нравов по понятным причинам приписали воздействию интернета. Одна проблема хуже другой, и все они требуют серьезного вмешательства и виде разных информационных кампаний со стороны государственных организаций и исследовательских институтов, которые, соответственно, нуждаются в огромных финансах. Маленький человек, как убедительно показывают все отчеты, все еще не стал достаточно зрелым для выполнения священной задачи по реализации своего 'истинного я'. Потому он нуждается в любящей заботе и опеке. Так была развернута клеветническая кампания, в ходе которой отмирающие институты капитализма — политические партии, психологи, социологи, СМИ, школа и семья — обвиняли друг друга в отсутствии ответственности за воспитание людей: почему же никто не возьмет на себя ответственность за предоставленных самим себе людей?

Это тесное взаимодействие между политиками, исследователями и СМИ было так налажено, что исключало даже намеки на критику. Явно не в интересах падких до сенсаций СМИ было подвергать пугающие доклады социологов тщательной экспертизе. Так что, с точки зрения бизнеса, весь этот спектакль выглядел как одна большая рекламная пауза, повествующая о всевозможных товарах и услугах, стимулирующих его рядового гражданина. Неудовлетворенные граждане, как правило, являются весьма интенсивными потребителями. Совершенство недостижимо, но всегда появляются новые товары и услуги, которые могли бы в этом помочь, и не попробовать сделать это было бы неправильно по отношению к своему гражданскому долгу — вот что проповедуют СМИ, используя свои каналы односторонней коммуникации. Никто не может считаться достаточно стройным, или красивым, или хорошо одетым, чтобы чувствовать себя спокойно под градом призывов стать еще лучше. Непрерывное культивирование у граждан отвращения к самим себе составляет основу для терапевтического гиперпотребления, которое обеспечивает вращение колес позднего капитализма с такой скоростью. Реклама — это пряник, шокирующие отчеты — кнут. Государство и капитал сидят, крепко связанными вместе, в одной лодке.

В информационных сетях, где коммуникация интерактивна, старые истины об индивидууме будут подвергнуты серьезной критической оценке. Миф о самореализации будет просвечен насквозь, все эти идеи о воспитании целостной личности покажутся антиквариатом. В результате, все политические, научные и финансовые силы, стоящие за этой пропагандой, начнут постепенно терять свое влияние на коллективное сознание. Это не значит, что давление ослабнет, просто новые 'истины' будут по-другому упакованы. Нетократия и её высшие функционеры — кураторы — выходят на трибуну вместе со свежим, постоянно меняющимся текстом закона — много новых маленьких сотикетов для новых дивидуумов. И даже если плюрархическая структура позволит каждому участнику поставить под сомнение правила игры, исходящие от каждого отдельного куратора, не будет альтернативы, кроме как подчиниться другому куратору, и разница между ними может оказаться неопределимой, поскольку все кураторы вместе образуют свою мега-сеть для защиты власти своей группы.

Правила будут меняться, но скрытое под ними послание кураторов гражданам Сети будет оставаться простым и однозначным: ваша сеть никогда не будет достаточно хороша, вы никогда не будете достаточно коммуникабельны, вы не можете позволить себе передохнуть, вы должны все время быть готовы к новому прыжку, к новым ощущениям и познаниям! Так новая каста правителей захватит власть и овладеет ее языком, с помощью которого и будет управлять информационным обществом. Различие стратегий капиталистов и нетократов в борьбе за власть состоит в том, что кураторы в полной мере осознают последствия интерактивности и ее неразрывной связи с властью. Поэтому кураторы не будут диктовать своим подданным, они будут нести с ними беседу. Нетократы больше слушают, чем говорят; они общаются вежливо и тихо, избегая жестких команд. Нетократическая власть не есть власть принятия решений как таковых, поскольку в условиях плюрархии люди сами принимают решения. Нетократическая власть — это контроль над пониманием того, каковы будут последствия альтернативных решений.

В информационном обществе функция морального надзора человека над самим собой уже

не будет внушаться самоуверенными и озабоченными эффективностью бюрократами, а будет стимулироваться постоянно меняющимися нетократическими тенденциями, которые будут устанавливать, что в данный момент означает 'быть на коне' и как лучше продемонстрировать, что вы 'в теме'. Этика начинает все больше быть вопросом эстетики. 'Дешевый' стиль станет синонимом общественного суицида. Предполагается, что каждый игрок будет полностью в курсе правил сетикета, неписаного закона о том, как члены Сети должны вести себя по отношению друг к другу. Поскольку сетевая компетенция — ключ к успеху в информационном обществе, можно ожидать буйного расцвета всякого рода коммуникационных терапий и курсов по 'хорошему сетикету'.

Проблема в том, что, поскольку мы говорим о динамических процессах, новые знания быстро устареют. Самое ужасное в этих правилах то, что чем больше людей о них знают, чем больше людей начинают жить в соответствии с ними, тем быстрее они теряют свою ценность. Реальная инфляция в информационном обществе будет угрожать не валютам и ценным бумагам, а ценности действий каждого отдельного игрока. Область социального взаимодействия граждан Сети глобальна, их доступ к информации неограничен. Вопрос их социальной идентичности остается открытым, а степень влияния — не более чем вопрос стиля.

ГЛАВА IX. ВЛАСТНЫЕ ИЕРАРХИИ ЭПОХИ АТТЕНЦИОНАЛИЗМА — СЕТЕВЫЕ ПИРАМИДЫ

Одним из фундаментальных понятий при обсуждении информационных сетей является прозрачность: Сеть — полупрозрачная и просвечивающая система, а следовательно, демократична и предоставляет равные возможности. Принцип прозрачности проявляется в том, что все участники Сети имеют доступ ко всей необходимой информации и в любой момент могут внести свой вклад. Все карты на столе, каждый имеет возможность высказать свое мнение и принять участие в процессе принятия решений. Если прозрачность — главенствующий принцип информационного общества, то надо ждать революции на рынке труда. Когда традиционный бизнес превращается в прозрачную сеть, наниматели больше не могут обращаться с наемными работниками, руководствуясь феодальными принципами управления. Все взгляды устремлены на работодателя. Последователи Макиавелли не могут действовать в духе Макиавелли, находясь под неусыпным тотальным надзором подчиненных.

Эта логика лежит в основе внезапной вспышки интереса к этике в позднекапиталистическую эпоху, что является хрестоматийным примером лицемерия. Как теперь быть? Если произвол и деспотизм больше не работают, необходимо найти новые стратегии руководства и осуществления власти. Технологическое развитие движет общество и предоставляет, в данном конкретном случае, каждому работнику немислимые прежде рычаги влияния относительно его рабочей ситуации. Внутренняя прозрачность сетей и связанная с этим демократизация производства дали теоретикам менеджмента повод триумфально заявить, что 'Маркс был прав': развитие технологий сделало все прежние способы производства устаревшими и непригодными; рабочие берут власть в свои руки. Но есть одна неувязка в этом розовом сценарии. Проблема в том, что информационное общество значительно сложнее, чем кажется. Бизнес все больше превращается в виртуальные сети со значительно меньшим числом стабильных структур и жестких принципов трудоустройства. Динамика сетей — феномен, который не только и не столько характеризуется прозрачностью, сколько многими другими значительно более важными аспектами.

Чтобы сеть могла функционировать в соответствии с жесткими требованиями эффективности, существующими на рынке кураторов, каждый, кто не привносит в ее работу какой-либо ценности или воспринимается как угроза общим интересам членов сети, неминуемо подлежит удалению из нее. Каждая сеть, которая стремится быть мало-мальски привлекательной и успешной, вынуждена производить тщательный отбор своих будущих участников, иначе она быстро погибнет в потоке недостоверной информации, заполняющей ограниченное пространство. Это неизбежно приведет к тому, что наиболее ценные участники сети будут терять к ней интерес и стремиться стать участниками других сетей, в политике

которых больше ограничений. Покинутая же ими сеть постепенно трансформируется в обреченное на исчезновение бесплодное образование, состоящее из бесполезных участников, по невежеству производящих на свет всякий информационный хлам.

Открытые сети, появившиеся в результате быстрого развития интернета, либо будут преобразованы в закрытые сообщества, либо обветшают и станут своего рода мусорными коллекторами бесполезной информации. В закрытых сетях участники будут отбираться кураторами этих сетей, виртуальными привратниками. Вокруг таких сетей будут возведены высокие и толстые стены, чтобы защитить их и от нежелательного взгляда, и от несанкционированного входа. Чем более привлекательна будет сеть, тем больше людей будут стремиться стать ее членами; чем более высокое положение эта сеть будет стремиться занять, тем непрístupнее станут окружающие ее стены и жестче правила приема.

Прямым следствием такого развития событий является то, что виртуальное общество представляет собой длинный ряд сетевых пирамид — властной иерархии, в которой представители консьюмтариата в основном входят в наименее привлекательные сети, полные информационного мусора, в то время как нетократы образуют сети высших уровней, в которых концентрируется власть и влияние. Это общество, по определению, является посткапиталистическим, поскольку ни деньги, ни титулы, ни слава в нем не имеют значения при вступлении в ту или иную сеть высшего уровня. 'Нетократический' *inius*, который ныне в цене, определяется совершенно другими характеристиками — знанием, контактами, кругозором, видением. Друг ими словами, качествами, которые повышают статус сети и делают её ещё более могущественной.

Представления о власти, имевшие хождение при капитализме, что все важные виды человеческой деятельности контролируются из центра также вышли из употребления. В виртуальном мире просто нет центра. Нетократическая сетевая пирамида создается не с целью использования власти; более того, она вообще не создается в привычном понимании этого слова и должна рассматриваться как структура, возникающая как следствие развития технологий и естественного отбора, которая не в состоянии обеспечить контроль, необходимый для защиты каких-либо специфических интересов. Принцип пирамиды — скорее децентрализация, нежели любая централизованная концентрация власти. Пирамида никогда не бывает в равновесии, взаимоотношение сил внутри нее постоянно меняется, то есть власть происходит из временных, нестабильных, аморфных альянсов, а не из какой-то конкретной географической точки или устойчивого конституционального образования. Власть вообще станет невероятно трудно локализовать, и потому, естественно, станет еще труднее и критиковать её, и бороться с ней. Но тот факт, что власть становится более абстрактной и невидимой, не означает, что она исчезает или ослабевает, скорее наоборот.

Общественный статус сетей определяется тем, насколько хорошо справляются со своим трудным делом их профессиональные кураторы — арбитры вкуса и сетикета. Поскольку кураторы, в свою очередь, конкурируют между собой на сетевом рынке, они вынуждены постоянно заниматься рекламой собственной сети и убеждать людей в её превосходстве, отчасти для переманивания членов других сетей, а также в надежде на вступление во влиятельные альянсы. Каждое удачное решение, так или иначе, может привести к впечатляющим результатам, в то время как каждое неудачное решение по поводу доступа или исключения может иметь разрушительные последствия для кураторов и для их сети, их репутации и доверия к ним. Именно репутация, или капитал доверия, является самым ценным активом сети; с её помощью сети привлекают к себе внимание, а внимание в сети гораздо более дефицитный ресурс, чем деньги. Деньги — результат внимания, не наоборот. Внимание — единственная твердая валюта виртуального мира. Потому стратегия и логика нетократов носят характер аттенционалистический, а не капиталистический.

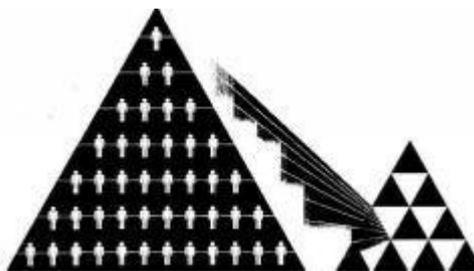

Рисунок 9.1. Сетевая пирамида

Существование каждого отдельного куратора шатко и неопределенно, но самой группе кураторов беспокоиться не о чем. Их коллективной власти ничто не угрожает, ибо их функции в обозримом будущем не смогут выполняться машинами, поскольку нет стандартизированных правил. Не существует накопленной мудрости, идеологических традиций, квалификационных экзаменов или специального образования. Формальные критерии, на которые можно сослаться, отсутствуют. Это означает, что ни один из общественных институтов старой парадигмы не имеет долгосрочных перспектив успешной конкурентной борьбы на сетевом рынке, где залогом успеха являются интуиция, превосходные социальные навыки, высочайшая восприимчивость и обладанием стилем.

Вследствие этого самой востребованной и потому самой ценной становится информация о сети как таковой, а именно: как создать и администрировать свою собственную сеть наиболее эффективным способом. То есть самой могущественной, с точки зрения такого явления, является та мета-сеть, в которой кураторы расширяют и укрепляют свои контакты, обмениваются опытом и образуют альянсы. Глобальный мета-кураториат, высшая сеть в сетевой пирамиде кураторов, — наиболее мощное учреждение нетократического общества, эквивалент всемирного правительства информационной эры. Однако вся система неустойчива; значит, её конституция будет постоянно меняться, затрудняя эмпирический анализ власти.

Информационное общество представляет абсолютно новую топографию. При капитализме, несмотря на медлительные и ограниченные коммуникации, все же присутствовала определенная ясность, поскольку логика построения системы и обстоятельства ее функционирования оставались в основном одинаковыми. Можно сказать, что капиталистическое общество напоминает открытое поле, где все люди могут видеть друг друга, пусть и в некотором удалении, и творить друг с другом, даже если не всегда хорошо слышно. Мы называем эту общую зону интересов 'публичной ареной'. Топография информационно общества парадоксальным образом напоминает лабиринт. Арена изогнута, а события непредсказуемы. За каждым углом сюрприз. Что было важно вчера, редко представляет какую-то ценность сегодня. Порой нужно отказаться от успешной стратегии без всякого предупреждения. Прозрачность, в общем, не более чем химера, пропагандистский миф нетократов, существующий только внутри очень узких горизонтальных участков. Мы можем лучше видеть и слышать то, что поблизости, однако тогда наша дальнорочность, а вместе с ней и сама общественная арена, исчезают.

При перепроизводстве информации в дефиците внимание. В нетократической сети информация сама по себе имеет ограниченную ценность. Напротив, ценна способность избегать ненужной информации, чтобы высвободить драгоценное время и усилить концентрацию. Информация, пользующаяся спросом, должна быть адекватной и надежной, а также, желательно, эксклюзивной, то есть ее можно обнаружить только в сетях самого высокого уровня. И только в них есть знание и понимание, необходимые для оптимального использования этой информации. Метаинформация — сведения о том, как наиболее эффективно связать разнородную информацию — сама по себе есть самая ценная ее разновидность.

Продажа первоклассной информации на публичных торгах тому, кто предложил наибольшую цену, со временем станет маловероятной по ряду причин. Когда транзакция становится публичной, эксклюзивность информации снижается, а риск ее дорогостоящей

утечки из сети — победителя торгов настолько велик (поскольку внимание дороже денег), что информация, так или иначе, найдет дорогу к сети наивысшего уровня. Для нетократов то, с кем вы общаетесь, намного важнее того, сколько денег заплатят за информацию, которую вы предлагаете. В сетях высокого уровня капиталистическая стратегия применима только на очень короткий период, поскольку социальные издержки дальнейшей перепродажи ценной информации, в долгосрочной перспективе, будут неоправданно велики. Выживание в среде нетократов требует мышления в долгосрочной перспективе, основанного на привлечении внимания, поскольку внимание более ценно, чем деньги.

Капиталисты станут низшим классом, занятым возней вокруг устаревшей, второсортной информации, в то время как нетократия — сетевая элита — забирает главный приз власти и статуса, а вместе с ним нападки и тычки. Нетократы, конечно, в конечном итоге, унесут и финансовые доходы, невзирая на то, что они второстепенны; в конце концов, только избранные контролируют знание и способны привлекать внимание, что более ценно, чем что бы то ни было. И только когда выгоды от использования наиболее ценной информации будут исчерпаны, нетократы, с благословения своей сети, продадут ее капиталисту, предложившему наивысшую цену. Так что капиталисты будут вынуждены приспособливаться к условиям аттенционализма, играя в игру, правила которой они не только не создавали, но и зачастую совсем не понимают. Уже в последние годы капитализма эта модель стала очевидной: капиталисты с наиболее развитой сетью опережают капиталистов с наибольшим капиталом в борьбе за право инвестировать в новую экономику. В результате буржуазная экономика уже подвергается влиянию принципов аттенционализма.

На начальном этапе вполне возможно, что некоторые кураторы будут пытаться продавать свою власть за деньги. Но эти близорукие действия окажутся саморазрушительными, потому что подобного рода транзакции немедленно скажутся на доверии к кураторам, а это означает, что, поскольку статус и стандарты их сети будут подорваны, им скоро нечего будет выставить на продажу. Следствием станет неминуемая потеря влияния и вытеснение с жесткого рынка кураторов. Очевидно, что нетократическая власть, которую можно приобрести за динь и, не стоит их, поскольку она просочится как песок сквозь пальцы в тот момент, когда кто-либо решит превратить свою покупку в капитал. Поскольку неоспоримо, что во властной структуре информационного общества деньги имеют подчиненное положение.

Тенденции развития внутри и между разными сетями уже сейчас расставляют принципиально новые акценты в борьбе за власть и статус: первостепенной становится тщательная забота о своей торговой марке. Игроки просто не могут себе позволить ассоциироваться с чем-то устаревшим, иначе они потеряют всякое доверие. Невероятно важно, чтобы вас видели в правильном контексте, принадлежать к по-настоящему интересным альянсам — чему-то, чего не купишь за деньги, поскольку деньги уже недостаточно интересны. Поэтому не будет преувеличением сказать, что смена парадигмы ведет к смерти капитализма, ибо капитал вынужден добиваться внимания, а не наоборот.

Внимание, которого так не хватает, — вот чего хочется всем. Согласно фундаментальным национально-экономическим принципам спроса и предложения, материальная выгода больше не является движущей силой развития и мотивирующим фактором человеческой деятельности. Прежние ценности порядком обесценились. Это справедливо и для денег, и для прав собственности. Совершенно не важно, произошли ли права собственности из занятий бизнесом, политикой, обусловлены ли они образованием или унаследованы, их ценность убывает. Внимание превыше всего; общество движимо вниманием, а не капиталом. Если бы термин 'информационное общество' не был уже широко применен в социологии для обобщенного описания новой парадигмы, то, возможно, слово 'аттенционализм' было бы даже более подходящим для характеристики этой парадигмы. Поэтому совершенно необходимо разобраться, что же все-таки такое аттенционализм, и каковы его неизбежные последствия.

Интернет отличается от СМИ позднего капитализма одним важным обстоятельством. Пресса, радио и телевидение — пример односторонней коммуникации. Потребитель потреблял, телебашня тихо и спокойно рассылала сообщения — замкнутая система без диалога, без обсуждения и критики, если не считать 'писем зрителей', содержание которых строго контролировалось. Сеть, с другой стороны, есть средство коммуникации как минимум в двух и

часто в нескольких направлениях. Раньше посланием было само средство связи, теперь это пользователь. Действуя в Сети, пользователь создает ее содержание: грань между потреблением и производством исчезает. Это значит, что те, кто у власти при капитализме, гегемоны общественного пространства — политики, пропагандисты, проповедники всех мастей — больше не являются серьезными игроками на поле СМИ. Их место занимают уверенно держащие нос по ветру сетевые потреби-1сли, которые формируют сложнейшую систему обратных связей, благодаря чему информация вновь и вновь возвращается в оборот и, проходя через руки множества участников, претерпевает длинную серию превращений. В этом суть исключительно сложного бесконечно изменчивого процесса, чьи результаты часто изумляют.

Тот факт, что новый гражданин Сети не особенно интересуется отжившими капиталистическими ритуалами вроде политических выборов, не вызывает удивления. Публика встает с кресел и покидает театр. Старые капиталисты все еще стоят на сцене в одиночестве, спрашивая себя с нарастающим негодованием, почему это никто не прислушивается к их мудрым словам. А в это время шум в фойе усиливается — это публика начинает общаться между собой. Кто-то предлагает выпить, из динамиков разносится танцевальная музыка. А где-то в полумраке этого ночного клуба скрывается хозяин импровизированной вечеринки, по совместительству — виртуозный массовик-затейник — куратор, кто и является большой новой звездой. Власть в информационном обществе принадлежит не тому, кто диктует правила, и не тому, кто полагает, что очень важно находиться в лучах прожекторов, но тому, кто сможет организовать вечеринку так, чтоб никому не было скучно. Критичным становится не предмет общения, а способ, а также кто с кем общается. Цель уже не столько некий предел, сколько направление — создавать, поддерживать и усиливать процесс, чтобы все колесики и винтики работали. При этом не обязательно кричать громче телевизора, но использовать движение ветра как музыкальный инструмент, на котором нетократ может играть соблазнительную мелодию.

Нарушение баланса сил приводит к тому, что политика превращается в зрелище. Политика вынуждена приспособляться к драматургии средств массовой информации и становится более развлекательной, более дружественной к телевидению, чтобы привлечь хоть какое-то внимание. В конечном итоге политики вообще потеряют реальную власть и превратятся в еще одну категорию низкооплачиваемых актеров теле-шоу, безобидных чтецов, произносящих чужие слова, безжалостно перетасовываемых режиссерами и поливаемых грязью журналистами. Альтернативы нет. Любой, пытающийся противостоять духу времени и продолжающий политическую агитацию старыми средствами, не выживет в нетократическом обществе. Такое поведение будет восприниматься, как попытка вновь установить информационную тиранию. Следствием появления новых очертаний информационного ландшафта становится то, что плюрархическая публика поворачивается спиной к старой политической сцене.

Личные амбиции игроков, то, кем и чем они сами хотели бы быть, более не имеют значения. Никто больше не кузнец своего счастья. Мир, выраженный в этой фразе, ушел в прошлое. На первый план выходит способность к мгновенному перевоплощению, когда изменяются условия и требования окружающей среды. Невероятно сложная и постоянно меняющаяся система правил виртуального поведения, которая сейчас развивается и непрестанно совершенствуется, формирует и выражает нетократический идеал. Единственно полезным ключом к непостижимому сетикету служит максимальная подвижность и хорошо развитый социальный интеллект. Ничто нельзя считать само собой разумеющимся; все наши предрассудки, все предположения, которые мы используем для ориентации в жизни, должны постоянно переоцениваться. Каждая новая ситуация требует нового понимания, а равно и смелости действовать без колебаний и вести себя в соответствии с этим пониманием. Только те, кто готов позволить себе постоянные изменения, могут выжить в непрерывно мутирующем мире.

Это имеет ряд интересных следствий. Так, например, терапия для нетократов больше не будет базироваться на психологических или психоаналитических моделях более или менее интегрированной, единого его. Фрейд и все его последователи, толкователи и противники по терапевтической лавочке отыграли свои роли. На смену им приходят шизо-аналитики и теоретики прогрессивной коммуникации с их ситуативно и интерактивно ориентированными

идеями на счёт социального интеллекта и контролируемого расслоения личности. В информационном обществе люди будут скорее стремиться излечиться от излишней целостности сознания, нежели от шизофренических наклонностей. Само наличие, а не управляемая форма, шизофрении является нетократическим идеалом.

Нетократов не интересует самореализация и поиск своего истинного 'я'. В их глазах все это — вздор и предрассудки. Они не верят и не намерены верить в то, что представляется им пережитком прошлого. Взамен они жаждут холить и лелеять свою способность к одновременному и своевременному действию и совершенствоваться в искусстве постоянного развития множества параллельных самостей. Развитие личности идет по пути реализации всех возможных состояний человека делимого, создания прагматичного союза различных темпераментов и черт характера. Цельность будет восприниматься как достойное жалости свидетельство немощи, а не идеал. Шизофреническая, калейдоскопическая личность, напротив, становится достойным подражания примером, поскольку она функциональна. Шизо-анализ внесет свой вклад в дело укрепления способности к постоянным переменам перед лицом меняющихся обстоятельств.

Коммуникация в информационном обществе происходит исключительно в рамках систем с обратной связью. Прежние, односторонние способы передачи информации станут музейной редкостью. Само понятие коммуникации предполагает наличие не только источника и приемника, но и более-менее квалифицированной реакции, направленной от приемника обратно к источнику и функционирующей как входящая информация в повторяющемся процессе обратной связи. Будучи участником такого интерактивного обмена информацией, человек делимый засверкает всеми своими гранями. Все они взаимно освещают, поддерживают и укрепляют друг друга в этом беспокойном, но чрезвычайно скоординированном движении, подобно рыбам в стае. Человек делимый реально существует лишь в реакциях противостоящих ему сил и вправе рассматривать себя как систему связей, то есть сеть, зависимую от многих других сетей, непрерывно перерабатывающую информацию с целью постоянного обновления желаемой виртуальной идентичности.

Нетократические дивидуалы будут в постоянном поиске твердой опоры, с тем лишь, чтобы тут же обнаружить, что опора в движении. Тогда, в надежде обрести почву, они перейдут на платформу другого уровня, и все лишь с тем, чтобы обнаружить, что и она в движении. Так процесс и осуществляется — движение на разных уровнях и в разных направлениях. Но восприимчивые дивидуалы скоро превратят переход с уровня на уровень в искусство и продолжат свой поиск твердой почвы под ногами, невзирая на понимание ее иллюзорности, замороженные своей виртуозностью. Неустойчивость в окружении сознательно выстроенных и постоянно пересматриваемых фикций заменит собой веру в твердую опору. Сознание хрупкости фантазий приведет к крушению иллюзий и потере смысла, но также к творческому опьянению свободой и неограниченными возможностями. Когда фантазии создаются во взаимодействии с другими дивидуалами, возможности общения растут, и тогда может произойти все что угодно, Это блуждающая точка отсчета мобилистической мысли, единственно возможного пути через информационное общество.

Одной из отличительных черт информационного общества является его ускоряющаяся медиализация, которая сводит на нет нет предыдущие рассуждения о доверии. Чтобы объяснить, что такое медиализация, можно воспользоваться примером классического СМИ, снижем, ежемесячного или еженедельного журнала, для показа последними этого явления. Покупая журнал, мы тем самым приобретаем некоторое количество важной, достоверной, захватывающей или, по крайней мере, развлекательной информации, то есть то, что нетократы называют содержанием. Но журнал также содержит значительное количество информации, которую мы вовсе не собирались покупать, но с присутствием которой вынуждены на время смириться, в обмен на получение нужной по относительно невысокой цене. Другими словами, журнал содержит рекламу. А реклама нас раздражает? Ежемесячник, содержащий рекламы больше, чем содержательного материала, не привлечет много читателей. Кроме того, журнал, который не разделяет должным образом содержание и рекламу, также теряет доверие, а с ним и читателей. Журнал безо всякой рекламы вообще заслуживает наибольшего доверия, даже если не имеет большого тиража (если, конечно, это результат продуманной политики, а не неумения

редакции привлекать рекламодателей).

В целиком медиализированном обществе придется применять эти принципы не только к потреблению СМИ в их классической форме, но и к общественной активности вообще. В виртуальном сообществе Сети различие между содержанием и рекламой, в смысле приобретенной информации, должно постоянно поддерживаться, ведь битва за внимание не прекращается ни на минуту, просто логика её отлична от капиталистической. Новые властители — дистрибьюторы информации, кураторы — готовы глотку друг другу перегрызть, поэтому куратор, у которого достанет сил и средств свести потребляемую информацию до абсолютного минимума, обеспечит наивысшее доверие для своей сети и шансы на успех для себя. Информация, покупаемая за деньги, интересует капиталиста и доступна для его понимания, у нетократа же она вызывает неприятие, ибо нужна только консьюмтариату, растерянно оглядывающемуся вокруг в поисках инструкций по потребительскому поведению. Поэтому капиталистам никогда не удастся попасть в стан нетократов; их повадки не отвечают критериям членства.

Так, в культуре аттенционализма доступ к адекватной и эксклюзивной информации, в значительно большей степени, чем доступ к деньгам, имеет решающее значение для обладания властью и положением в обществе. Каждая успешная в этом отношении персона или организация будет осаждаться бесчисленными инвесторами, охотящимися за информацией, которые будут готовы стоя на коленях умолять разрешить им инвестировать их капиталы в деятельность, которую они даже до конца не понимают, и они будут просто вынуждены приспособливаться к разнообразным нетократическим прихотям. Список Fortune 500 будет низведен до уровня кича, развлекательной литературы, почти как Книга Пэров при капитализме, этакое пикантное времяпрепровождение, чтобы изучить, по каким давно почившим критериям ранжировались граждане доисторической эпохи. В информационном обществе другие мерки. Социальный статус человека будет определяться его членством в сети, и статус этот будет постоянно изменяться как с течением времени, так и в зависимости от обстоятельств. Списку аристократов новой эпохи никогда не суждено быть напечатанным, поскольку он устарел бы раньше, чем попал на прилавки, и к тому же был бы абсолютно нечитаемым. Нетократические отношения существуют только on-line, в прямом и переносном смысле, постоянно обновляемые и закрытые от посторонних посредством паролей и виртуальных ключей, доступных линии, избранным — кураторам.

Бесценные связи буквально бесценны: их не купишь за деньги. Связи возникают только в обмен на другие связи, равнозначные по совокупной ценности. Аттенционализм приведет к появлению сложной системы бартера. Связи будут возникать, если игрок обладает ценной информацией, а еще лучше, если человек демонстрирует исключительные способности по приданию этой информации как можно более привлекательной формы, усиливающей интерес. Вот еще одна отличительная черта аттенционализма: можно одновременно съесть пирог и иметь его. Можно одновременно обладать информацией и в тоже время делиться ею с несколькими избранными. Вступая в контакт, вы сами приобретаете дополнительную стоимость, поскольку коммуникация придает интерес персоне, которая делится информацией, и интерес этот сохраняется до тех пор, пока существует ожидание следующей порции такого же информационного продукта из того же источника.

Информация, которую вы решили придержать для себя, не имеет привлекательной ценности, а информация, которую вы продаете за деньги, имеет весьма преходящую и ограниченную ценность. Информация же, которая приносит пользу вашей сети, существенно повышает ваш статус как носителя. Таков принцип внутренней жизни виртуального мира — микро-медиализация на уровне прозрачной сети и, Играя по этим правилам, сеть гарантирует себе постоянное снабжение информацией, а каждому отдельному игроку возможность улучшить свой социальный статус. Именно таких игроков сети высоких уровней принимают на работу. С другой стороны, консьюмтариат вынужден зарабатывать на жизнь на виртуальном рынке временной занятости, бродя по страничкам, посвященным трудоустройству.

Вера в прогресс, характерная для капиталистической парадигмы, еще раз проявилась со всей очевидностью в бесосновательном технологическом оптимизме позднейшего периода буржуазного общества: все будет хорошо, интернет — вот живительная инъекция для

демократии, каждый прикоснется к благам новой экономики. С точки зрения нетократов, такая позиция — вульгарный заменитель религии. Это не мешает ей оставаться важным элементом нетократической пропаганды. Потребность в религии непреходяща, для успокоения консьюмтариата сойдет и этот суррогат. Потребителей необходимо поддерживать в хорошем расположении духа с помощью все новых и новых развлечений, коль скоро развлечение в их среде есть синоним успеха. Для самой же нетократии идея прогресса заменяется крайним мобилизмом и релятивизмом.

Сети расцветут с молниеносной скоростью и захватят власть только для того, чтобы так же быстро исчезнуть. Ничто не постоянно, ни одна ценность не живет долго, все основы движутся в разных направлениях.

Исходя из принципов эволюционной социологии, можно определить исторический тренд; все факторы, несомненно, указывают в одном направлении: ширящаяся глобализация, все более сложные формы 'ненулевых' игр, усложнение взаимозависимых сетей. Но это совсем не то же самое, что прогресс. Новые технологические и общественные условия могут равным образом породить как новых победителей, так и новых проигравших. Одни социальные проблемы становятся менее острыми, другие — более, и возникает множество новых.

Скороспелые сети можно рассматривать как текущие события, то есть как временные организации. Интенсивная деятельность в рамках временно сконструированных цепей с обратной связью порождает социальную энергию, которую трудно обуздать. Резонанс многократно усиливается за счет обратной связи. Волны этой энергии быстро распространяются по всему обществу, изменяя параметры функционирования других сетей и их участников. Как окружение организма в природе преимущественно состоит из других организмов, так и окружение конкретной сети составляют другие сети. 'Гонка вооружений' не прекращается ни на минуту — какой-то хищник становится сильнее, его жертва волей-неволей обучается разным хитростям и быстрому бегу, его конкуренты среди хищников вынуждены предпринимать ответные меры. Сеть X переходит в наступление, вследствие чего сети Y и Z вынуждены переходить в контрнаступление. Любое изменение приводит к последствиям, которые невероятно трудно предсказать (поскольку процесс складывается из ряда переменных), хотя они совершенно логичны. Нет ничего важнее знания этих механизмов для понимания сущности информационного общества. Поэтому сетевому анализу суждено стать той общественной наукой, которая в будущем будет вызывать наибольший интерес.

Таким образом, сеть заменит человека в качестве великою общественного проекта. Кураторская сеть заменит государство в от роли верховной власти и верховного провидца. Сетикет заменит собой закон и порядок по мере того, как основные виды человеческой деятельности все больше переместятся в виртуальный мир, одно временно авторитет и влияние государства сойдут на нет в силу сокращения налоговых поступлений и национальных границ. Кураторы примут на себя функцию государства по контролю за соблюдением норм морали, исключая нарушителей сетикета из привлекательных сетей. Исключение из сети, ограничение доступа к информации и другие формы ограничений членских привилегий будут являться нетократическими методами устрашения и контроля за инакомыслящими. Жесточайшие ограничения виртуальной мобильности станут эквивалентом тюремного заключения.

Чтобы защитить свои общие интересы и сделать администрирование сети более эффективным, кураторы установят собственные мощные мета-сети для решения вопросов сетевой политики. Заметим, что куратор выступает и в роли полицейского, а также обвинители и судьи, а в постоянно меняющейся сетевой системе невозможно создать формальные законы. Рассмотрение тех или иных вопросов внутри сетей высших уровней будет защищено от посторонних взглядов, не нуждаясь ни в демократических принципах, ни в общепринятых традициях принятия решений. Сами нормы общественной жизни и права общества на достоверную информацию станут трудно поддерживать. Вопреки оптимистическим ожиданиям общественное пространство перестанет существовать и заменится топографическим лабиринтом. Получить целостное представление о мире с мнет невозможно.

Но, тем не менее, информационное общество не тоталитарно.

Безусловно, в привычном смысле подать апелляцию на решение кура юра об исключении из сети будет невозможно, и шансы на пересмотр приговора будут невелики. Однако

чрезвычайная подвижность и многообразие системы обеспечат наличие альтернативных сетей для вступления, если у вас действительно будет что-либо привлекательное для рынка. Если да, другие сети не смогут позволить себе отказать вам и членстве, да у них и не будет для этого причин. И эта сложная топография затронет каждого. Даже самым могущественным кураторам буде! но хватать полной картины информационного общества, что в свою очередь будет ограничивать их потенциальную власть.

То, что мы знаем сегодня как капитализм, не исчезнет, подобно тому, как феодальные структуры не были разрушены с приходом к власти буржуазии; они просто заняли подчиненное положение в новой парадигме. То же происходит и теперь — капиталистическая модель пойдет важным компонентом в превосходящую информационную систему. Капитал по большей части станет объектом вожделения консьюмтариата, а деньги останутся средством описания и измерения традиционных форм потребления товаров и услуг. Но тот факт, что деньги все более приобретают 'цифровую' форму, а движение капитала имеет высокую скорость, и его невозможно регулировать политикам и бюрократам, делает положение низшего класса, мишенного доступа к достоверной информации, еще более плачевным, к выгоде хорошо информированной нетократии, держащей руку на пульсе управления денежными потоками.

Возрастающая скорость коммуникаций и запутанность рыночной ситуации ведут к тому, что информационный разрыв между 'посвященными' и 'непосвященными' растет со страшной быстротой. Когда ранее привлекательная информация все же однажды просочится к сетям низших уровней — будь-то за несколько минут или несколько недель, — если, конечно, просочится вообще, она устареет настолько, что перестанет представлять какую-либо ценность. Так что момент для принятия решения, скажем, о переводе средств из европейских облигаций в пользу какого-то удаленного азиатского проекта давным-давно прошел. Информация лишь в тот момент представляла реальный интерес, пока она еще была известна узкому кругу избранных.

И, конечно, всегда к услугам этого круга избранных ведущие эксперты, незаметно, но эффективно защищающие интересы новых господ. Однако власть и статус нетократии имеют совершенно другую, отличную от капиталистической, природу. Теперь это — эксклюзивная информация, которую невозможно купить за деньги, информация, которую, при наличии соответствующего настроения, вполне уместно было бы обменять на банковский чек с непроставленной суммой, если чеки еще будут иметь хождение. Определяющим фактором успеха становится способность привлекать внимание влиятельных кругов. Способность сказать нечто, что заставит весь этот многоголосый информационный гвалт вокруг умолкнуть, хотя бы на время. Добро пожаловать в аттенционализм!

ГЛАВА X. СЕКС И ПЛЕМЕННОЙ СТРОЙ, ВИРТУАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НЕРАВЕНСТВО УМОВ

Тенденции многозначительны. Все вокруг меняется, ибо информационные технологии вступили в новую фазу исторического развития. Нас вынуждают по-новому смотреть на себя самих и на все окружающее. Сдвиг парадигмы будет иметь далеко идущие и реальные последствия, когда старые 'истины' потеряют свою действенность. Институты, которые поддерживали прежнее общество и в свое время казались вечными и 'естественными', сегодня переживают жестокий кризис и выглядят продуктами общества и идеологии, внутренне привязанными к обстоятельствам своей исторической эпохи. Их стремительно приближающийся конец представляется неизбежным. Эта тенденция неотвратима. Институты, наиболее затронутые ею, — это национальное государство, парламентская демократия, ядерная семья и система образования.

'Тенденции' не стоит понимать как синоним моды или чего-то подобного; это не имеет ничего общего с глянцевыми журналами. Мы используем слова 'тенденция' и 'контртенденция' по аналогии с ницшеанской концепцией парности 'действия' и 'противодействия'. Для Ницше действие есть проявление стремления к власти; стремление к власти — в философском смысле — некий первичный импульс, независимый от всех других. Противодействие, с другой

стороны, есть вторичный импульс, который возникает только как ответная реакция на действие. В буквальном смысле противодействие имеет реактивный характер, поскольку направлено на поддержку существующей властной структуры, для которой 'действие' представляет угрозу. Реакция есть мобилизация защитных сил, акт поддержки устоев власти, оспариваемых появлением конкурирующей силы. Примером реакции являются попытки правящего класса отмирающей парадигмы защитить себя в противоборстве с новой элитой, чьи паруса наполнены ветром перемен. Если перенести концепцию парных сил в сферу социологии, мы получим понятия 'тенденции' и 'контртенденции'. В этом смысле, тенденция есть движение во времени, связанное с борьбой определенной группы за достижение и проявление социальной идентичности. Тенденция есть первичный импульс, никоим образом не являющийся ответной реакцией на другой импульс. Сопротивление ему возникает в столкновении с другими интересами, что рано или поздно, конечно, происходит.

Тенденцию можно определить по двум отличительным характеристикам. Отчасти, она усиливается за счет распространения информации, а во-вторых, внутренне связана и подкрепляется тем, что новая технология завоевывает все большие территории. Это означает, что развитие самого интернета, а также социальные изменения, вызванные его существованием (такие как глобализация и переход власти от буржуазии к нетократии), можно определить как подлинные тенденции. Контртенденцией мы будем называть реакцию на данную тенденцию. Это не что иное, как защита существующего порядка или возвращение к сильно романтизированному прошлому. Сегодняшними примерами контртенденции являются гипернационализм и изоляционизм, взращиваемые в разных частях Западного мира, и так называемый исламский фундаментализм в Арабском мире. Все это реакции на доминирующую тенденцию: движение в сторону глобализации, уменьшения религиозности и увеличения разнообразия. Контртенденция всегда вторична и всегда зависима от тенденции.

Если мы рассмотрим развитие событий за более долгий период/то увидим более сложное явление. Часто одно и то же общественное движение одновременно содержит элементы тенденции и контр-тенденции. Хороший пример — движение в защиту окружающей среды. Его активисты позитивно оценивают последствия технологического развития и выступают за необходимость открытых дебатов, а также утверждают, что использование информации и стимулирование новых исследований в области экологически чистых технологий есть единственное средство спасения окружающей среды. 'Реактивисты' же этого движения противодействуют экономическому росту и выступают за введение ограничений на распространение информации и исследования, одновременно ратуя за 'возврат к истокам' в форме обратного перемещения городского населения в сельские местности.

Еще один пример — международное движение противников свободной торговли, расцветшее в результате использования интернета, и именно поэтому, по формальному признаку, его нужно рассматривать как тенденцию. Но, по сути, это движение есть хорошо организованное проявление стремления защитить интересы определенных сил в развитых странах от конкуренции со стороны дешевых импортных товаров, вытесняя их со всех прибыльных рынков. Это стремление к ограничению информации есть явный пример контртенденции. По вполне понятным причинам подобные гибриды крайне неустойчивы. Их схожесть с быстрораспадающимися химическими элементами, имеющими большие атомные веса, позволяет нам видеть в этом своего рода квантово-социологический феномен.

Не делая качественного сравнения между тенденциями и контртенденциями — Ницше, со своей стороны, всегда предпочитал действие, — мы можем подтвердить, что история, как правило, поощряет тенденции, а контртенденции обычно обречены на провал. Это в природе вещей: любая контртенденция подразумевает ограничение доступа к информации — стратегия, которая в долгосрочной перспективе есть не более чем беспочвенная попытка принимать желаемое за действительное. Контртенденции базируются на людских страхах и опасениях по поводу тенденций и способны лишь задержать ход исторического процесса, но несущественно повлиять на него. Едва только информация начинает распространяться, контртенденция теряет свою силу, и тенденция начинает побеждать на всех уровнях. Однако не стоит забывать, что сегодняшняя контртенденция зачастую является вчерашней радикальной и инновационной тенденцией, в соответствии с духом своего времени.

Демократия и национализм были когда-то социально-политическими тенденциями, отвечавшими развитию производительных сил и поддерживавшимися ростом информационного обмена. Но сегодня силы, стоящие за прежние социальные институты, являются контртенденциями. Несмотря на отдельные успехи, эти силы обречены на поражение в целом. Интернет — это факт. Массовые коммуникации все быстрее становятся интерактивными. На сугубо национальном уровне мало что представляет реальный политический интерес. Глобализацию, отход от религии и плюрализм остановить невозможно.

По приблизительной оценке, буржуазной демократии помнен им больше двухсот лет, однако миф о 'вечности' и 'незыблемости' демократических устоев оказался весьма эффективным и привлекательным. Этот миф поддерживался еще и тем, что буржуазная демократия — тенденция своего времени — оказалась невероятно успешной в деле невероятного подъема благосостояния общества. В легкой горячке конца капиталистической эры буржуазная демократия, в особенности после патетического краха коммунизма в Восточной Европе, стала рассматриваться не только как предпосылка, а одна ли не как гарантия процветания, несмотря на то, что оспорим, но довольно нехитрый тезис легко. Если мы обратим критический и юр и сторону Азии, то увидим, что едва ли благодаря демократический добродетели Сингапур, это постыдно диктаторское однопартийное государство, демонстрирует невероятный экономический рост на протяжении нескольких десятилетий. Аналогичным образом отнюдь не демократия проложила путь к экономическому чуду в Бангладеш. Но несмотря на это, миф продолжает жить.

Американский политолог Фрэнсис Фукуяма высказал идею, что буржуазная демократия знаменует собой 'конец истории' в гегелевском смысле — завершение исторического процесса. Историю должно рассматривать как процесс развития, общий для всех людей, длительную борьбу между различными социальными системами и философскими убеждениями, конфликт, существующий до тех пор, пока все варианты не испробованы и все неудовлетворительные решения не отброшены. Фукуяма утверждает, что альтернативы буржуазии демократии не выдержали испытания. Главным аргументом в пользу демократии является ее способность увязывать вместе все возможные противоречивые интересы в условиях продвинутой, глобальной рыночной экономики. Кроме того, демократия, с ее теоретическим равенством, из всех альтернатив наилучшим образом удовлетворяла потребности граждан в признании и уважении. Фукуяма прав и неправ одновременно. Буржуазная демократия, безусловно, наиболее подходящая социальная конструкция во многих отношениях, но — только в рамках капиталистической парадигмы. Когда обстоятельства меняются, история вновь приходит в движение.

В идею буржуазной демократии был вложен столь значительный идеологический капитал, что любая попытка подвергнуть идею критике и любые дискуссии о возможных недостатках демократической теории с негодованием и отвращением отвергались и клеймились как ересь огромными силами, охранявшими этот миф. Вокруг демократии и ее ритуалов соорудили культ, содержащий поразительно иррациональные элементы, массовое движение, сплавляемое верой в то, что магическая сила политически корректных процедур может решить или, по крайней мере, ослабить все серьезные социальные проблемы. Считается, что сами по себе формы демократии являются залогом здорового политического содержания. Согласно этой самой могущественной демократической догме, корректный метод принятия решений всегда приводит к мудрым решениям. Самоназначенные представители политической добродетели убедили себя и всех, кто прислушивался к ним, что нет разницы между корректным методом принятия решений и мудростью этих решений. И даже если кто-нибудь, обладающий плохими манерами, напоминает, в качестве наиболее сильного примера, что нацисты пришли к власти как раз в результате демократических парламентских выборов, ответ, как правило, содержит разные путаные объяснения насчет 'демократической незрелости' немцев и специфики тогдашней ситуации. То, что демократия как таковая редко или никогда не является гарантией мудрых решений, не признается.

Исключения только подтверждали это правило. Как только демократическая зрелость населения достигает приемлемого уровня, демократия, как хорошо смазанная политическая машина, начинает генерировать мудрые решения. Такая вера в демократический процесс столь

же непоколебима, сколь и безосновательна. В этом больше от религиозной веры, чем от эмпирического знания. В соответствии с аксиомой, избиратели не могут проголосовать неправильно, а если вдруг они это делают, как австрийцы, приведшие к власти крайне правых в конце двадцатого столетия — результат, вызвавший протесты всего Европейского Союза — это немедленно объявляется ошибкой и корректируется соответствующим образом.

Буржуазия прославляет демократию, как если бы она была чем-то священным, но только до тех пор, пока демократические принципы не входят в противоречие с ее собственными интересами. Церемониальная риторика демократии вся пронизана духом лицемерия. В лучшем случае — хрупкий компромисс между конфликтующими политическими силами, а в худшем — способ легитимизации выгодных властной элите решений, демократия превозносится как нечто справедливое и вечное, находящееся в согласии с законами природы. Феодализм допускал веру людей во что угодно, коль скоро они верили в Бога. Буржуазная терпимость позволяет голосовать за кого угодно до тех пор, пока люди так или иначе голосуют за демократическое государство в одной из его санкционированных разновидностей.

Как в случае с другими противоречиями внутри господствующей парадигмы, данное противоречие есть признак того, что капиталистическая парадигма отжила свое. Спустя всего десятилетие после признания буржуазной демократии кульминацией исторического развития осознание ее кризиса стало очевидным. Апатия в отношении утопии растет, и с демократии постепенно снимаются все покровы. Поскольку технический прогресс продвигает совершенно новую экологию, демократическое 'признание', на котором Фукуяма строил большую часть своей аргументации, обесценивается. Собственно, Фукуяма был первым, кто обратился к этой проблеме с изрядной долей старого доброго ницшеанского сомнения. Есть ли вообще, вопрошает Фукуяма, смысл добиваться всеобщего признания? Кого удовлетворит что-то доступное всем? Возвращая к жизни дух Ницше, Фукуяма подчеркивает, что всеобщая терпимость и исчезновение ценностей будут иметь роковые последствия для общества. Может ли чувство самоуважения допустить, чтобы его вытеснило стремление к достижениям? Возможно ли всеобщее признание вообще? Можем ли мы надеяться, что когда-нибудь избавимся от системы ценностей и иерархии достижений?

Абсолютно 'уравновешенная' (equal) личность не обладает способностью к моральным оценкам, поскольку это требует наличия каких-то начальных представлений о добре и зле, что вступает в противоречие с основным принципом 'политкорректности' (последней отчаянной попыткой отмирающей демократии быть одинаково 'хорошей' для всех) — исключительной терпимостью. Когда общество начинает расценивать все явления как 'равноправные' и ставит во главу угла равномерное распределение ресурсов, оно теряет импульс для творческого развития. Стабильность сопровождается стагнацией, что ведет к коррозии демократии, в ее обоих — активном и пассивном — состояниях. Стабильность, однако, не самая главная из всех проблем. Мы знаем, что стабильность — это химера, научная абстракция. Стабильность не присуща сложным системам, и в этом смысле Фукуяма допустил большую ошибку, спутав реальность с моделью.

Демократия стала вызывать беспокойство. Она требует все большего внимания в форме образования и воспитания, в связи с чем всевозможные государственные и научные институты настаивают на увеличении бюджетов. Мы больше не можем воспринимать демократию как данность — предупреждают они. Демократия должна быть укреплена любой ценой — таков лозунг всех тех, чья власть зиждется на демократии, и кто по понятным причинам не заинтересован в плюрализме. Пропаганда заявляет, что единственной альтернативой демократии является зловещая диктатура, несмотря на то, что диктатура, как учит история, на самом деле легко устанавливается все теми же демократическими средствами. Зато плюрализм гонима всеми возможными способами. Может даже создаться впечатление, что плюрализм вовсе не существует, что она не может даже зародиться. Весьма забавно, что интернет преподносится как инструмент, который будет способствовать окончательному триумфу демократии. В действительности же, интернет отвечает за новую информационно-технологическую среду, в которой плюрализм расцветает благодаря естественному отбору, а демократия обречена на поражение. Кризис существующей формы правления налицо. С этого момента демократия становится синонимом кризиса,

затрагивающего её саму, а равно и уходящую парадигму в целом. В результате смены парадигмы ранее немыслимое становится предметом размышления. Информационное общество будет развивать новые политические структуры. Одна из главных политических проблем: в тех областях, в которых политики хотели бы принимать решения, уже не осталось ничего такого, по поводу чего можно было бы это делать. Рынки и экономика изменились. В этой ситуации рост федерализма становится для демократии последней каплей, поскольку развитие все больше направлено на создание глобального государства. Проект глобального государства не представляется невероятным, не в последнюю очередь потому, что на кону судьба целого политического класса. Вслед за Всемирной Торговой Организацией может последовать Всемирная Налоговая Организация и т. д. Но усилия напрасны, и не потому что попытка мобилизовать энтузиазм избирателей всего мира потребует колоссальных усилий, но потому что плюрализм станет свершившимся фактом еще задолго до того, как подробный план создания глобального государства будет просто нанесен на бумагу. В виртуальном мире политики окажутся бессильными.

Даже виртуальный мир, пусть и спонтанно, образует некоторые глобальные структуры. Электронная элита сформирует новый всеобщий язык, основанный на английском сетевую латынь, который станет глобальным языком общения нетократии. Такая сильно модифицированная версия английского языка, в котором субкультурные диалекты выйдут на первый план, стандартные фразы будут намного короче, неологизмы будут поощряться, а придаточные предложения выйдут из употребления, станет универсальным средством общения глобальной сети.

Впечатляющее англо-саксонское лидерство в сфере музыки и индустрии развлечений указывает на центральную роль, которую играет общий язык в условиях медиализации общества. Уже сейчас заметно, что англоязычные страны на разных континентах занимают ведущие, по сравнению со своими соседями, позиции в информационном процессе. Это справедливо для Великобритании, Ирландии, Канады, Австралии и Южно-Африканской Республики. Эти страны являются лидерами в распространении англо-саксонской интернет-культуры, и это еще без упоминания роли Соединенных Штатов. Подобным образом Гонконг, Сингапур и Индия находятся на ведущих ролях в Азии. В Европе первенство принадлежит Нидерландам и Скандинавии, где уровень владения английским языком так высок, что английский в сущности стал вторым родным языком. Конвергенция глобальных коммуникаций все более требует появления общего языка общения, что, конечно, пойдет на пользу англо-саксонской медиа-индустрии, которая и до появления информационного общества была чрезвычайно хорошо развита, а теперь это основной поставщик содержания для интернета.

Вполне логично, что маленькие страны с ограниченными внутренними рынками легче адаптируются к необходимости мыслить и действовать глобально, чем страны с обширными внутренними рынками. Относительная бесполезность их национального языка вынуждает их приспособляться и постепенно переходить к использованию сетевой латыни, основанной на английском языке. Те же страны, которые решились бросить вызов английскому языку в качестве национального языка интернета, а именно страны, в которых используется французский, испанский, немецкий, арабский, японский и китайский языки, испытывают серьезные затруднения при попытках встроить свои национальные сети в глобальную сеть. По этой причине первоначально весьма ограниченное число людей из этих языковых областей по-настоящему принимают участие в глобальных сетевых проектах. Без 'продвинутого' программного обеспечения в области переводов языковые различия будут оставаться коммуникационным барьером.

Местные и региональные языки и диалекты сохраняют свое значение для большей части населения, но постепенно переходят на второстепенные позиции. Родные языки будут продолжать иметь хождение среди консьюмтариата, а для нетократии они превратятся в разновидность занятого и сентиментального хобби, став еще одним своеобразным развлечением. Подобно тому, как туристы средней руки прошлых времен, находясь на отдыхе за границей, козыряли взятыми из разговорников выражениями, так и нетократы, проводя летние отпуска в своих напичканных техникой загородных домах, будут забавляться изучением

характерных выражений местного языка, причем с известной отстраненностью и изрядной иронией. Пористая структура англоязычной сети будет, конечно, содержать некоторое количество диалектов, которые, однако, не будут иметь географической привязки, а скорее принадлежать различным виртуальным субкультурам, и будут в основном выступать в роли 'маяков', позволяющих отличать членов своего племени от всех прочих.

Важнейшей причиной, по которой Соединенные Штаты оказались так удачно приспособлены к виртуальной культуре, является присущее этой стране плюралистическое отношение к географическому пространству, что еще со времен первых переселенцев было весьма характерно для американского менталитета. Принятие решений большинством голосов никогда не имело в массовом сознании американцев столь глубоких корней, как в Европе благодаря концепции 'границ продвижения' (Frontier), то есть нескончаемого покорении неизведанных земель. Если американец в пределах видимости не обнаруживал ни одного соседа, это значило, что можно вбить в землю очередной колышек (обозначающий границы своей земли) и так продолжать движение дальше и дальше на запад, открывая все новые земли. Когда же переселенцы достигли Тихоокеанского побережья, они продолжили движение на Аляску и Гавайские острова. Тяга к постоянному месту проживания никогда не была сильна в американской культуре. В ней всегда существовало экспрессивное и непреодолимое стремление познать неизвестное, постоянная готовность сорваться с места, романтизация кочевого образа жизни. Позднее это еще раз проявилось в космических проектах 1960-х и 1970-х годов. Когда Земля была вся открыта и размечена, неизведанным и не колонизированным оставался только космос. Космос стал последней 'границей продвижения' (Final Frontier).

Но только до тех пор, пока наше мышление было ограничено физическим пространством. По-настоящему революционное приключение ожидало нас в цифровой Вселенной спутниковых соединений и оптоволоконных кабелей. В 1980-е интернет — принципиально новая 'граница' — стал доступен всем и каждому. И ее первыми исследователями и первопроходцами стали как раз маргиналы американского общества — одинокие волки, субкультурные аутсайдеры, которые чувствовали себя неуютно в доминирующей культуре, при всем ее благополучии. Не находя себе места, они поворачивались спиной к масс-культуре и срывались с места, унося с собой изрядный запас пограничных колышек, чтобы открыть новые земли. Эта виртуальная массовая миграция, описанная американским социологом Марком Печем как миграция к 'границе познания', ознаменовала начало колонизации нового мира, который был в буквальном смысле неограничен. Бесконечный поток все новых и неизведанных виртуальных территорий ждет американских кочевников. Путешествие не должно кончаться. Предплюралистическая традиция подготовила почву для плавного перехода от демократии к плюрархии, и переход будет относительно безболезненным. Что американцам будет пережить гораздо труднее, так это обесценение денег и смерть капитализма.

Еще один священный общественный институт, который переживает фатальный и широко дебатированный кризис на пороге информационной эры, — это нуклеарная семья. Консерваторы ратуют за возвращение к 'традициям'. Надо четко представлять: то, что мы называем 'традиционной семьей', то есть та, в которой мужчина ходит на работу и зарабатывает деньги на жизнь, а женщина остается дома и управляет по хозяйству, вовсе не является традиционной. В действительности, 'традиционная' семья есть дитя 1950-х, результат возросшего благосостояния, воплощение представлений среднего класса о полном счастье. Средний класс переехал в пригороды, чтобы избавиться от юродского чада и толкотни. Пригороды с их буйной растительностью привлекали, поскольку взывали к нашим первобытным инстинктам.

Истинно традиционная семья есть нечто иное: это экономический союз и проект социализации, связывающий воедино несколько поколений. Семья как ячейка общества, что довольно интересно, имеет такой же возраст, как и другой феномен второй половины XX века — ядерное оружие, и должна рассматриваться как неотъемлемая часть позднекапиталистической одержимости индивидуализмом — полная свобода за счет полной изоляции, потребление взамен общения. За этим стоит простая и очевидная логика. Государство и капитал (снова и одной лодке!) заинтересованы, чтобы люди становились независимыми индивидуалистами, а не участниками широких социальных коалиций.

Во-первых, это помогает осуществлению централизованного контроля, и в то же время вырабатывает в людях чувство ответственности за самореализацию, что выражается в интенсивном терапевтическом потреблении товаров и услуг.

Нуклеарная семья появилась на свет, потому что это было наименьшее индивидуализированное социальное образование, наилучшим образом подходящее для воспроизводства. Однако, сточки зрения государства и капитала, семья не должна обязательно быть стабильной. Родитель-одиночка более зависим от субсидий, чем пара, и потому более послушен и контролируем. Заметный рост числа одиноких самостоятельных людей также означает существенный рост потребления. Если идеалом является отдельное проживание каждого человека в своем собственном доме, то это позволяет максимизировать спрос на жилье, средства передвижения, мебель, кухонные приборы и т. п. Образ жизни изолированного независимого индивидуалиста на его пути к самореализации всегда пролегает через увеличенное потребление.

По этим причинам прокатившаяся по Западному миру в середине 1960-х годов сокрушительная волна разводов не представляла опасности для буржуазных ценностей. Напротив, это было логичным продолжением процесса индивидуализации на всех уровнях и ускоряющегося развития социальных структур капиталистической парадигмы: от деревенских коммун и племенной семьи, включавшей несколько поколений, к одинокому городскому жителю, представляющему собой идеальную буржуазную семейную единицу. В начале информационного общества некоторые из этих тенденций на самом деле будут даже усилены. Ярчайший пример — уменьшение производственного сектора в пользу растущей индустрии информационного менеджмента и сектора услуг. Это означает, что громадное число недостаточно образованных мужчин окажутся невостребованными на рынке труда. Одновременно все большее число карьерных возможностей окажется доступным для женщин, что приведет к дальнейшему увеличению числа разводов и числа одиноких людей.

Сексуальность совсем другое дело: противозачаточные таблетки означали, что секс можно отделить от семейных обязанностей. Фрэнсис Фукуяма предположил, что таблетки не только предоставили женщинам свободу жить согласно своим желаниям без последствий, но, в первую очередь, освободили мужчин от чувства ответственности за детей, рождающихся в любом случае. Материнская забота о младенцах запрограммирована биологически, отцовская есть скорее продукт культурной эволюции и потому более подвержена разрушению. Добавим еще тот факт, что воспроизводство потомства перестает связываться с сексом как таковым, поскольку зачатие и беременность все более становятся делом биотехнических лабораторий. Это едва ли усиливает семейные узы.

Свобода от цензуры, предлагаемая интернетом, также означает, что секс и сексуальность становятся менее драматичными и превращаются в еще один способ провести время. Связь между сексом и совместным проживанием ослабевает. С одной стороны, это означает, что секс дистанцируется от отношений вообще, а, с другой, приводит к появлению форм совместного, где секс не имеет существенного значения. Вам необязательно сожительствовать с партнером по сексу. В конце концов, никому же не приходит в голову жить совместно с партнером по теннису! И вовсе необязательно заниматься сексом с человеком, с которым вы живете, как необязательно заниматься сексом с начальником или лечащим врачом. Традиционные формы личных отношений разрушаются и исчезают: форму отношений будут определять обстоятельства, а не наоборот.

Отсутствие в интернете понятия нормативного большинства означает, что любая форма сексуальной жизни становится социально приемлемой. Любое предпочтение получит свою собственную глобальную сеть. Гомосексуализм, садомазохизм, отсутствие сексуальности вообще — все это будет иметь не меньше прав на существование, чем все прежние формы, стимулируя развитие все новых и новых видов отношений. Интернет уже в значительной степени стимулировал беспрецедентное количество экспериментов по части секса и отношений, просто-таки настоящий взрыв экспериментаторской деятельности! Ключевое слово в данном контексте — гомосексуализм. Гомосексуальная культура освобождает гетеросексуальное общество от страданий по поводу 'нормальности' и 'нормативности' и быстро растет за счет имитации успешных сообществ гомосексуалистов. Секс больше не является объектом контроля

и регулирования. Им не занимаются для того, чтобы выполнить социально связующую роль в государстве или на рынке. Теперь это всего лишь основа для построения новых, более или менее устойчивых, племенных общностей в Сети. Гомосексуальная культура, таким образом, является подлинной тенденцией. Секс и совместное проживание заменяются сексом и племенной общностью.

Именно поиск общности в условиях неограниченных возможностей виртуального кочевого племени ведет к формированию новых подвижных семейных структур. Племенное расслоение культуры, этот виртуальный возврат к кочевым временам благодаря электронным сетям знаменуется тем, что идея постоянного дома перестаёт играть свою прежнюю роль 'точки опоры', а это стимулирует дальнейшие эксперименты с разными жизненными стилями. Мобильность общества и скорость перемен, плохо это или хорошо, усиливают ощущение оторванности от корней. Новое чувство бездомности одновременно и вынужденно, и желаемо, и бремя, и возможность, Новая кочевая жизнь предполагает постоянную миграцию между городами, занятиями, общностями.

Мобильность нетократии — вначале виртуальная, но теперь всё больше физическая — оставляет глубокие следы в обществе и культуре. Идея дома и места постоянного проживания выходит из употребления. Чем выше ваш статус, тем выше степень мобильности. Консьюмтариат, находящийся в безопасности в постоянных жилищах, легко доступен гомогенизирующему влиянию СМИ и остатков политической и отчаявшейся налоговой властей. Нетократия отбрасывает традиционную семью, проживающую в своей пригородной 'крепости'. Под влиянием нового элитарного образа жизни как грибы после дождя появляются всевозможные монастыри, гостиницы и центры духовного развития. Идентифицирующая функция постоянной резиденции исчезает и передается виртуальному эквиваленту: домашней странице в интернете. Для настоящего нетократа домашняя страница в интернете является единственно допустимой стационарной опорой существования. При условии, что она постоянно обновляется!

Кроме демократии и семьи еще одним общественным институтом, находящимся в состоянии жестокого кризиса, является система общественного образования, один из результатов быстрого роста населения Европы и Северной Америки в XIX веке, который, в свою очередь, так же, как и демографический взрыв в Третьем мире в XX веке, был следствием привычного разрыва между технологическими переменами и культурной реакцией на них. Как мы помним из анализа мобилистических диаграмм, исторические перемены происходят гораздо быстрее, чем люди в состоянии на них реагировать. Изменения материальных аспектов существования в культуре подчас проявляются с опозданием на несколько поколений. Рост численности населения Европы и Америки был вызван значительным падением детской смертности и повышением уровня жизни, при том, что уровень рождаемости оставался на прежнем высоком уровне. Заметное падение рождаемости началось лишь спустя несколько десятилетий, что означает, что все это время на свет появлялось колоссальное число детей. Сельские работяги и обитатели городских окраин были превращены в участников технологического процесса по воспроизводству населения.

Такое развитие событий привело к широким политическим последствиям. Вся эта масса детей нуждались в заботе и охране на удовлетворительном уровне, а также в воспитании в качестве полезных членов общества, упорных тружеников и прилежных потребителей. В середине XIX века эти настроения материализовались в виде нового общественного института — государственной школы. Помимо своего практического значения, школа была призвана играть важную идеологическую роль. В ранние годы индустриализации массовая занятость детей, начиная с самого раннего возраста, на тяжелых фабричных работах была обычным делом. Постепенно верхний и средний слои общества добились законодательного регулирования детского труда, а со временем инициировали введение всеобщего обязательного образования. Отчасти под воздействием романтического культа ребенка как существа наиболее близкого к идее чистоты и непорочности, они хотели защищать и воспитывать молодежь, оберегая ее от жестокостей жизни и осторожно знакомя с тайнами взрослых.

Не будем забывать, что детство — это культурный продукт эпохи Ренессанса. При феодализме детей вообще не относили к какой-то отдельной категории людей со

специфическими нуждами. Их взросление не имело никакого отношения к образованию и воспитанию. Дети были только и просто маленькими людьми, слишком слабыми, чтобы приносить реальную пользу. Слово 'ребенок' указывало не на возраст, а на родственные отношения, вы просто были ребенком того то и того-то, и оставались им всегда, что подчеркивает одержимость феодального общества фамилиями.

Как заметил Нил Постман, изобретение детства в эпоху Ренессанса было напрямую связано с изобретением печатного станка. Новая информационная технология привела к появлению нового представления о том, что быть взрослым — значит уметь читать. Соответственно, определение ребенка было противоположным — тот, кто не умеет читать. Ребенок не становился взрослым автоматически с течением времени, но только посредством обучения. В некотором смысле, обучение — это бунт против природы: маленького ребенка заставляют сидеть смирно и зубрить алфавит и прочие науки, когда игры и другие физические действия так манят! В этом обучение совпадает с необходимостью для ребенка контролировать свои импульсы. Детство стало одним из основных открытий эпохи капитализма, а равно и предметом бесконечных идеологических конфликтов.

Всеобщее образование означало, что процесс превращения во взрослого человека и члена общества приобрел производственный характер и распространился даже на детей рабочих. То, что с пафосом преподносилось как одно из прав человека, одновременно было и общественной обязанностью. Тот, кто не ходил в школу, не мог стать взрослым человеком, а потому и полноправным гражданином. Школа была призвана насаждать общественные ценности и воспитывать навыки, которые впоследствии удовлетворяли бы потребности общества в целом. Само образование было явным примером прогресса и было пронизано этой идеей сверху донизу. У каждого были свои причины горячо приветствовать возможность всеобщего образования: для рабочего класса оно было необходимо, чтобы у их детей был единственный, пусть теоретический, шанс подняться вверх по социальной лестнице. Буржуазии оно давало шанс привлекать молодые таланты к управлению государством и формировать из оставшейся части рабочего класса эффективную рабочую силу для фабрик.

Ничто не оставлялось на волю случая. Все предприятие было тщательно спланировано сообразно наиболее продвинутому педагогическим программам своего времени, причем организационной моделью служили реальные взрослые учреждения — армия и психиатрические лечебницы. Школы стали инструментом отбора в ряды капиталистической меритократии и успешно функционировали в таком качестве до тех пор, пока рынок труда предъявлял более или менее стандартные требования к компетенции работников для последующего карьерного роста, другими словами, до тех пор, пока сохранялась четкая связь между образованием и трудовой деятельностью. Но с наступлением информационного общества буржуазное понятие 'карьеры' утратило смысл, что неминуемо означало кризис системы образования.

Информационный рынок труда имеет совершенно новую структуру. Трудоустройство перестало быть пожизненным, и стаж работы не имеет уже первостепенного значения. Бизнес-организации становятся все менее жесткими и все больше концентрируются на краткосрочных проектах, для которых каждый раз требуются люди с определенными навыками. Такие временные образования создаются лишь для того, чтобы распаться после завершения проекта. Образование не может быть законченной главой, оно должно постоянно обновляться. Каждая новая задача возникает в принципиально отличных от прежних условиях, что каждый раз требует новых знаний. Неизбежное следствие: любой диплом, сертификат или звание практически бесполезны на следующий день после их получения. Это в свою очередь означает, что школы утрачивают большую часть своих ролей, кроме обучения письму и места для социального тренинга: дети могут получить разнообразные знания, сидя перед монитором компьютера, а не в школе за партой. Во все более фрагментированном и изменяющемся обществе идея централизованного, единообразного школьного образования, связанная с идеей национального государства, выглядит устаревшей. Уже сейчас увеличение спроса на дополнительное образование и развитие навыков как вне, так и внутри бизнеса привело к тому, что многие старые академические учреждения почувствовали ветер перемен. Политики сражаются за право быть инициаторами создания субсидируемых бизнес-парков для растущих

отраслей промышленности, таких как информационные технологии и биотехнологии, на базе университетов и колледжей. Все более дорогостоящие образовательные программы создаются под заказ конкретных компаний с беспредельной щедростью. Но будет ошибкой считать это признаком того, что традиционные образовательные учреждения будут играть ведущую роль в информационном обществе. Бизнес-парки — это скорее контртенденция, нежели тенденция; отчаянная, заранее обреченная на неудачу попытка защитить прежние иерархические структуры в новых обстоятельствах. Действующие лица старой парадигмы слишком крепко привязаны к своим историческим позициям, чтобы быстро и легко передвигаться и обеспечить выживание в виртуальной экосистеме.

Феодальные корни академической культуры хорошо прослеживаются в ее трепете перед титулами и званиями. Ее замкнутая система координат, вся эта жесткая иерархия, неспособность воспринимать критику конструктивно — все это подрывает доверие к системе. В глазах нетократии, чей скептицизм в отношении самозванных экспертов-многостаночников является чуть ли не врожденным, академический мир предстает устаревшим и загнивающим. Противостояние между академической наукой и нетократией до известной степени носит искусственный характер. Но под поверхностью скрываются более фундаментальные различия в образе мысли, которые становятся тем заметнее, чем отчаяннее университеты стремятся защитить свои пошатнувшиеся позиции.

Короче, это вопрос противостояния двух совершенно разных темпераментов. Для нетократии скорость и кругозор — перво-степенные качества, приоритеты традиционных исследований — скрупулезность и глубина, чем и объясняются настойчивые исследования стабильности, которая является абсолютной фикцией: чисто теоретическая конструкция с минимальной связью с реальным миром, доминировавшая в общественных науках на протяжении всего XX века. Нетократия заинтересована в переменах, а академики — в исследовании статических моделей. Другими словами, нетократия изучает подвижные тела, а академики продолжают производить вскрытие застарелых трупов. Вместо теплой встречи между представителями этих групп нас ожидает жестокая схватка двух культурных начал, которая для академического мира закончится плохо, поскольку ему, со всей его невротической одержимостью скрупулезностью и приверженностью к ссылкам и сноскам, едва ли удастся поспеть за быстрыми и разносторонними нетократами.

Нетократы нуждаются совсем не в том, что им могут предложить университеты. В дефиците способности воспринимать и накапливать огромные объемы информации, в сочетании с интуитивным пониманием того, какая информация нужна в той или иной ситуации; в быстрых ассоциациях и в своего рода иррациональной игривости, а не в добросовестном изучении первоисточников. Нетократическое отношение к знанию одновременно и инструментально, и эстетично. Когда нетократам не удается найти то, чего они хотят в университетах или бизнес-парках, они поворачиваются спиной к академическому миру и строят свои собственные, в основном, виртуальные мозговые центры, свободные от чрезмерного администрирования, интеллектуального снобизма и тирании деталей.

В будущем образование станет характеризоваться интерактивностью и прагматизмом. Оно будет осуществляться через интернет в виде небольших, тщательно адаптированных под конкретную задачу, модулей. Правила будут определять сами студенты, а не университеты. Соперничество между этими изошренными и подвижными системами будет настолько сильным, что на этом рынке просто не останется места для неповоротливых и ресурсоемких университетских монстров. В будущем никому и в голову не придет грызть гранит науки в каком-нибудь заброшенном колледже, вдали от рынков труда, зазубривая избитые истины в надежде получить диплом, который, подобно ордену Ленина, будет не более чем занятным китчем. Образование не будет иметь с этим ничего общего.

Кризис образования усугубляется еще и тем, что академические институты совершенно не способны создавать функциональные сети. Интернет-архивы и все списки электронной рассылки, получившие в последнее время распространение среди ведущих университетов Европы и Северной Америки, берут свое начало из совершенно ошибочного представления о том, что творчество и решение проблем могут быть стимулированы при помощи публичного обсуждения, доступного всем желающим. С точки зрения нетократического наблюдателя, эти

попытки непростительно наивны. Нетократия отлично понимает, что сеть может функционировать эффективно, только когда она помогает существенно снизить временные затраты на общение ее участников, являясь лишь местом встречи для обмена эксклюзивной информацией. Такая сеть предполагает наличие жестких и чувствительных кураторов; она предполагает безжалостные манипуляции информацией, удобный доступ и формат. Поэтому любой подросток в состоянии регулировать работу своей собственной сети более эффективно и, что важно, более целенаправленно, чем все наивные и беспомощные университеты с их смехотворным присутствием в интернете, несмотря на колоссальные субсидии.

По иронии судьбы, интернет был первоначально создан университетами для собственных целей, но, в итоге, они и сами толком не поняли, как же следует обходиться с этим инструментом общения, управление которым им доверили. Развитие событий оставило их далеко позади. Мы снова видим, как распределение власти в информационном обществе зависит от креативности, а не от финансовых вливаний или государственного регулирования. Из этого следует, что нетократы не испытывают стремления кичиться научными званиями, напротив, будет более престижно подчеркивать отсутствие формальной квалификации. В глазах нетократов законченное образование и научное звание является не признаком заслуг, а скором свидетельством непростительной нехватки здравого смысла. Университеты со временем приобретут репутацию закрытых лабораторий интеллектуальной терапии, и к каждому, кто там побывал, будут относиться с растущей подозрительностью. Однако академические институты представляют властные интересы, от которых не так легко отмахнуться. Они будут восприниматься как потенциальный источник вредных для нетократии контртенденций. По этой причине нетократия вряд ли ограничится простым игнорированием академического мира, но будет активно ему противодействовать, хотя бы посредством исключения его представителей из числа членов влиятельных сетей.

Тенденции сталкиваются с контртенденциями на каждом культурном и общественном уровне при переходе от капитализма к информационному обществу. Одной из самых значительных тенденций, касающихся благосостояния и образования, демонстрирующей признаки усиления, является падение рождаемости в западных странах. Теперь просто не модно заводить детей. В большинстве стран Запада женщины в среднем рожают одного ребенка, последствия чего не так уж трудно предсказуемы — численность населения уменьшается ускоренными темпами. Политикам XXI века уже не придется беспокоиться о судьбе орд детей. Одной из крупнейших проблем будет в точности противоположная — как справиться с сокращением населения. От этого уменьшающегося числа молодых людей ждут, что они обеспечат увеличивающееся число старых людей, которые становятся все старше. Во времена демократии пожилые люди могли бы воспользоваться своим большинством, чтобы реализовать режим геронтократии над молодежным меньшинством. Но, как мы уже отмечали, в плюрархическом обществе не существует связи между властными полномочиями и количественным превосходством, точно так же, как между властью и количеством денег. Наоборот, весьма вероятно, что именно более юное меньшинство будет иметь большее влияние благодаря своим более отвечающим духу времени способностям и большей маневренности в сетевом пространстве.

Пока нетократы экспериментируют с жизненными стилями и идентичностью в своих хорошо охраняемых сетях, консьюмтариат продолжает удерживаться в приемлемых границах благодаря диснейфикации всей популярной культурной жизни. Развлечения, потребление и свободное время сливаются в единый, громадный сектор экономики. Гигантские зоны отдыха со всеми мыслимыми фабриками развлечений, как правило, строятся поблизости от аэропортов, где прибывающий отовсюду консьюмтариат развлекается, чтобы обеспечить себе здоровый сон. Самую современную и дорогостоящую технологию развлечений предлагают так называемые мультимедийные тематические парки: коллективное помешательство для отчужденных рабов клавиатуры. На бесчисленных развлекательных сайтах в интернете всегда к услугам потребителей интерактивные мыльные оперы и все мыслимые варианты бинго, лотереи и розыгрыши, всевозможные игры. У каждой игры будет свой телевизионный канал и интернет-страничка её ведущего. Представление идет весь день, каждый день, всегда.

Как было сказано выше, привлечение СМИ для целей пропаганды станет более

затруднительным, чем раньше. Будет невозможно использовать прежние неуклюжие стратегии, как во времена централизованной односторонней коммуникации. Однако превращаясь все больше в часть СМИ, виртуальная реальность станет более чувствительной к манипулированию информацией. Любая попытка использования СМИ будет все более походить на вторжение самой реальности. Граница между тем и другим начнет стираться, и ее будет все труднее поддерживать. В результате пропаганда станет невидимой, неразличимой даже для экспертов. Она по праву станет реальностью сама: очень тонким проявлением власти элиты в форме приятного и успокоительного массажа массового сознания.

Искусство и философия находятся в поиске новых задач и новых выразительных средств. Но стремление найти синтетическое решение в виде тотального искусства, универсальной описательной модели, осталось в прошлом. Ежедневная жизнь делает такие попытки бессмысленными и бесполезными. Философия языка XX века оставила нас с осознанием ограниченности нашего понятийного аппарата. Проблема в том, что количество доступной информации растет экспоненциально, а наши способности перерабатывать входящие импульсы развиваются со скромной скоростью биологической эволюции, практически незаметно. Виртуальный мир стремительно уносится от нас, и в этом — трагизм мобилистического учения, которое ставит перед нами задачу сделать управляемым мир, который, по определению, является неуправляемым. Это иллюзорное представление с каждым новым шагом включает все большую долю непонимания. Мы все сильнее зависим от нашей способности создавать функциональные модели для ориентации.

Новый рационализм становится трансрационализмом и содержит фундаментальное понимание неизбежных ограничений рационального мышления. Трансрационализм отвергает любые формы трансцендентализма и метафизики, одновременно признавая недостатки рационализма. Мобилистическое кредо сможет взять за точку отсчета ницшеанский призыв к добровольной капитуляции перед бесконечностью, наполняющей существование 'радостью трагедии'. Или идею Спинозы о любви к этому бесконечному миру, невзирая на то, что в обмен мы можем рассчитывать лишь на его холодное безразличие. По убеждению мобилистов, следует отбросить детские мечты об ответном чувстве и поддержке. У нас нет выбора — жизнь никогда не будет ничем другим, кроме того, что она есть.

Когда рационализм складывает оружие, остающийся на его месте вакуум, то есть тот самый 'транс' в слове трансрационализм, может быть заполнен только с помощью живописи, литературы, музыки и всех иных гибридных форм искусства, открывшихся благодаря новым технологиям. Творческие возможности практически неисчерпаемы. Обратная сторона медали искусство, даже больше чем прежде, станет эксклюзивной провинцией сетевых племен. Возможно, искусство не будет иметь осязаемого влияния, отчасти из-за исключительной целенаправленности действия масс-медиа в Сети, отчасти потому что другие племена будут пользоваться иной системой координат. Весь понятийный аппарат, делающий более сложную культуру доступной, существует только в нестабильных связях Сети. Вот почему культура станет еще одним барьером, разделяющим группы людей в электронном классовом обществе и объединяющим и создающим идентичность фактором внутри узких слоев населения.

Информационное общество не знает равенства. И его неравенство выглядит более 'естественным', чем в прежние времена, поскольку его меритократический элемент велик, власть не поддается локализации, а механизмы самовыражения так неочевидны. Нетократия довольно неприступна. Она ничего ни у кого не отняла, и ее властные позиции строятся исключительно на невероятной способности приспособливаться и преуспевать в условиях экосистемы, порожденной информационными технологиями. Новый низший класс, со своей стороны, не обладает прежней привлекательностью и сексуальностью и не вызывает пафосного требования справедливости, что было присуще пролетариату капиталистической эры и внушало известную симпатию. Консьюмтариат является низшим классом вследствие недостаточного социального интеллекта, нормы которого устанавливаются информационным обществом.

Двери не для кого не закрыты. Проблема в том, что необходим особый талант, чтобы отыскать ручку и войти — талант, отсутствующий в широких массах. Является ли это неравенство обязательно несправедливым? И если да, то с чьей точки зрения? И если да, то что с этим делать? Должны ли мы пытаться ограничить тех, кому удастся наилучшим образом

воспользоваться предоставившимися возможностями? Должны ли мы и впредь давать шанс людям, которые не смогли воспользоваться им столько раз прежде? Как мы можем решить проблему растущего неравенства в обществе, в котором неравенство невозможно устранить перераспределением? Ведь мы пока не научились пересаживать мозги.

ГЛАВА XI. ЗА КРЕПОСТНОЙ СТЕНОЙ — ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НЕТОКРАТОВ И ВИРТУАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

По мере разрушения центральных буржуазных институтов возникает вакуум. Пока эти институты сохраняли влияние, они выполняли определенную стабилизирующую функцию. На смену им придет состояние системной турбулентности, динамику которой невероятно трудно предугадать. Отдельные тенденции совершенно очевидны. Но когда взаимодействует такое большое количество тенденций и контртенденций, число переменных столь велико, а уровень абстракции настолько высок, то даже самые изобретательные догадки становятся чем-то вроде интеллектуального метеоро-логического прогноза — надежного лишь на очень короткий срок. Несмотря на это, есть смысл методично собирать все возможные квалифицированные прогнозы, стараясь идентифицировать и анализировать социальные конфликты, характерные для информационного общества.

Основой для политических и культурных дебатов в информационном обществе станут совершенно новые обстоятельства. Дискуссии о равенстве, популярные при капитализме, окажутся безнадежно привязанными к ушедшей эпохе, когда распределение статуса и власти зависело в первую очередь от деспотической системы. Происхождение, достаток, пол и цвет кожи не будут иметь решающего значения в информационном обществе, где личный статус и влияние определяются способностью человека к восприятию и переработке информации, уровнем социального интеллекта, восприимчивости и гибкости. Либеральный идеал равенства — равные возможности самореализации для каждого, таким образом, уже осуществлен на практике (а социалистический идеал равенства — равное вознаграждение для всех, невзирая на контекст, должен рассматриваться как дискредитировавший себя и ушедший в историю с крахом коммунистической утопии).

Но в тот самый момент, когда придет осознание этого, станет очевидно, что информационное общество в ряде аспектов является более неравным и статичным, чем любое другое. То, что мы называем 'новой социологией', посвящено описанию этих явлений. Система характеризуется проницаемостью на всех уровнях общества и, соответственно, большей мобильностью для каждого человека, правда, взамен эти пористые структуры намного крепче. Механизмы меритократической классификации будут все более совершенными: всякий и каждый, у кого достанет таланта и инициативности, чтобы представлять угрозу, будет автоматически продвигаться на более привилегированные позиции в сетевой иерархии и становиться частью элиты. Трудно представить какую-либо политическую партию, протестующую против неравенства умов или того, что талант вознаграждается. В конце концов, это только 'естественно'!

Новые принципы классового деления в информационном обществе, наряду со снижением его прозрачности и коллапсом традиционной левой идеологии, создают почву для серьезного роста насилия. Движение протеста консьюмтариата будет страдать от хронической нехватки лидеров — поскольку все потенциальные таланты постоянно поглощаются нетократией — и отсутствия идеологической изощренности. Коллективное мышление консьюмтариата будет противоречиво, его действия — спорадическими и импульсивными. Социальный протест будет слепым. Потребителям-мятежникам будет недоставать образованности и дисциплины рабочих движений прошлого, а равно и долгосрочной цели. Не будет стремления объединить консьюмтариат вокруг общей цели, будь то внутри или вне системы, и не будет веры в организованную революцию или ревизионизм, то есть пойдет постепенная нетократизация консьюмтариата через политическую борьбу и упорный труд. Сохранится лишь революционная эстетика: романтизация сопротивления как такового, опьянение духом беспорядочного коллективного разрушения. Но и только.

Важно помнить, что, в отличие от рабочего класса, консьюмтариат не обладает устойчивой верой в светлое будущее. Потребители мятежники никогда не смогут поднять своих соратников на борьбу под лозунгом: 'Нам принадлежит будущее!'. Едва ли яростное выражение несогласия будет носить прогрессивный характер. Напротив, повстанцы будут щеголять своим упадком, регрессивностью и ненавистью и к настоящему, и к будущему. Революционеры консьюмтариата не будут иметь идеологической связи ни с выступлениями рабочих и профсоюзов, ни с крестьянскими восстаниями при феодализме. От своих предшественников они возьмут разве что их риторику. Скорее уж они позаимствуют идеологическое вдохновение у закрытых гильдий средневековья и пуританских движений эпохи Просвещения, то есть стремление к изоляции от окружающего мира в ожидании конца света и распада Вселенной.

Ранние признаки этих движений протеста консьюмтариата заметны уже в переходный период от капитализма к информационному обществу в форме разных, мелькающих в заголовках газет сект судного дня. Эти секты привлекают и находят последователей среди угнетенного класса общества масс-медиа, включающего как остатки традиционного рабочего класса, так и растущий консьюмтариат. Секты судного дня — не географический феномен, они появляются в разных частях света — США, Швейцарии, Японии, России, Уганде — значит, их появление не связано с какой-то специфической национальной культурой. Это глобальное явление, ранний пример контркультуры консьюмтариата. Пока нетократы стремятся покорить мир, эти группы поворачиваются спиной к враждебной среде и счастливы, только причиняя ущерб, прежде чем столкнутся с добровольным физическим саморазрушением.

Стремление дистанцироваться от реальности, создать параллельный мир, выглядит вполне естественным для членов все более медиализируемого общества, в котором границы между реальностью, столь хорошо охранявшейся при капитализме, и вымыслом, распространяемым СМИ, становятся все менее различимыми, да и ненужными. Новости — это развлечение, направленное и преподносимое согласно эстетике развлекательного жанра. Политика, по выражению ведущего телешоу Джея Лено, стала 'шоу-бизнесом для уродов', что-то вроде телевизионной постановки о сенсационных социальных проблемах. Предложение с головой покрывает спрос благодаря росту достатка и отточенной рекламе. В экономике, где развлечению есть главная ценность, брэнды наделяют товары заведомо фиктивными, но оттого не менее влиятельными 'личностными' качествами, Жизненный стиль заменяет саму жизнь. И все это только усиливается тем, что нетократия осознанно поворачивается спиной к 'реальности', находя убежище в своих виртуальных племенах.

Наступление информационного общества и прорыв в сфере интерактивных СМИ символизируют еще один гигантский шаг по направлению к тому, что Жан Бодрийяр назвал 'гиперреальностью'. Есть причины, по которым многие люди в стане нетократов и среди консьюмтариата предпочитают вымысел реальности, поскольку вымысел предоставляет существенно большие возможности самоидентификации и создания социальных общностей. Постепенно мир вокруг все больше напоминает Диснейленд. Развалины замков восстанавливаются и превращаются в места экскурсий утомленных жизнью городских жителей. Убыточные фермы превращением в 'тематические' парки с сельскохозяйственной тематикой, давая волю 'аграрным' развлечениям. Круизные теплоходы, гостиницы, целые территории становятся частью тщательно спланированных фантазий и пр. Люди в известной степени превращаются в исполнителей собственной жизни, более или менее убедительно играя в ней 'роли' самих себя. Реальность становится второстепенной частью гиперреальности подобно тому, как природа становится лишь частью культуры. Никакой настоящей реальности больше не существует, только виртуальные арены, на которых даются представления. Потому виртуальная среда становится полным синонимом 'окружающей среды'.

К концу 1990-х годов интернет добрался до самых дальних деревень в Индии и Латинской Америке, в которых все еще отсутствовал водопровод. У нетократии гигантские колониальные амбиции, потому консьюмтариату нет нужды беспокоиться о невозможности доступа к благам новейших технологий. Напротив, единственный шанс низшего класса выказать недовольство своим подчиненным положением — это вообще отказаться играть какую-либо роль в информационном обществе. Эстетика пассивного сопротивления станем актом добровольного самоотречения. Активное же сопротивление примет вид яростных демонстраций,

вдохновенных выступлениями луддитов эпохи ранней индустриализации, разрушавших машины, подрывавшие ценность ручного труда, а вместе с тем и сами основы традиционной жизни. Угроза насилия — единственное, что может заставить правящий класс прислушаться.

Поэтому повстанцы из рядов консьюмтариата будут создавать ячейки сопротивления, чтобы формировать контртенденции, целью которых будет достижение социального и технологического неучастия. Они пойдут скорее по пути возрожденных народных движений далекого прошлого, чем будут подражать рабочим первомайским демонстрациям, стараясь освободиться от системы, а не реформировать ее изнутри. Их ответом на развитие технологий и индустрии развлечений будет неистовое сопротивление. Последствия будут драматичны, но не эффективны, поскольку ресурсы консьюмтариата весьма ограничены. Подлинная классовая война в информационном обществе станет возможна, только когда мятежники консьюмтариата заручатся поддержкой вне своих рядов, что произойдет, если нетократическое псевдоединство затрещит по швам. В результате впервые появятся могущественные антинетократические сети: несвященный союз революционных головорезов консьюмтариата и предателей класса нетократов. Именно между этими альтернативными, жадными до власти иерархиями и подлинной нетократией развернутся основные сражения гражданской войны информационной эры, ведущейся в форме стихийных и потенциально опасных столкновений.

Одним обязательным условием этой борьбы является внутренний нетократический конфликт, имеющий ярко выраженную идеологическую подоплеку. Этот конфликт изначально заложен в самой системе и касается чрезвычайно болезненного вопроса об интеллектуальной собственности. Как в свое время аристократия покорилась судьбе и стала сотрудничать с буржуазией, шедшей к власти, так теперь буржуазия мостит дорогу нетократии, помогая легализовать право собственности на идеи. Чтобы лучше разобраться в феномене 'виртуальной собственности', необходимо ознакомиться с четырьмя ключевыми понятиями: патенты, авторские права, шифрование и система защиты. Это составляет основу 'новой экономики', а также — возникновения нетократии и захвата ею власти.

Авторское право есть исключительное право использовать или контролировать использование любой нематериальной собственности. Патент — это исключительное право использовать или контролировать использование определенного изобретения в ограниченный период времени. Авторские права и патенты были основополагающими понятиями даже в экономике позднего капитализма. С возникновением информационного общества эти права начали все больше применяться в сфере производства, хранения и распространения цифровой информации. Первыми цифровыми продуктами, нуждавшимися в защите с помощью авторского права и патентной системы, стали программное обеспечение для компьютеров и музыка на компакт-дисках. Но со временем феноменально возросла ценность цифровой информации. Это означает, что торговля идеями и дизайнерскими разработками превратилась в быстрорастущий сектор экономики.

Следовательно, вопрос о защите цифровых продуктов авторскими правами и патентами в информационном обществе становится одним из центральных. Это вопрос первостепенной важности, жизни и смерти. Рост информационной экономики будет серьезно затруднен и замедлен, если не появятся регулирующие эту сферу законы и правила, и юридический аппарат, способный претворять эти законы в жизнь. Потому повсеместно расходуются громадные ресурсы на усиление юридической защиты интеллектуальной собственности. Более того, законодательство и полицейские усилия разных стран в этой области постепенно приводятся в соответствие друг с другом и тщательно координируются. Одно следует за другим: рост информационной составляющей экономики вызывает интенсификацию законодательных процессов в сфере бизнес-права, что, в свою очередь, приводит к дальнейшему информационному росту. Растущая нетократия и ее союзники — капиталисты-предприниматели и члены специфических политических групп — заинтересованы в объединении усилий по защите нематериальной собственности, поскольку их собственной будущее непосредственно зависит от успеха этого проекта.

В таких странах, как Россия, Китай, Индия и Аргентина, с самого начала не было стремления уважать авторские права и патенты, поскольку считалось, что применение этих юридических инструментов благоприятствует лишь высокоразвитым странам Западной Европы

и Северной Америки, а также Японии. Напротив, эти страны разработали стратегию имитации идей и цифровых товаров, первоначально созданных где-то в другом месте. Все эти страны в огромном количестве производят и продают дешевые пиратские копии компьютерных программ, поп-музыки и лекарственных препаратов без какой-либо компенсации владельцам прав.

Однако серьезное давление со стороны Европы, Америки и Японии, с одной стороны, и постепенное развитие вышеназванных стран в направлении информационного общества, с другой, привели к развороту ситуации на 180°. Глобализация вынуждает политические силы всего мира объединять усилия при решении проблемы интеллектуальных прав. Цена, которую платят те, кто не желает присоединиться к соглашению, а именно: исключение из информационного сообщества, слишком высока. По этой причине местные власти в Китае, России и других подобных странах с утроенной энергией ополчились на интеллектуальных пиратов, одновременно прилагая усилия по созданию своих собственных механизмов защиты авторских и патентных прав. Предприниматели-неокрылатые и капиталисты-инвесторы могут снова легко вздохнуть.

Но в бизнесе и политике все еще нет полного понимания того, какое значение имеет развитие интернет-технологий. Культура Сети имеет свою собственную динамику, зачастую вступающую в противоречие с заинтересованностью позднего капитализма в праве на собственность идей. Это означает, что вся глобальная система авторских прав и патентных соглашений начинает разрушаться изнутри. В интернете люди по всему миру могут размещать цифровую информацию на своих личных страницах, будь-то тексты, музыка, фильмы, программы и т. п. Они могут обмениваться друг с другом информацией по своему собственному усмотрению, без посредничества и контроля, не беря в расчет какие бы то ни было законодательные ограничения или чьи-то авторские права. Люди, рьяно поощряющие и осуществляющие эту деятельность, являются предателями класса неокрылатых. Поток пиратской продукции в 1990-е годы феноменально возрос. Ни у национальных, ни у наднациональных полицейских организаций нет реальных шансов установить контроль над ней, и еще меньше — преследовать такого рода деятельность, потому что все это происходит в виртуальном пространстве, а, следовательно, не имеет географической привязки.

Поборники защиты интеллектуальной собственности встречают серьезное сопротивление. Запрет на копирование материальных вещей — мебели, автомобилей и пр. — легко принимается в общем то всеми. Кто-то, сконструировавший и произведший товар, владеет правами контроля продукта и производства — в этом мало противоречия. И наоборот, для новых граждан Сети не очевидно, по сравнительно небольшая группа программистов должна зарабатывать большие суммы денег за счет продажи дорогостоящей цифровой информации, которую невероятно легко и дешево копировать и распространять.

Вследствие особенностей информационной экономики затраты на производство, хранение и распространение цифровых продуктов очень малы, что, безусловно, играет на руку сетевому сообществу, особенно, если удастся подвергнуть сомнению право собственности на информацию. Напрашивается аналогия с ситуацией, когда рабочие на фабриках раннего капитализма считали право феодалов на владение землей естественным, но постепенно стали сомневаться в том, что капиталистические средства производства — фабрики и нов их оборудование — должно принадлежать буржуазии. Слишком хорошо известны кровавые конфликты, к которым приводила борьба за владение средствами производства. И нет причин полагать, что классовая борьба в информационном обществе будем более спокойной или мирной.

Проблемой защитников авторских прав является то, что доминирующее в новую эпоху мобилистическое мировоззрение совершенно не предполагает, что некая комбинация единиц и нулей может принадлежать какой-то организации или отдельному человеку, так что подобные имущественные права течением времени будут выглядеть все более противоестественными. Все законодательные инициативы регулирования процессов в этой области и попытки их реализовать станут восприниматься как стремление защитить чьи-то узкие интересы, что приведет к тому, что непрочный альянс между неокрылатическими предпринимателями и капиталистическими инвесторами окажется под угрозой. Потому защитники интеллектуальных

прав будут вынуждены опереться на гибнущую политическую структуру — национальное государство, у которого не будет ни экономической, ни практической возможности использовать полицейский аппарат каждый раз, когда чьи-то интеллектуальные права будут нарушены.

Как вообще полиция или политики смогут закрывать интернет-сайты, которые оперируют с какого-нибудь заброшенного островка в Индийском или Тихом океане, не говоря уже о случаях, когда домен не контролируется страной, которой принадлежит? (Так, домен Советского Союза.ru немедленно после распада государства был оккупирован хакерами.) Помимо всего прочего, с моральной точки зрения, непонятно, на какую защиту со стороны государства может рассчитывать информационная экономика, которая стремится избавиться от налогов? В результате нетократы-предприниматели будут вынуждены создавать новые системы защиты информации. Они будут шифровать нули и единицы перед распространением. Они заведут исключительно изощренные механизмы защиты сетей, так называемые брандмауэры — виртуальные стены, чтобы исключить взлом. Нетократы обучат собственных охранников и создадут сети, содержащие постоянно обновляемую информацию об электронных пиратах и торговцах краденым. Так они приобретут независимость от государства и еще больше ускорят захват власти.

Так что конфликты информационной эры будут происходить не между национальными государствами, спорящими из-за клочка земли сомнительной ценности. Мы станем свидетелями идеологических и экономических столкновений между разными нетократическими группировками в более-менее тесном союзе с повстанческими группами консьюмтариата. Линия фронта разделит собственно нетократию, которая защищает свои законные права владения информацией, составляющие основу её власти и статуса, и отщепенцев класса нетократии, которые воспринимают любой барьер на пути распространения информации как аморальный и считают ключевой ценностью новой эры максимальную экспансию 'ненулевых' (Non-zero-sum game) форм взаимодействия. Ярким примером такого конфликта стала борьба за первенство в расшифровке генома человека. Одна сторона была представлена консорциумом научно-исследовательских институтов HGP члены которого утверждали, что они трудятся на общее благо и не имеют экономических интересов. С другой стороны, им противостояла чисто коммерческая компания Celera, чей бизнес-план предусматривает ограничение доступа к информации и патентную защиту результатов генетических исследований с целью извлечения прибыли.

Тем не менее, учитывая, что главная ценность информационного общества состоит не в информации как таковой, а в ее сортировке и манипулировании ею, наиболее влиятельным нетократам нет нужды беспокоиться по поводу авторских прав и патентов. Очевидно, что им также нет нужды вкладывать время и усилия для создания систем шифрования и сетевой защиты. Способности создавать связи и охватывать единым взором большие объемы информации не могут быть скопированы или украдены. Единственная угроза для обладателя таких способностей это появление кого-то с большим талантом в этих областях. Такая ситуация создает основу для формирования альтернативной нетократии, элиты, которая будет опираться в своем могуществе не на владение авторскими правами или патентами (а равно и средствами производства), а на совсем другие вещи.

Эта новая группа — этерналисты — будет симпатизировать и сотрудничать с трудолюбивыми представителями своего класса нексиалистами, только если это будет в ее интересах. В другой ситуации, когда противоречия разобьют нетократов, они вполне способны предать собственный класс и вступить в коалицию с консьюмтариатом (подобно тому, как в позднекапиталистическом обществе симпатизировавшие 'левым' представители академических кругов иногда пытались объединиться с рабочим классом в борьбе против власти, к которой сами эти академики de facto принадлежали). Нетократы-этерналисты (последователи тех академиков) склонны рассматривать некоторые действия правящей элиты как аморальные и слишком агрессивные. Это то, что они могут себе позволить, когда ситуация не отвечает их интересам.

Все это, вместе с новым взглядом на взаимоотношения между потреблением и производством, дает более четкую картину классовых конфликтов информационного общества.

Основной формой протеста консьюмерариата станет отказ проявлять желания, бойкотируя и рекламу, и технологии, отстраняясь от информационной экономики на как можно большее расстояние. В активной форме сопротивление будет выражаться в напаках на ключевые инструменты нетократических предпринимателей (нексиалистов) — авторские права и патенты. Революционный протест будет как виртуальным, так и физическим. Каждый участок крепостной стены, возведенной для защиты ценной информации, станет объектом атаки.

В конечном итоге, борьба идет более не за контроль над производством, а за контроль над потреблением. Одной из характерных черт нетократов является то, что они контролируют свои собственные желания и оказывают сильное влияние на желания других, тогда как желаниями консьюмтариата управляют свыше. Когда власть нетократов станет нестерпимой, консьюмтариат начнет ей сопротивляться. Глашатаи 'новой экономики' верят или делают вид, что верят в возникновение коллективной, радостной реальности, в которой социальные конфликты будут разогнаны ветром перемен и все проблемы будут решены с помощью больших потоков информации. Такая точка зрения настолько же наивна, насколько лицемерна. Напротив, с развитием информационного общества трения между виртуальными классами усилятся. История не умерла. Она воскресла и предстала в совершенно ином обличье. И так же, как возрождение истории требует новых игроков, так и внимательное наблюдение за информационным обществом нуждается в новых обозревателях.